

ГАРРИ ГАРРИСОН

МИР

СМЕРТИ

II

ГАРРИ ГАРРИСОН

МИР СМЕРТИ

(СПЕЦИАЛИСТ ПО ЭТИКЕ)

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН

II

Художественное оформление

**П.Навдаев
М.Никитенко**

Роман «Мир смерти — 2 (специалист по этике)» — вторая книга трилогии выдающегося американского фантаста Гарри Гаррисона о Язоне дин Альте. В ней рассказывается о приключениях знаменитого галактического игрока на загадочной планете, живущей по своим этическим законам.

74703000000-14

Г

085 (02) -91

КМЦ "Альба"

Москва 1991

Глава первая

— Минутку, — сказал Язон и, отвернувшись от экрана, выстрелил в нападавшего на него «рогатого дьявола». — Нет, ничем важным я не занят. Сейчас приду. Возможно, смогу помочь.

Он выключил видеофон и изображение на экране погасло. Когда Язон проходил мимо подстреленного «рогатого дьявола», тот зашевелился в последней вспышке злобы, и его рога заскребли о гибкий металл ботинка. Язон отшвырнул чудовище вниз, в джунгли.

В сторожевой башне Периметра было темно, единственное освещение исходило от работающих экранов защиты. Мета взглянула на него и улыбнулась, затем ее внимание вновь переключилось на экраны.

— Я иду в башню космической связи, Мета, — сказал Язон. — На орбите звездолет, он старается вступить с нами в контакт на неизвестном языке. Может быть, я помогу.

— Поторопись, — сказала Мета и, убедившись, что все контрольные лампы горят зеленым светом, потянулась к нему. Ее руки, стройные и мускулистые, по-мужски сильные, обхватили его, губы же были по-женски теплыми и жадными. Он вернул поцелуй и она снова отвернулась к приборам, будто его тут и не было.

— Что за беда с этим Пирром! — сказал Язон. — Слишком уж большое внимание уделяется работе. — Он наклонился и слегка укусил ее за шею. Не отрывая глаз от приборов, она игриво шлепнула его и засмеялась. Он отошел, потирая ушибленное место.

— Женщина — тяжеловес! — пробормотал он про себя.

В рубке космической связи был один связист, подросток, никогда не покидавший Пирра и поэ-

тому не знавший других планет и их языков. Между тем, благодаря своей карьере профессионального игрока, Язон говорил или по крайней мере был знаком с большинством галактических языков.

— Они вышли из зоны приема, — сказал оператор, — скоро вернутся. Говорит что-то еще. — Он повернул ручку, и сквозь атмосферные помехи донесся голос:

— ...йег кан икке форзта... пуррус, кан диг хор миг...?

— Понятно, — сказал Язон, беря в руки микрофон. — Это датский язык, на нем говорит большинство планет полярной зоны.

Он нажал кнопку передачи и сказал:

— Нуррус тил румфрхокив, окер.

Ответ пришел на том же языке:

— Просим разрешить посадку. Дайте координаты.

— В посадке отказываем, надеемся, что вы найдете более гостеприимную планету.

— Это невозможно. У меня сообщение для Язона дин Альта. Мне известно, что он здесь.

Язон с интересом взглянул на хрипящий громкоговоритель.

— Вы правы, с вами говорит Язон дин Альт. Передайте сообщение.

— Это нельзя передать по открытой связи. Я следую за вашим радиолучом. Вы согласны вести меня на посадку?

— Вы должны понять, это — самоубийство. Пирр — опаснейшая из планет Галактики. Все формы жизни здесь — от бактерий до когтистых ящеров размером с ваш корабль — враждебны человеку. Сейчас тут что-то вроде перемирия, но для любого пришельца с других планет обстановка все равно смертельна. Вы меня слышите? — Ответа не было. Язон пожал плечами и взглянул

на радар, показывающий приближающийся корабль.

— Что же, это ваша жизнь. Но, умирая, не говорите, что вас не предупреждали. Я вас поведу на посадку, но только, если вы согласитесь оставаться в своем корабле. Я сам приду к вам, в этом случае будет пятьдесят шансов из ста за то, что обеззараживающие приборы у вашего люка убьют местную микрофауну.

— Согласен. Я вовсе не хочу умирать. Мне нужно передать сообщение.

Язон руководил посадкой, следя за появлением корабля из низких облаков. Специальные приспособления поглотили большую часть энергии удара, но тем не менее корабль наклонился и встал под опасным углом.

— Ужасная посадка, — сказал связист и отвернулся к своим приборам, не интересуясь больше пришельцем. Пирряне были лишены любопытства.

Язон в этом отношении был им полной противоположностью. Именно любопытство привлекло его на Пирр, ввергло в охватившую всю эту планету войну и чуть не погубило его. Вот и теперь все еще не удовлетворенное любопытство тянуло его к кораблю. Какое-то мгновение он колебался, сообразив, что связист не полностью понял его переговоры с незнакомым пилотом и не знает, что Язон собирается на корабль. Если что-нибудь случится, на помощь нечего рассчитывать.

— Хотя, я могу и сам позаботиться о себе, — усмехнулся он, поднял руку, и мгновенно выскочивший из кабуры постолет оказался в ладони. Указательный палец был уже согнут, и грянул выстрел, разнесший в клочья куст ядовитого растения.

Он был в хорошей форме и знал это. Конечно, ему никогда не удастся достичь уровня прирожденного пиррянина, рожденного и воспитанного на

этой смертоносной планете, с ее удвоенной гравитацией, однако он бил быстрее, чем любой другой инопланетянин. Он справится с любыми трудностями, если они встретятся — он даже догадывается с какими. В прошлом у него было немало расхождений во мнениях с полицией и властями различных планет, но маловероятным было, что одна из планет побеспокоится посылать космический корабль, чтобы арестовать его. Откуда же явился этот корабль?

На корме его был виден регистрационный номер и какой-то, показавшийся знакомым, герб. Где он мог его видеть? Его внимание привлек открывающийся люк. Язон вступил в него. Люк закрылся, и Язон закрыл глаза, — начинался цикл обеззараживания: сверхзвуковые и ультрафиолетовые волны должны были убить все местные микроорганизмы, которые он принес в своей одежде.

Наконец процедуры окончились и, когда внутренняя дверь начала открываться, он подготовился к прыжку. Если тут его ждут какие-то сюрпризы, он встретит их в полной готовности.

Тишина. Войдя в дверь, он почувствовал, что падает. Пистолет прыгнул было в руку, но он не успел направить его в человека, сидевшего в кресле пилота.

«Газ...» — успел сообразить он и упал на металлический пол.

Сознание возвращалось, сопровождаемое головной болью, которая заставила Язона поморщиться. Открывшиеся глаза так заболели от света, что он вынужден был снова их закрыть. Каким бы наркотиком его не усыпили, действовал он исключительно быстро.

Сознание возвращалось, головная боль постепенно исчезла, переходя в тупое биение крови в висках, и вскоре он сумел открыть глаза уже без ощущения, что в них вонзаются искры. Он

сидел в стандартном космическом кресле снабженном, правда, специальными замками для рук и ног. Они были крепко защелкнуты вокруг его запястий и лодыжек. Рядом, в таком же кресле сидел человек, наблюдавший за приборами на контрольном щите. Корабль, несомненно, находился в полете, причем в особом — джамп-режиме. Незнакомец производил вычисления на компьютере, контролируя верность вхождения в джамп-режим.

Язон воспользовался возможностью изучить его. Незнакомец казался слишком старым для полицейского, хотя, с другой стороны, несмотря на солидный возраст, был еще крепок и силен. Волосы были серого цвета и подрезаны кружком, глубокие морщины на туго натянутой коже лица, казалось, были произведены не годами, а сильными переживаниями. Высокий и прямой, он, на первый взгляд, ничего не весил. Потом Язон понял, что этот эффект происходил от полнейшего отсутствия на его теле лишнего мяса. Похоже было, что этого человека долго пекло солнце и мыли дожди, пока от него не остались лишь кости, сухожилия и мускулы. Когда он поворачивал голову, мышцы на шее напрягались, как тросы, а руки над контрольным пультом напоминали коричневые когти какой-то птицы. Твердым пальцем он нажал кнопку контроля режима и повернулся к Язону.

— Я вижу, вы пришли в себя. Это был слабодействующий газ. Мне не хотелось его применять, но это был самый безопасный путь.

При разговоре челюсти его отворялись и смыкались с суровостью и серьезностью банковских сводов. Глубоко посаженные холодные голубые глаза неподвижно смотрели из-под толстых темных бровей. В его манерах и словах не было ни малейшего намека на юмор.

— Не слишком дружественный прием, — сказал Язон, осторожно испытывая сковавшие его замки.

Они были надежно заперты. — Знать бы мне каким будет ваше важнейшее личное послание, я бы дважды подумал, прежде чем руководить вашей посадкой.

— Обман в ответ на обман, — прозвучало из черепахообразного рта. — Будь у меня другая возможность захватить вас, я бы использовал ее. Но, учитывая вашу репутацию безжалостного убийцы и тот несомненный факт, что на Пирре у вас много друзей, я использовал единственно возможный путь.

— С вашей стороны это очень благородно, — Язона начинала бесить эта безграничная самоуверенность. — Цель оправдывает средства и так далее, не самый оригинальный довод. Но пошел я на это с открытыми глазами и не могу теперь возражать. — «Во всяком случае, не явно», — подумал он с горечью. Конечно не стоило поддаваться своему глупому любопытству. — Не потребую ли я слишком многого, попросив объяснить кто вы такой и почему пошли на такие хлопоты, пытаясь захватить мое недокормленное тело?

— Я — Майках Саймон. Моя обязанность — вернуть вас на Кассилию для суда и наказания.

— Кассилия... я должен был узнать герб на вашем корабле. Мда... Не удивительно, что они еще хотят поймать меня. Но вы должны знать, что от тех трех миллиардов, которые я выиграл в казино, уже ничего не осталось.

— Кассилии не нужны деньги, — сказал Майках, взглянув на приборы и вновь откинувшись в кресле. — Не хотят они и вашего возвращения, так как теперь вы — герой планеты. Они запустили на полный ход свою пропагандистскую машину и ныне среди окрестных звездных систем вы известны как «Язон — три миллиарда», живое доказательство честности их бесчестных притонов и соблазн для всех малодушных. Вы искушаете

всех попытать счастье в азартных играх, вместо того, чтобы попытаться заработать деньги честным путем.

— Простите мое сегодняшнее тупоумие, — сказал Язон, тряся головой, чтобы избавиться от стука в затылке, — но я не вполне вас понимаю. К какой же полиции принадлежите вы и почему везете меня для суда и наказания, если все обвинения сняты?

— Я не полицейский, — сурово ответил Майках, поведя перед ним своим длинным пальцем и глядя пронзительным взглядом, — я верую в Правду и ничего больше. Продажные политиканы, управляющие Кассилией, вознесли вас на пьедестал почета. Воздавая честь вам — другому и, возможно, еще более продажному человеку, они наживаются, благодаря вашему искаженному облику. Но я использую правду, чтобы разрушить ваш лживый облик, а разрушив его — тем самым разрушу и произведенное им зло.

— Это тяжелая задача для одного человека, — сказал спокойно Язон, гораздо спокойнее, чем он был на самом деле. — Не найдется ли у вас сигареты?

— На борту корабля нет ни табака ни алкоголя. И знайте, я не один — у меня есть последователи. Партия Правды — это сила, с которой приходится считаться. Мы затратили много сил и энергии, выслеживая вас, но дело стоит того. Мы проследили ваш беспечный путь в прошлом, на планету Мокаут, и казино «Небьюла» на Галипто, через серию грязных преступлений, от которых у честного человека волосы дыбом встают. Мы запаслись ордерами на ваш арест в каждом из этих мест, и в любом из них вас сейчас ожидает суд и смертная казнь.

— Полагаю, ваше чувство справедливости не беспокоит то обстоятельство, что все эти преступ-

ления произошли в мое отсутствие? — осведомился Язон. — Или, что я всегда обманывал лишь шулеров в казино, которые, в свою очередь, обманывают простаков?

Майках взмахом руки отбросил это возражение.

— Вы признаны виновным в нескольких преступлениях. И ваши увертки тут не помогут. Вы должны быть благодарны нам за то, что ваша порочная деятельность в конце концов послужит добру. Она станет рычагом, при помощи которого мы опрокинем продажное правительство Кассилии.

— Придется что-то делать с этим моим любопытством, — сказал Язон, — посмотрите на меня, — он подвигал запястьями в зажимах и сервомоторы заработали, механизм уловил его движение и соответственно укрепил зажимы. — Со всем недавно я рисковал здоровьем и свободой, когда меня вызвали для разговора с вами. Затем, вместо того, чтобы предоставить вам возможность взбороздить холм, я привел вас на посадку и не удержался от соблазна — сунул свою глупую голову в вашу ловушку с приманкой. Придется поучиться бороться с такими порывами.

— Если вы обращаетесь с мольбой о милости, то напрасно, — сказал Майках. — Я никогда не делал одолжений людям вашего типа и ни чем не был им обязан. Не собираюсь делать этого и теперь.

— Никогда — очень долгий срок, — спокойно сказал Язон. — Хотелось бы мне иметь вашу уверенность в будущем.

— Это замечание показывает, что у вас еще осталась надежда. Вы еще сможете познать Правду перед смертью. Я помогу вам, расскажу все и объясню.

— Это лучше, чем казнь, — чуть не подавился Язон.

Глава вторая

— Вы будете кормить меня сами или отомкнете зажим, пока я буду есть? — спросил Язон. Майках в нерешительности стоял перед ним с подносом в руках. Язвительно, но в то же время мягко (Майках был кем угодно, но не глупцом) Язон добавил: — Конечно, я предпочел бы, чтобы вы кормили меня — из вас вышел бы отличный лакей.

— Вы способны есть сами, — немедленно ответил Майках, ставя поднос на подлокотники его кресла. — Но вам придется все делать одной рукой: если совсем освободить вас, вы наделаете хлопот.

Он прикоснулся к контрольному щитку на спинке кресла, и замок, удерживающий правое запястье Язона, щелкнул и открылся. Язон расправил затекшие пальцы и взял вилку.

Во время еды глаза его были закрыты. Незаметно (для профессионального игрока, привлечь внимание к себе невозможно) он осмотрелся. Вскользь можно увидеть многое, даже если смотреть как бы невзначай. Предмет за предметом его внешне случайный взгляд перебрал все содержимое каюты. Контрольный щит, экраны, компьютер, маршрутный экран, контроль джамп-режима, шкаф для карт, книжная полка. Он все осмотрел до мелочей, запоминая расположение вещей. Какой-то план начал вырисовываться в мозгу.

Но все же пока у него были лишь начало и самый конец плана. Начало: он пленник на корабле, направляющемся на Кассилию. Конец: он не желает ни оставаться пленником, ни возвращаться на Кассилию. В плане не хватало самого существенного — середины. В данный момент сделать что-либо казалось невозможным, но Язон никогда бы с этим не согласился. Он руководст-

вовался принципом, что человек — сам кузнец своего счастья. Если твои глаза открыты, в нужный момент ты начнешь действовать. И если действуешь достаточно быстро, все хорошо. А упустил возможность и время — дела твои плохи.

Он отодвинул пустую тарелку и бросил в чашку сахара. Майках ел очень умеренно и сейчас принялся за вторую чашку чая. Его глаза были неподвижны и устремлены куда-то вдаль, он о чем-то думал. Когда Язон обратился к нему, он слегка вздрогнул.

— Поскольку вы не позаботились о сигаретах, то не позволите ли вы мне закурить свои? Только вам придется достать их — я не могу дотянуться до кармана.

— Я не могу помочь вам, — не двигаясь ответил Майках. — Табак — наркотик и канцерогенное средство. Дав вам сигарету, я, тем самым, дам вам и рак.

— Не будьте лицемером! — выпалил Язон, с невольным удовольствием глядя, как Майкаха бросило в краску. — Люди используют канцерогенные элементы табака в течение столетий. И если бы они даже не курили, какое это имеет отношение к данной ситуации? Вы везете меня на Кассилию на верную смерть. Чего ради тогда заботиться о моих легких в отдаленном будущем?

— Я не подумал об этом. Но ведь есть определенные нормы...

— Неужели? — Язон прервал его, сохраняя инициативу в разговоре. — Не похоже, что вы вообще любите думать. Вы, видимо, относитесь к сорту людей, которые во сне видят общие правила, не существующие в реальной жизни. Вот вы против наркотиков. Каких именно? А как вы относитесь к танину в чае, который пьете? Или к кофеину в кофе? А ведь кофеин — тоже наркотик, но одновременно это и сильный стимулятор

и диуретик. Поэтому вы не найдете чай в рационе космонавтов. Но об этом наркотике вы почему-то забываете. Как же после этого выглядит запрет на сигареты?

Майках попытался возразить, но смолчал и задумался.

— Возможно, вы правы. Я просто устал, и в конце концов это действительно не так уж важно.

— Он осторожно извлек пачку сигарет из кармана Язона и положил ее на поднос. Язон не пытался отвлечь его. Майках с извиняющимся лицом налил себе третью чашку чая.

— Вы должны извинить меня, Язон, за попытку подогнать вас под мои собственные стандарты. Когда вы гонитесь за большой Правдой, вы иногда допускаете, что малые правды ускользают. Я терпимый человек, но у меня есть тенденция заставлять других людей руководствоваться критериями, которые я создал для себя. Мы никогда не должны забывать о смирении, я надеюсь, вы извините меня. Поиски Правды требуют всех сил.

— Правды нет, — сказал Язон. В его голосе звучали гнев и обида: он хотел вовлечь своего похитителя в разговор. Вовлечь настолько, чтобы тот на время забыл о его свободной руке.

Язон поднес чашку к губам и лишь дотронулся до жидкости. А пока в чашке оставался чай, она служила хорошим поводом для того, чтобы оставить руку свободной.

— Нет Правды? — Майках обдумывал эту мысль. — Но вы не можете так думать. Наша Галактика полна Правдой, это краеугольный камень жизни. Именно Правда отличает человека от животного.

— Нет ни правды, ни жизни, ни человека. Во всяком случае, не в вашем смысле с большой буквы. Они не существуют.

Туго натянутая кожа на лице Майкаха сморщилась от сосредоточенности.

— Вы должны объяснить свою точку зрения, — сказал он. — Пока мне непонятно.

— Боюсь, что этого вы вообще не поймете. Вы превращаете в реальность то, чего не существует. Правда — с маленькой буквы — это выражение отношений, способ описать обстановку, семантический инструмент. Но Правда с большой буквы — слово воображаемое, комплекс звуков, не имеющих значения. Оно кажется существительным, но у него нет рефрена, нет отражаемого. Оно ни для чего не служит, ничего не значит. Когда вы говорите: «Я верю в Правду», вы в сущности утверждаете: «Я верю в ничто».

— Вы, очевидно, заблуждаетесь! — сказал Майках, наклонившись вперед и возбужденно размахивая рукой. — Правда — это философская абстракция, одно из тех самых орудий, которые наш мозг использует, чтобы приподнять нас над животными, — доказательство того, что мы не животные, а создания высшего порядка. Звери могут быть правдивыми, но они не могут знать Правды. Звери могут видеть, но они не могут увидеть красоту.

— Ох! — застонал Язон. — С вами невозможно говорить, мы с вами не понимаем друг друга. Мы говорим на разных языках. Забудем на время кто прав, кто ошибается... Нам придется вернуться назад и договориться о значении терминов, которые мы употребляем. Для начала: можете вы определить разницу между «этикой» и «этосом»?

— Конечно! — выпалил Майках, и в его взгляде промелькнуло удовлетворение при мысли о возможности убедить противника. — Этика — это дисциплина, изучающая, что такое хорошо и что — плохо, что верно и неверно, этика занимается

моральными обязанностями и долгом. Этос означает руководящую веру, стандарты или идеалы, характеризующие группу или общество.

— Очень хорошо, вижу, что вы провели немало ночей, уткнув нос в книги. Теперь мы установили разницу между двумя этими терминами — это центр маленькой коммуникационной проблемы, с которой мы имеем дело. Этос неразрывно связан с отдельным обществом и не может быть оторван от него, иначе он теряет всякий смысл. Согласны?

— Пожалуй...

— Ну вы должны согласиться — ведь это ваше собственное определение термина. Этос группы — это лишь всеохватывающий термин для выражения отношений группы друг с другом. Верно?

Майках кивнул, неохотно соглашаясь.

— Теперь, договорившись об этом, мы можем продвинуться на шаг вперед. Этика, опять же согласно вашему собственному определению, должна иметь дело с любым количеством обществ и групп. Если существуют абсолютные этические законы, то они должны быть столь обширны, что их можно применить к любому обществу. Законы этики должны быть столь же универсальны, как и закон всемирного тяготения.

— Я не вполне понял...

— Я не думал, что вы поймете. Вы, люди, болтающие об универсальных законах, в сущности никогда не понимаете значения этих терминов. Мои знания науки не очень велики, но все же я помню первый закон тяготения, устанавливающий зависимость притяжения от массы. Это даже не знания, а простое наблюдение, не имеющее силы, пока вы добавите «на этой планете». На планете с другой массой данные наблюдения будут другими. А закон гравитации — это формула. Формула, которая может быть использована

для вычисления силы притяжения между любыми двумя телами. Таков путь выражения фундаментальных и неизменных принципов, применимых к любой ситуации. Если у вас действительно имеются этические законы, они должны иметь ту же всеобщность. Они должны действовать в Кассилии и на Пирре, и вообще на любой планете и в любом обществе. Это вновь возвращает нас к вам. То что вы так грандиозно — с большой буквы и с громом фанфар — величаете «Законами Этики» — и не законы вообще, но лишь куски пламенного этоса, местные наблюдения, сделанные группой покинутых овечьих пастухов и пригодные лишь на то, чтобы поддерживать порядок в доме. Эти правила не применимы в любой ситуации, даже вы должны будете признать это. Только подумайте о множестве различных планет и о том какими необычными и страшными бывают там отношения людей друг к другу — а потом попробуйте сформулировать десять правил общения, пригодных для всех этих обществ. И вы убедитесь, что это невозможно. Готов поклясться, что для вас самого существуют эти десять правил, но если одно из них заключается в том, что нельзя поклоняться вырезанным из дерева идолам, я могу сказать вам, чего стоят остальные. Вы не будете этичны, если попыгаете применять эти правила всюду — это будет всего лишь новый способ самоубийства.

— Вы обижаете меня!

— Надеюсь. Если я не могу воздействовать на вас другим путем, то обида, возможно, выведет вас из состояния моральной самоуверенности. Как вы смеете обвинять меня в краже денег из казино Кассилии, когда я действовал в полном согласии с их этическим кодексом! Они организуют нечестные азартные игры — это норма. Если вы утверждаете, что обманывать в играх нечестно,

значит это вы не соответствуете местной этике, а вовсе не я. И если вы доставите меня для суда, значит это вы не этичны, а я — беспомощная жертва злого человека!

— Клянусь Сатаной! — воскликнул Майках, вскакивая на ноги и шагая взад и вперед у кресла Язона, в возбуждении сжимая и разжимая кулаки. — Вы хотите смутить меня вашей семантикой и так называемой этикой, но на самом деле все объясняется вашей алчностью, существует Высший Закон, которого нельзя оспорить...

— Вы неправы, я могу доказать это, — Язон указал на книжную полку, — при помощи ваших же книг. Акзинского не нужно, он слишком толстый. Возьмем вот этот небольшой томик с именем Лалла на корешке. Это ведь книга «О законах рыцарства» Раймона Лалла?

Майках широко раскрыл глаза:

— Вы знаете эту книгу? Вы знакомы даже с трудами Лалла?

— Конечно, — небрежно ответил Язон, по правде говоря, это была единственная книга из всего собрания Майкаха, которую он однажды просматривал, и странное название засело у него в голове... — Позвольте мне взглянуть на нее, и я докажу вам то, что хочу...

Он постарался произнести это как можно спокойнее: именно из-за этого момента он и вел весь разговор. Он отпил еще чаю. Не следовало показывать свою напряженность.

Майках снял книгу с полки и протянул ему.

Перелистывая страницы, Язон продолжал говорить.

— Да, да, совершенно верно. Идеальный образец вашего типа мышления. Вы любите читать Лалла?

— Чрезвычайно, — ответил Майках с сияющими глазами. — В каждой его букве Красота

и Правда, которые мы забываем в суматохе современной жизни. Примирение и доказательство взаимосвязи между мистическим и конкретным. Манипулируя символами и используя математическую логику, он объясняет все.

— Он ничего не объясняет! — заявил Язон. — Он играет в слова. Берет слово, придает ему абстрактное и нереальное значение, а затем доказывает это значение, обращаясь к другим словам и проделывая с ними те же туманные процедуры. Его доказательства — всего лишь бессмысленные звуки. Вот — главный пункт, где расходятся ваше и мое понимание жизни. Вы живете в мире слов, лишенных значений, не существующих, мой же мир содержит факты, которые можно взвесить, попробовать на вкус, мои факты неопровержимы. Они — существуют!

— Покажите мне какой-нибудь из ваших неопровержимых фактов, — сказал Майках неожиданно спокойным голосом, во всяком случае, гораздо более спокойным, чем голос Язона.

— Вон там, — сказал Язон, — на консоли, большая зеленая книга. Она содержит факты, относительно которых даже вы согласитесь, что они существуют. А если не согласитесь, я съем каждую ее страницу. Дайте ее мне.

Он говорил сердито, интонации его были чрезмерно самоуверенными, и Майках попался в ловушку. Он протянул том Язону обеими руками: книга была тяжелая, толстая, в металлическом переплете.

— Теперь слушайте внимательно и постарайтесь понять, даже если для вас это будет трудно, — сказал Язон, открывая книгу. Майках сухо усмехнулся при этом намеке на его глупость. — Это собрание звездных эфемерид, так же набито фактами, как яйцо содержимым. В некотором роде это история человечества.

Теперь взгляните на экран контроля джамп-режима и вы поймете, что я имею ввиду. Видите эту горизонтальную зеленую линию? Это наш курс.

— Поскольку это мой корабль и я его пилотирую, то я в этом уверен, — сказал Майках. — Давайте ваше доказательство.

— Имейте терпение, — ответил Язон. — Постараюсь объяснить это попроще. Красное пятно на зеленой линии обозначает местоположение нашего корабля. Номер под экраном означает наш следующий навигационный пункт-место, где тяготение звезд достаточно для использования джамп-эффекта. Номер записан звездным кодом ДВ 89-046-229. Я смотрю в эту книгу... — и он быстро перелистал страницы, — и нахожу этот номер в списке. Не название, всего лишь ряд символов, которые тем не менее, могут сказать очень многое. Этим символы означают, что в данном месте имеется планета или планеты, пригодные для жизни человека.

— К чему вы клоните? — прервал Майках.

— Терпение, скоро узнаете. Теперь смотрите на этот экран. Зеленая точка приближается к линии курса, это — ПМБ, то есть пункт максимальной близости. Когда красная и зеленые точки совпадут...

— Дайте мне книгу, — сказал Майках, нагнувшись вперед и почувствовав что-то неладное, но было уже поздно.

— Вот доказательство, — сказал Язон и швырнул тяжелую книгу в экран джамп-контроля, в тонкие сложные приборы, скрывавшиеся за экраном. Тут же полетела и вторая книга. Послышался звон, треск разбитого экрана, вспышка света.

Корабль вздрогнул: сработали аварийные реле, выбросив его в обычное пространство.

Сморщившись от боли, Майках упал на пол от резкого внезапного перехода. Прикованный к

креслу, Язон сдерживал тошноту и подступившую к глазам тьму.

Когда Майках поднялся, Язон решил довершить дело и швырнул поднос с пустыми тарелками в дымящиеся обломки приборов джамп-контроля.

— Вот мой факт, — сказал он с триумфом. — Мое неопровержимое, с золотой отделкой и с урановым сердечником доказательство. Мы никогда не попадем на Кассилию!

Глава третья

— Вы убили нас обоих, — сказал Майках с побелевшим лицом, но сравнительно спокойным голосом.

— Еще нет, — весело ответил Язон, — но я уничтожил контроль джамп-режима, так что мы не можем лететь к другим звездам, но в обычном пространстве передвигаться способны, и ничто не мешает нам приземлиться на какой-нибудь планете — хоть одна пригодная для жизни человека тут найдется.

— Там я починю механизм контроля, и мы продолжим полет к Кассилии. Так что вы не выиграли ни в чем.

— Возможно, — уклончиво ответил Язон. У него не было ни малейшего желания продолжать путешествие, что бы ни думал об этом Майках.

Его похититель пришел к аналогичному заключению.

— Протяните руку на подлокотнике, — сказал он и закрепил замок. В этот момент включились двигатели, и корабль изменил направление полета. — Что это? — спросил он.

— Аварийный контроль, — пояснил Язон. — Корабельный компьютер понял, что произошла авария и принял меры. Вы можете взять на себя

руководство, но не стоит беспокоиться. Компьютер выполнит эту работу быстрее и лучше распорядится запасами и накопленной информацией. Он сам отыщет планету, проложит к ней курс и посадит нас с наибольшей экономией времени и горючего. Когда мы войдем в атмосферу, вы сможете выбрать место для посадки.

— Я не верю ни одному вашему слову, — сказал Майках. — Я возьму на себя контроль и попытаюсь использовать аварийную связь. Кто-нибудь услышит нас.

Когда он встал, корабль вновь вздрогнул. Свет погас. В темноте был виден огонь, полыхающий в приборах контроля. Послышался свист пены и огонь погас. Вспыхнуло аварийное освещение.

— Не стоило бросать туда книгу Раймона Лалла, — сказал Язон. — Корабль гораздо разборчивее в пище, чем я предполагал. Он не может ее переварить.

— Вы непочтительны и невежественны, — сквозь сжатые губы ответил Майках, подходя к щиту. — Вы попытались убить нас обоих. Вы не уважаете ни свою собственную жизнь, ни мою. Вы заслуживаете самого большого наказания, предусмотряемого законом.

— Я игрок, — засмеялся Язон. — И совсем не такой плохой, как вы считаете. Я использую шансы, но лишь тогда, когда надеюсь на выигрыш. Вы везли меня на верную смерть. Худшее, что ожидало меня, при поломке приборов — тот же конец. Следовательно, я использовал этот шанс. Конечно, для вас в этом был большой риск, но каюсь, я не принимал этого во внимание. В конце концов вы все это затеяли. Вы должны были предвидеть и такие последствия своей затеи.

— Вы совершенно правы, — спокойно сказал Майках. — Мне бы следовало быть более осторожным. Не подскажете ли теперь, как нам по-

пытаться спасти наши жизни? Ни один из контрольных приборов не работает.

— Ни один? А вы не пробовали аварийное катапультирование? Большая красная кнопка сверху...

— Пробовал. Она тоже не работает.

Язон откинулся в кресле. Некоторое время он молчал, потом заговорил:

— Почитайте одну из ваших книг, Майках. Ищите утешение в вашей философии. Мы ничего не можем сделать: все зависит от компьютера и уцелевших механизмов.

— Мы не можем ничего восстановить?

— Вы механик? Я — нет. Мы, вероятно, принесем компьютеру больше вреда, чем пользы.

Два дня корабельного времени прошли в блуждающем полете, пока не была найдена планета. Ее покрывал густой слой облаков. Она приближалась с ночной стороны и поэтому детали невозможно было рассмотреть. Света тоже не было видно.

— Если бы здесь были города, мы увидели бы их свет, — сказал Майках.

— Не обязательно. Может быть, тут буря или подземные города? На этом полушарии вообще может быть только океан.

— А может, тут нет людей. В таком случае, даже если посадка произойдет благополучно, какое это может иметь значение? Нам придется провести остаток жизни на этой планете на краю Вселенной!

— Не надо быть таким жизнерадостным, — прервал его Язон. — Не хотите ли на время посадки расстегнуть эти ремни? Посадка может быть трудной, а мне хотелось бы сохранить какие-нибудь шансы.

Майках нахмурился.

— А вы дадите мне слово чести, что

не попытаетесь сбежать при приземлении?

— Нет. А даже если бы я дал честное слово, разве вы поверили бы? Если бы вы освободили меня, это удвоило бы ваши шансы. Давайте попытаемся спастись вместе.

— Нет, я выполняю свой долг, — сказал Майках.

Язон остался привязанным к креслу.

Они вошли в атмосферу, и мягкое шипение вокруг корпуса постепенно превратилось в пронзительный визг. Двигатели выключились и началось свободное падение. Трение воздуха нагрело внешнюю оболочку добела, быстро росла температура и внутри корабля, несмотря на работу охлаждающих установок.

— Что происходит? — спросил Майках. — Вы кажется, лучше меня разбираетесь в этом. Мы разобьемся?

— Возможно. У нас две возможности. Либо приборы не сработают и в этом случае мы разобьемся на мелкие кусочки. Либо... компьютер, может быть, способен на последние усилия. Я, лично, надеюсь на это. Сейчас изготавливают очень надежные компьютеры. Корпус и двигатели в хорошем состоянии, не надежны лишь приборы контроля. В таком случае хороший пилот мог бы попытаться посадить корабль, включая и выключая двигатели. Это связано с риском, перегрузки достигли бы тринадцати «же», но пассажиры могут это выдержать в амортизационных креслах. Впрочем мы этого сделать не можем. Придется положиться на приборы.

— Вы думаете, мы все же приземлимся? — спросил Майках, усаживаясь в амортизационное кресло.

— Я надеюсь, что так будет. Может, вы все же откроете эти замки, прежде чем отправитесь

в постель? Посадка будет плохой, могут понадобиться быстрые действия.

Майках подумал, потом вытащил пистолет.

— Я освобожу вас, но если вы попытаетесь этим воспользоваться, я буду стрелять. Как только мы приземлимся, я опять закрою вас.

— Благодарю, вы так добры, — сказал Язон, растирая запястья.

Началось торопливое торможение, тяжесть вдавила их в кресла, изгнав воздух из легких. Пистолет был прижат к груди Майкаха, слишком тяжелый, чтобы его поднять. Но никаких преимуществ это Язону не давало — он все равно не смог бы встать, еле удерживаясь на грани беспомощности, перед глазами мелькали черные и красные пятна.

Внезапно тяжесть исчезла. Они все еще падали.

Взревели кормовые двигатели. Защелкали реле. Два человека, не двигаясь, смотрели друг на друга и ждали.

Корабль ударился, повернулся и закачался. Конец для Язона наступил в непрерывном грохоте, боли и шоке. Внезапно удар бросил его вперед, инерция тела разорвала привязанные ремни и швырнула на контрольный щит. Последней его мыслью было: «Надо защитить голову».

Он поднял руку и ударился о стену.

Холод успокаивал боль. В то же время он рвал тело на куски.

Язон пришел в себя от собственного хриплого крика. Холод заполнял собой всю Вселенную. Он ощутил прохладу воды, забивавшую ему рот и нос. Что-то схватило его за шею. Понадобились усилия, чтобы понять, что это руки Майкаха. Он поддерживал голову Язона над поверхностью воды и плыл.

Постепенно исчезающая в воде темная масса могла быть только кораблем: он умирал со скри-

пом, пуская пузыри. Язон с облегчением почувствовал под ногами опору.

— Вставайте и идите, — хрипло прошептал Майках. — Я не могу... держать вас... не могу держать себя...

Они барахтались в воде бок о бок, как четвероногое животное, не способное стоять прямо. Все вокруг было каким-то не реальным и Язон с трудом соображал. Он был уверен, что нельзя останавливаться, но вот ... почему?

Но тут в темноте появилась светящаяся точка, колеблющийся свет приближался к ним. Язон не мог ничего сказать, но слышал крик Майкаха.

Свет приближался, это было что-то вроде факела, поднятого довольно высоко. Когда свет был совсем близко, Майках поднялся на ноги.

Это походило на ночной кошмар. Не человек, а существо, держащее факел. Оно все, казалось, состояло из острых углов и клыков и было ужасно. Конечностью, похожей на дубинку, оно ударило Майкаха. Тот молча упал и существо повернулось к Язону. У того не было сил для борьбы, но он старался встать на ноги. Пальцы его скреблись о холодный песок, но встать он не мог, и истощенный этим последним усилием, он упал лицом вниз. Надвинулась тьма, но он огромным усилием отодвинул ее и не потерял сознание. Мерцающий факел приблизился, и послышался тяжелый топот ног по песку. Последним усилием Язон перевернулся и лег на спину, глядя на существо, стоящее над ним.

Глава четвертая

Чудовище не убило его, а остановилось, глядя вниз, и по мере того, как медленно шли секунды, и Язон все еще оставался жив, он собрался с

силами, чтобы внимательно рассмотреть угрозу, надвинувшуюся из темноты.

— К'о фи стас ел? ... — сказало существо, и тут Язон впервые понял, что это был человек; значение вопроса коснулось края его истощенного сознания, и он понял, что может понимать его, хотя никогда раньше не слышал этого языка. Он попытался ответить, но из его горла раздался лишь хрип.

— Еен кин Торгоу — р'диду!

Множество огней появилось из темноты, послышался топот тяжелых ног, бегущих к ним. Когда огни приблизились, Язон смог получше рассмотреть стоящего над ним человека и понял, почему он раньше ошибся и принял его за чудовище. Конечности этого человека были обернуты в куски крашенной кожи, грудь и все тело так же были покрыты накладывающимися друг на друга кусками шкур, покрытых кроваво-красными полосами. На голове возвышалась похожая на улитку раковина какого-то моллюска, она была направлена острием вперед. В раковине были просверлены отверстия для глаз. Огромные, в палец длиной, клыки, усеивали края раковины, усиливая и без того страшное впечатление. Единственной человеческой деталью во внешности этого незнакомца была спутанная и грязная борода, выбивающаяся из-под раковины ниже клыков.

Было в его наружности еще множество деталей, которых Язон сразу не сумел уловить: что-то свисало с его плеча, какие-то темные предметы были привязаны к талии. Тяжелая дубинка поднялась и стукнула Язона по ребрам, но он был слишком слаб, чтобы сопротивляться.

Гортанная команда остановила людей, несших факелы, в пяти метрах от места, где лежал Язон. Он удивился, почему вооруженный дубинкой человек не позволил им подойти ближе, так как

свет факелов слабо освещал его: на этой планете все казалось необъяснимым. Очевидно, на несколько мгновений он все же потерял сознание, потому что когда он взглянул в следующий раз, факел был уже воткнут в землю, а тот вооруженный человек уже снял с Язона один башмак и принялся за второй. Язон мог лишь слегка пошевелиться, но не в силах был помешать грабителю: он почему-то не мог заставить тело слушаться. Его чувство времени в чем-то изменилось, и хотя секунды текли медленно, события развивались с пугающей быстротой.

Башмаки были сняты и человек перешел к одежде Язона, останавливаясь через каждые десять секунд, чтобы взглянуть на ряд факелоносцев. Магнитная застежка оказалась ему незнакомой, и острые когти, подшитые над пальцами, вцепились Язону в кожу, когда человек пытался открыть застежку или оторвать ее. Он что-то проворчал от нетерпения, но тут случайно ткнул в кнопку, отстегивающую аптечку, и та оказалась у него в руках.

Это сверкающее приспособление, казалось, понравилось ему, но когда она из иголок аптечки проткнула шкуру и впилась ему в руку, он закричал от гнева, бросил аптечку на песок и растоптал ее. Утрата этой необходимейшей вещи заставила Язона действовать, он встал и попытался дотянуться до аптечки, но тут же потерял сознание.

Незадолго до рассвета боль в голове заставила его неохотно придти в себя. На нем было несколько грязных, отвратительно пахнущих шкур, которые частично сохраняли тепло тела. Он отбросил вонючую шкуру, закрывавшую лицо и посмотрел на звезды — далекие световые точки,

сверкающие в холодной ночи. Воздух оживил его. Он обжигал, но прояснял мысли. Язон впервые осознал, что его слабость и туман в голове были вызваны ударом по голове, который он получил во время кораблекрушения, пальцами он нащупал большую шишку на черепе. Очевидно у него было легкое сотрясение мозга: это объясняло его неспособность двигаться и ясно мыслить. Холодный воздух овеивал его лицо, и он вновь натянул шкуру на голову.

Он вспомнил, что произошло с Майкахом Саймоном после того, как абориген-головорез в ужасном наряде ударил его дубинкой. Это был бы печальный и неожиданный конец для человека, выжившего в кораблекрушении. Язон не особенно жалел этого недокормленного фанатика, но он все-таки был обязан ему жизнью. Майках спас его после крушения и тут же был убит местным бандитом.

И Язон поклялся убить этого туземца, как только сможет сделать это физически. В то же время он удивился этому кровожадному решению: отобрать жизнь за жизнь. Очевидно, годы, проведенные на Пирре, подавили его обычную нелюбовь к убийству, исключая самооборону. Он заключил, что приобретенные на Пирре навыки еще сослужат ему хорошую службу на этой планете.

Сквозь дыру в шкуре, он заметил, что небо сереет и отбросил шкуру, чтобы посмотреть на рассвет.

Майках лежал рядом с ним, и его голова была прикрыта меховой шкурой. Волосы были спутаны и вымазаны темной кровью, но он дышал.

— Оказывается убить его труднее, чем я думал, — пробормотал Язон, с трудом приподнимаясь на локте и глядя на мир, в который их забросили книги.

Это была угрюмая пустыня, покрытая телами,

как поле битвы. Некоторые уже встали, кутаясь в шкуры, и это было единственным признаком жизни в обширной песчаной пустыне. С одной стороны гряда дюн закрывала вид на море, но Язон слышал глухие удары волн о берег.

Белый иней покрывал пустыню, а холодный ветер заставлял слезиться глаза. На вершине одной из дюн появилась памятная по ночи фигура — этот туземец что-то проделывал с кусками веревки; послышался металлический звон, внезапно оборвавшийся. Майках застонал и открыл глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спросил его Язон. — У вас два самых прекрасных синяка, когда-либо виденных мною.

— Где я?

— Какой оригинальный вопрос. Сразу видно, что вы смотрели немало космических опер по телевизору. Я не знаю, где мы, но кратко могу напомнить, как мы сюда попали.

— Я помню: мы плыли к берегу, затем из тьмы возникло что-то злобное, как демон из ада. Мы боролись...

— И он пробил вам голову, один удар -- и ваша судьба и борьба кончилась. Я лучше вас разглядел этого демона, так как был не в состоянии бороться с ним. Это человек, одетый в ужасный наряд, делающий его похожим на ночной кошмар. Он, кажется, является главой этой шайки оборванцев. Кроме этого, я мало что могу добавить — только то, что он украл мои башмаки, и я как только смогу, убью его за это.

— Не думайте о низменных вещах, — серьезно заметил Майках. — И не стоит убивать человека из-за каких-то башмаков. Вы — зло, Язон, и ... мои ботинки исчезли, и вся одежда тоже... — Отбросив покрывающие его шкуры, Майках сделал это поразительное открытие.

— Велиал! — закричал он. — Асмодей, Абадон, Аполлион и Вельзевул!

— Отлично! — с восхищением воскликнул Язон. — Вы прекрасно изучили демонологию. Вы только перечисляете их или собираетесь позвать на помощь!

— Молчите, богохульник! Я не позволю, чтобы меня грабили! — Он встал, и ветер, стегавший его по голой груди, быстро окрасил его кожу в синеватый цвет. — Я иду искать злое создание, обнажившее меня, и заставлю его вернуть мои вещи.

Майках повернулся, собираясь уходить, но Язон схватил его за лодыжку и заставил снова сесть на землю. Майках упал, и Язон снова набросил на его костлявое тело шкуры.

— Мы в расчете, — сказал Язон. — Вы спасли мне жизнь ночью, теперь же я спас вашу. Вы безоружны и ранены — а парень, там, на холме, ходячий арсенал: он убьет вас так же легко, как ковыряет в зубах. Так что успокойтесь и постарайтесь не делать глупостей. Из любого положения существует выход, и я собираюсь отыскать его. Прежде всего я собираюсь пройтись и осмотреться. Согласны?

Единственным ответом был стон: Майках вновь потерял сознание, свежая кровь выступила на его раненой голове.

Язон встал и завернулся в шкуры и, чтобы иметь хоть какую-нибудь защиту от ветра, связал их концы. Затем нашел гладкий камень, который было удобно зажать в кулаке. Вооруженный таким образом, он побрел среди спящих.

Когда он вернулся, Майках вновь пришел в себя, солнце поднялось уже высоко над горизонтом. Все аборигены проснулись: это была шаркающая ногами, скребущаяся толпа человек в тридцать — мужчин, женщин, детей. Они были одеты в оди-

наково грязные, изорванные шкуры, большинство из них тупо сидело на земле. Они совершенно не интересовались двумя незнакомцами. Язон протянул Майкаху грязную кожаную чашку и присел на корточки рядом с ним.

— Выпейте. Это вода — единственный напиток, который здесь имеется. Никакой еды я здесь не нашел. — Он все еще держал в руках камень и, рассказывая, тер его о песок; конец камня был красным, к нему прилипло несколько длинных волосков.

— Я внимательно осмотрел местность вокруг лагеря, однако все так же, как и здесь. И только толпа этих надломленных типов, несколько узлов, перевязанных шкурами, по несколько человек несут сшитые из шкур меха — в них вода. Я поговорил с ними. Пища будет позже.

— Кто они? Что нам делать? — спросил его Майках, сделав несколько глотков и, по-видимому, все еще страдая от последствий удара.

Язон взглянул на его поврежденный череп и решил не трогать. Рана кровоточила и кровь сворачивалась по краям. Промывая рану этой сомнительной чистоты водой, он вряд ли помог бы, зато мог занести какую-нибудь инфекцию.

— Я уверен лишь в одном, — сказал Язон. — Они рабы. Я не знаю, почему они здесь, что делают и куда идут, но их статус предельно ясен — наш, кстати, тоже. Дяденька на холме — хозяин. Остальные — рабы.

— Рабы! — фыркнул Майках, слово это с болью проникло в его мозг. — Это отвратительно, рабов надо освобождать.

— Не нужно лекций, и, пожалуйста, будем реалистами, даже если это вам неприятно. Здесь только два раба нуждаются в освобождении: вы и я. Остальные же кажутся совершенно приспособленными к своему положению, и я не вижу

причин для его изменения. Я не собираюсь начинать освободительную компанию, пока сам не выберусь из этой заварухи; но и потом не буду ничего предпринимать. Эта планета долгое время обходилась без меня, вероятно, она будет продолжать вращаться и после того, как я покину ее.

— Трус! Вы должны бороться за правду, и правда освободит вас!

— Я снова слышу эти возвышенные слова! — прошептал Язон. — Единственное праведное для меня занятие сейчас — это попытаться освободиться. Возможно, это не поэтично, но это — чистая правда. Ситуация трудная, но не безнадёжная — поэтому слушайте и усваивайте. Хозяин — его зовут Чака, похоже, вышел на какую-то охоту. Он недалеко отсюда и скоро вернется. Мне с самого начала показалось, что я узнаю язык. Я был прав. Это искаженная форма эсперанто — языка, на котором говорит множество миров. Этот искаженный язык плюс тот факт, что эти люди лишь на ступеньку поднялись выше каменного века, с очевидностью свидетельствуют, что у них нет контактов с остальной частью Галактики, хотя я все же надеюсь на другое. Где-нибудь на этой планете может быть торговая база, в таком случае мы ее отыщем. Конечно, у нас много поводов для беспокойства, но объясняться с ними мы, по крайней мере, можем. Эти люди изменили и утратили несколько звуков, приобрели гортанное звучание, но в конце концов с некоторыми усилиями понять значение их слов можно.

— Я не говорю на эсперанто.

— В таком случае учите его. Это достаточно легко, даже с этими искажениями. А теперь кончайте возражать и слушайте. Эти туземцы — рабы от рождения, и это все что они знают. Наша главная проблема — Чака, и мы должны выяснить многое, прежде чем попытаться спра-

виться с ним. Он хозяин, отец, воин, поставщик пищи и божество этой толпы и, похоже, знает свою работу, пока...

— Рабом? Я? — Майках изогнул спину и попытался встать.

Язон толкнул его на землю, может быть резче чем было нужно.

— Да, вы — и я тоже. Это единственная возможность выжить. Делайте то же, что и другие, повинуйтесь приказам и у вас будет хороший шанс остаться в живых, пока нам не удастся выпутаться из этой истории.

Ответ Майкаха был заглушен криками, означавшими, что вернулся Чака. Рабы быстро поднимались, собирали свои узлы и начали образовывать единую линию. Язон помог Майкаху встать, обмотал вокруг него шкуры, потом, поддерживая его, побрел к собственному месту в линии рабов. Когда все заняли свои места, Чака пнул ближайшего и они медленно пошли вперед, внимательно глядя себе под ноги. Язон не понимал значения их действий, но пока их с Майкахом не трогали, он мало беспокоился: все его силы занимала необходимость поддерживать раненого Майкаха.

Лишь иногда тот находил в себе достаточно сил, чтобы сделать несколько шагов самостоятельно.

Один из рабов указал вниз и крикнул. Вся линия остановилась. Раб был слишком далек от Язона, чтобы понять причину всеобщего возбуждения. Раб наклонился и стал копать песок коротким куском деревянной палки. Через несколько секунд он выкопал что-то круглое размером со свой кулак. Он поднял этот предмет и понес его Чаке. Хозяин взял его и откусил часть. Когда раб повернулся, Чака сильно пнул его. Линия вновь двинулась вперед.

Еще дважды были найдены эти загадочные предметы, их тоже съел Чака. Лишь когда его

голод был удовлетворен, он подумал о других. Очередную находку Чака бросил в корзину одного из рабов. После этого раб, несший корзину, все время шел перед Чакой, а тот внимательно следил, чтобы все найденное попадало в корзину. Язон гадал, чтобы это могло быть, — а бурчание в животе подсказывало, что эти предметы съедобны.

Шедший рядом с Язоном раб крикнул и указал на песок. Язон посадил Майкаха, когда линия остановилась, и с интересом следил, как раб копает землю своей палкой, обнажая маленький зеленый стебель, торчащий из песка. Постепенно открылся сморщенный серый шарик, раб сорвал с него зеленые листья — это был клубень или корень. Он показался Язону не более съедобным, чем камень, но, очевидно, раб был другого мнения, у него потекли слюнки и он имел неосторожность понюхать клубень. Чака рассердился и, когда раб принес корень, то получил такой сильный пинок, что с криком боли отлетел к своему месту в линии.

Вскоре после этого Чака приказал остановиться и стал рыться в корзине. Оборванные рабы собрались вокруг него. Он по одному подзывал рабов и давал по одному или несколько корней, очевидно, в соответствии с их заслугами. Корзина опустела, когда он указал своей дубинкой на Язона и спросил:

— К'е' на х'вас ви? — спросил он.

— Миа измо остас Язон, миа амико ас та Майках.

Язон ответил на правильном эсперанто, но Чака, казалось, его хорошо понял, так как он проворчал что-то и стал рыться в корзине. Закрытое маской лицо было обращено к нему, и Язон чувствовал, что его осматривают внимательные, глубоко спрятанные глаза. Дубинка вновь указала на него.

— Откуда вы пришли? Это ваш корабль там загорелся и потонул?

— Это был наш корабль. Мы прилетели издалека.

— С другой стороны океана? — очевидно, это было самое удаленное место, которое мог представить себе рабовладелец.

— Верно, с другой стороны океана. — У Язона не было настроения читать лекцию по астрономии. — Когда нам дадут еду?

— Ты был богатым человеком у себя в стране, у тебя был корабль, были башмаки. Здесь ты раб. Мой раб. Вы оба мои рабы.

— Я твой раб, я твой раб, — покорно ответил Язон. — Но даже рабы нуждаются в еде. Где же еда?

Чака порылся в корзине и нашел крохотный увядший корень. Он разломил его пополам и бросил в песок перед Язоном.

— Работай лучше — получишь больше.

Язон подобрал куски и, как мог, стер с них грязь. Один он протянул Майкаху, а от второго осторожно откусил кусочек: песок скрипел на зубах, а по вкусу корень напоминал прогорклый воск. Потребовались большие усилия, чтобы съесть эту отвратительную еду, однако он съел. Несомненно, это была пища, и ее следовало есть, пока не подвернется что-нибудь получше.

— О чем вы говорили? — спросил Майках, перетирая зубами свою пищу.

— Обменялись ложью. Он думает, что мы его рабы, и я согласился. Но это лишь временно, — добавил Язон, так как лицо Майкаха побагровело от гнева, и он начал подниматься. Язон заставил его сесть. — Мы на чужой планете, вы ранены, у нас нет пищи, воды, никаких шансов выжить. Единственное, что мы можем делать, чтобы остаться в живых, это идти за этим стадом уродов

и делать все, что он говорит. Если ему нравится называть нас рабами, ладно, мы — рабы.

— Лучше умереть свободным, чем жить в цепях.

— Перестаньте нести чепуху. Лучше жить в цепях и искать возможность избавиться от них. Возможность выжить значительно привлекательнее, чем смерть. Кончайте-ка болтать и ешьте. Мы ничего не сможем сделать, пока вы не поправитесь.

Всю оставшуюся часть дня линия рабов двигалась по песку, и Язон, кроме того, что он поддерживал Майкаха, нашел два креподжа — съедобных корня. Они остановились перед сумерками и с облегчением опустились на песок. Когда Чака раздавал еду, они получили большую порцию — очевидное признание успехов Язона. Оба были очень истощены и уснули, как только стемнело.

Следующее утро началось по заведенному порядку. Поиски пищи шли параллельно невидимому морю, и один из рабов забрался на вершину дюны, дававшей им воду. Он увидел что-то интересное, потому что скатился с холма и дико замахал обеими руками. Чака тяжело подбежал к дюне и о чем-то поговорил с разведчиком, потом прогнал его от себя. Язон с растущим интересом смотрел, как Чака развязал сумку, свисавшую с его плеча и извлек оттуда эффектно выглядевший самострел, взводя его курок нажатием специальной рукоятки.

Это сложное смертоносное оружие казалось совсем не на месте в примитивном рабовладельческом обществе, и Язон почувствовал желание получше разглядеть механизм. Чака извлек из другого мешка стрелу и зарядил самострел. Рабы молча сидели на песке, пока их хозяин шел вдоль дюны. Поднявшись, он молча пополз по песку и исчез из виду. Через несколько минут из-за дюны послышался крик боли,

все рабы вскочили на ноги и побежали смотреть. Язон оставил Майкаха на песке и был первым в ряду зрителей, которые вскарабкались на холм над берегом.

Они остановились на обычном расстоянии и кричали хвалу великолепному выстрелу и искусству могучего охотника Чаки. И Язон согласился, что в этих похвалах была правда.

Большая, покрытая шерстью амфибия лежала на краю воды, из ее толстой шеи торчала стрела, и темная струйка крови сбегала вниз и смешивалась с набегавшими волнами.

— Росмаро! Мясо! Сегодня мясо! Чака — замечательный охотник!

— Да здравствует Чака, великий добытчик еды! — присоединился к остальным Язон. — А когда мы будем есть?

Хозяин не обращал внимание на своих рабов, он, отдуваясь, сидел на песке. Немного отдохнув, он разрядил самострел, подошел к зверю и вырезал ножом стрелу.

— Собирайте дрова для костра, — приказал он. — Ты, Списвени, возьми нож.

Шаркая ногами, Чака отошел, сел на холм и направил самострел на раба, приблизившегося к убитому животному. Чака оставил свой нож в туше, и Списвени вытащил его и начал свежевать животное. Пока он работал, Чака внимательно следил за ним, держа под прицелом своего самострела.

— Однако наш рабовладелец доверчивая душа, — пробормотал Язон, присоединяясь к искавшим дрова.

Чака, по-видимому, постоянно опасался убийц и держал оружие наготове. Если бы только Списвени попытался использовать нож для чего-нибудь другого, он тут же получил бы стрелу в затылок. Весьма эффективно.

Вскоре набралось достаточно дров для костра,

и когда Язон вернулся со своей долей, животное было уже разрублено на куски. Чака отогнал рабов от кучи дров и извлек из сумки еще одно небольшое приспособление. Заинтересованный Язон подошел как можно ближе. Хотя он никогда не видел этого раньше, он сразу понял действия добывающего огонь. Чака сильно ударил камнем по куску стали, искры подожгли трут. Чака раздувал их, пока не появилось пламя.

Откуда появились огниво и самострел? Они были, очевидно, свидетельством более высокого уровня культуры, чем эти кочевники-рабовладельцы. Это было первое замеченное Язоном доказательство наличия на планете более культурного общества. Позже, когда они грызли поджаренное мясо, он отвел Майкаха в сторону.

— Еще остается надежда. Эти невежественные разбойники никогда не сумели бы смастерить самострел или огниво. Мы должны выяснить, откуда это появилось. Я взглянул на стрелу и готов поклясться, что у нее стальной наконечник.

— Что это значит? — удивленно спросил Майках.

— Это означает индустриальное общество и возможную межзвездную связь.

— В таком случае мы можем спросить у Чаки, где он их взял, и отправиться туда. Должно же быть какое-то правительство, мы с ним свяжемся и добьемся отправки на Кассилию. Пока мы не улетим, я не буду добиваться вашего ареста.

— Вы очень любезны, — сказал Язон, поднимая бровь. Майках был совершенно невозможен, и Язон прибег к другому средству в поисках его слабого места. — Неужели вы по-прежнему хотите отвести меня на смерть? В конце концов, мы товарищи по несчастью, и я спас вам жизнь.

— Я огорчен, Язон. Я вижу, что хотя вы и

олицетворяете зло, но не все в вас зло, и если бы вы получили соответствующее воспитание, то могли бы занять в обществе подобающее место. Но мои личные чувства не должны влиять на долг; вы забыли, что совершили ряд преступлений и должны понести наказание.

Чака сыто рыгнул из глубины своего шлема-раковины и крикнул рабам:

— Эй, вы, свиньи, хватит жрать! Вы станете слишком жирными. Соберите мясо, еще много времени до сумерек, мы сможем отыскать немного креподжей. Пошевеливайтесь!

Вновь образовалась линия и начала медленное движение по пустыне. Было найдено еще много съедобных корней; однажды они ненадолго остановились, чтобы наполнить меха водой из ключа, бывшего среди песка. Солнце клонилось к горизонту; то небольшое тепло, которое шло от него, поглощалось грудой облаков. Язон оглянулся и задрожал от холода, потом заметил линию пятен у горизонта. Он слегка подтолкнул локтем Майкаха, хромавшего рядом.

— Взгляните, подходит какая-то компания. Интересно, входит ли эта встреча в программу?

Занятый своей болью, Майках не обратил внимание на это. Так же, к удивлению Язона, поступили рабы и сам Чака. Пятнышки увеличились и превратились в ряд людей, занятых, очевидно, тем же самым делом. Они брели вперед, осматривая песок, и за ними шел хозяин. Две линии медленно приближались друг к другу.

Возле дюны была навалена груда камней. Подойдя к ней, линия рабов остановилась; рабы с восклицаниями опустились на песок. Очевидно, это был межевой знак, обозначающий границу владений. Чака подошел и поставил ногу на один из камней, ожидая, пока приблизится другая линия. Она также остановилась у межевого знака; обе

группы равнодушно, без интереса смотрели друг на друга, и лишь хозяева проявили некоторое оживление. Второй хозяин остановился на добрых десять шагов от Чаки и поднял над головой каменный молоток.

— Ненавижу тебя, Чака! — проревел он.

— Ненавижу тебя, Фасимба! — был ответ.

Обмен проклятиями, очевидно, был столь же формальным, как и па-де-де в балете. Оба потрясли оружием и выкрикнули несколько угроз, потом сели и принялись спокойно разговаривать. Фасимба был одет в такой же отвратительный, наводящий ужас наряд, как и Чака. Различие было лишь в незначительных деталях. Кроме раковины, на голове у второго был череп росмаро, усаженный несколькими дополнительными рядами клыков и рогов. Остальные различия были незначительны.

— Я убил сегодня росмаро, второй раз за десять дней, — сказал Чака.

— Хорошая добыча. А где два раба, которых ты мне должен?

— Я должен тебе двух рабов?

— Ты должен мне двух рабов, не притворяйся дураком. Я принес тебе железную стрелу от дзертаподжей, а второго раба ты должен мне взамен убитого.

— У меня есть для тебя два раба. Вчера я захватил двух рабов, приплывших из-за океана.

— Отличная добыча.

Чака пошел вдоль линии рабов, пока не подошел к оплошавшему рабу, который днем вызвал его гнев. Поставив его на ноги, он подтолкнул его ко второй толпе.

— Хороший раб, — сказал он, провожая это свое имущество сильным пинком.

— Слишком тощий.

— Нет, сплошные мускулы. Хорошо работает

и ест не много.

— Ты лжец!

— Ненавижу тебя, Фасимба!

— Ненавижу тебя, Чака! А где же второй раб?

— Есть чужеземец из-за океана. Он сможет рассказать тебе много забавного и хорошо работает.

Язон вовремя увернулся, но пинок был все же достаточно силен, чтобы его свалить. Прежде чем он смог встать, Чака поймал Майкаха за руку и перетащил через невидимую линию, разделяющую группы. Фасимба подошел осмотреть его, подталкивая носком ноги.

— Плохо выглядит, большая дыра в голове.

— Он хорошо работает, — сказал Чака, — а дыра почти зажила. Он очень силен.

— Ты дашь мне другого, если он умрет? — с сомнением спросил Фасимба.

— Да. Ненавижу тебя, Фасимба!

— Ненавижу тебя, Чака!

Стада рабов поднялись и побрели каждое в свою сторону. Язон крикнул Чаке:

— Подожди, не отдавай моего друга. Мы вдвоем будем лучше работать, ты можешь избавиться от кого-нибудь другого...

Рабы вытаращили глаза, а Чака, повернувшись, поднял дубинку.

— Замолчи. Ты раб. Если еще раз скажешь мне, что я должен делать, я убью тебя.

Язон замолчал. Больше ему ничего не оставалось делать. Он не сомневался в судьбе Майкаха. Если даже рана заживет, он не такой человек, чтобы смириться с жизнью раба. Однако больше Язон не мог заботиться о нем. Отныне надо будет думать только о себе.

Они сделали короткий переход до темноты, пока вторая группа рабов не скрылась из вида, потом остановились на ночь. Язон забрался в

убежище между камнями — там не так дул ветер — и извлек кусок припрятанного мяса. Оно было жесткое, но намного лучше едва съедобных креподжей. Язон грыз кость, следя за подходившим к нему рабом.

— Дай мне немного мяса, — слышался жалобный голос, и только услышав его, Язон понял, что это девушка: все рабы были одинаково одеты, волосы у всех были одинаково неострижены и спутаны. Он оторвал кусок мяса.

— Бери. Садись и ешь. Как тебя зовут?

В обмен на свою щедрость он рассчитывал получить кое-какую информацию.

— Анджейл. — Она крепко сжала мясо в кулаке, указательным пальцем свободной руки вычесывая насекомых из грязных волос.

— Откуда ты? Ты всегда тут жила?

— Нет, не всегда. Сначала я была у Гульваджо, потом у Фасимбы, а теперь я принадлежу Чаке.

— Кто такой Гульваджо? Такой же хозяин, как и Чака?

Она кивнула, грызя мясо.

— А эти дзертаподжи, у которых Фасимба получил железную стрелу, кто они?

— Ты много не знаешь, — ответила она, доедая мясо и слизывая жир с пальцев.

— Я знаю достаточно, чтобы иметь мясо, когда его у тебя нет, поэтому не злоупотребляй моим гостеприимством. Так кто же такие дзертаподжи?

— Все знают, кто они такие, — она недоуменно осмотрелась и пожала плечами, выискивая в песке место помягче. — Они живут в пустыне. Ездят в кароджах. Они пахнут плохо. У них много интересных вещей. Один из них дал мне мою лучшую вещь. Если я покажу тебе ее, ты не отберешь?

— Нет, я даже не притронусь к ней. Но я

хочу увидеть что-нибудь, сделанное ими. Вот, возьми еще мясо. И покажи мне твою лучшую вещь.

Анджейл порылась в своей шкуре и вытащила что-то крепко зажатое в кулаке. Она гордо разжала кулак: было достаточно светло, чтобы Язон мог рассмотреть круглую красную бусинку.

— Красивая, правда? — спросила она.

— Очень, — согласился Язон и почувствовал печаль, глядя на жалкую безделушку. Предки этой девушки прилетели на планету в космических кораблях, обладая знаниями и техникой. Отрезанные от всех, их дети выродились и превратились в этих полумразумных рабов, которые ценят превыше всего такой вот кусочек стекла...

— Ну, хорошо, — сказала Анджейл и начала разматывать с себя шкуры.

— Подожди, — сказал Язон. — Мясо я дал тебе в подарок. Ты ничего не должна мне за него.

— Я тебе не нужна? — удивленно спросила девушка, набрасывая шкуру на свои голые ноги.

— Я тебе не нравлюсь? Ты думаешь, я слишком безобразна?

— Ты прекрасна, — сказал Язон. — Но я сильно устал.

Была ли она безобразна или красива? Он не смог бы этого сказать. Немытые грязные волосы закрывали половину лица, другая половина была покрыта грязью. Губы ее потрескались, а на щеке красовался синяк.

— Позволь мне остаться с тобой на ночь, даже если ты слишком стар, и я тебе не нужна. Мзилькази преследует меня, он делает мне больно. Посмотри, вот он.

Человек, на которого она показала, следил за ними с безопасного расстояния и скрылся, как только Язон взглянул на него.

— Не беспокойся насчет Мзилькази, — сказал

Язон, — мы выяснили наши отношения в первый же день... Видела шишку у него на голове?

— Ты мне нравишься. Хочешь, я еще раз покажу тебе свою лучшую вещь.

— Ты мне тоже нравишься. Нет, не сейчас. Спокойной ночи.

Глава пятая

Весь следующий день Анджейл держалась возле Язона. Она шла рядом, когда началась бесконечная охота за креподжами. Когда появилась возможность, он расспрашивал ее, и еще до полудня извлек у нее скудные сведения о событиях, происходящих за пределами равнины, где они жили.

Океан был для нее чудом, производившим съедобных животных, рыбу и изредка человеческие трупы. Время от времени с берега можно было увидеть корабли, но о них она ничего не знала.

С противоположного края эта равнина ограничивалась пустыней, еще более негостеприимной, чем та узкая полоска, где они влачили жалкое существование.

Из рассказа Анджейл трудно было выяснить, были ли эти кароджи животными, или особыми механизмами. Океан, берег и пустыня — это был весь ее мир, и она не могла представить себе, что может быть что-то другое. Язон знал, что это другое должно существовать, и доказательством этому служил самострел. Язон твердо решил выяснить, откуда он появился.

Именно с этой целью он и собирался при первой возможности изменить свое положение раба. Он научился удачно избегать ударов тяжелых башмаков Чаки, работа была не тяжелой, и пищи в общем было достаточно. Положение раба избавляло его от всякой ответственности, кроме необ-

ходимости повиноваться приказам, и он надеялся, что у него будет достаточно возможностей изучить эту планету.

Позже, в этот же день, в отдалении появилась еще одна колонна рабов, шедших навстречу. Язон ожидал повторения формальностей встречи предыдущего дня. Но, к его удивлению, этого не было. Вид приближающихся рабов привел Чаку в страшную ярость, и его собственные рабы разбежались в испуге в разные стороны.

Подпрыгивая, что-то гневно крича и колотя дубинкой по толстой коже своих доспехов, Чака довел себя до крайнего иступления и побежал навстречу подходящим тяжелой рысью. Язон последовал за ним, чрезвычайно заинтересованный этим новым поворотом событий. Линия приближающихся рабов расступилась, пропустив другую вооруженную фигуру. Они бежали друг к другу изо всех сил, и Язон подумал, что сейчас раздастся треск столкновения. Однако, не доходя друг до друга, она замедлили бег и начали кружить, выкрикивая проклятия.

— Ненавижу тебя, Мшика!

— Ненавижу тебя, Чака!

Слова были те же самые, что и накануне, но выкрикивались они с яростью и неподдельно искренним чувством.

— Я убью тебя, Мшика! Ты вновь пришел на мою землю со своими пожирателями падали!

— Ты лжец, Чака! Эта земля всегда была моей!

— Я убью тебя!

Выкрикнув эти слова, Чака подпрыгнул и нанес страшный удар дубинкой, но Мшика ожидал этого и, отступив, нанес встречный удар. Последовал быстрый обмен ударами с обеих сторон, и схватка пошла серьезная.

Они катались по земле, свирепо хватая друг

друга за одежду и выкрикивая ругательства. Тяжелые дубинки были отброшены, в ход пошли ножи и колени. Теперь Язон понял, зачем над коленными чашечками были нашиты длинные клыки. Это была беспощадная борьба, в которой каждый старался убить своего противника. Было похоже, что дело идет к ничьей, когда оба остановились передохнуть, но через некоторое время они снова ринулись в бой.

Равное положение нарушил Чака. Он воткнул свой кинжал в песок и при следующем кувырке ухватил его рукоятку в зубы. Мшика закричал и вырвался, кровь побежала по его рукам и закапала с кончиков пальцев. Чака прыгнул за ним, но раненый успел подобрать свою дубинку и побежал. Чака помчался за ним, но недолго, выкрикивая похвалы своей силе и умению, и ругая своего противника за трусость.

В это время Язон заметил короткий острый рог какого-то животного, лежавший в песке, и подобрал его, прежде чем Чака успел вернуться.

Как только противник исчез из вида, Чака внимательно осмотрел поле битвы и собрал все, похожее на оружие. Хотя оставалось еще несколько часов дневного света, он приказал остановиться и раздал вечернюю порцию креподжей. Язон сел и принялся машинально жевать свой паек... Анджейл села рядом, ее плечи ритмически двигались — она вычесывала насекомых. Вши были неизбежны, они прятались в складках шкур и появлялись, едва почувствовав тепло человеческого тела. И Язон получил порцию этих паразитов и тоже усиленно чесался. Этот припадок чесотки довел до предела гнев, нараставший в нем медленно и незаметно.

— Я достаточно послужил, — сказал он, вскакивая на ноги. — Мне надрела эта участь раба. Как быстрее всего пройти в пустыню, где живут

дзертоподжи?

— Нужно идти туда два дня. А как ты убьешь Чаку?

— Я не собираюсь его убивать. Я просто уйду. Я испытал его гостеприимство и его башмаки, с меня достаточно.

— Но ты не сможешь уйти, — сказала она, — тебя убьют.

— Чака не сможет убить меня, если меня здесь не будет.

— Каждый сможет убить тебя, таков закон. Беглых рабов всегда убивают.

Язон вновь сел, откусив другой кусок от своего креподжа, и призадумался.

— Ты говоришь, что мне надо убить Чаку. Но я не хочу его убивать, хотя он украл мои башмаки. И вообще я не понимаю, чем мне поможет это убийство.

— Ты глуп. Если ты убьешь Чаку, то станешь новым Чакой. Тогда ты сможешь делать все, что ты захочешь.

Ну, разумеется. Теперь, после этих слов социальная структура общества была для него ясна. В действительности это был один класс с волчьим законом. Он должен был бы понять это, видя, как Чака тщательно следит, чтобы никто не подходил к нему на близкое расстояние, и как он каждую ночь исчезал в каком-нибудь укромном месте. Каждый здесь был лишь за себя, и все — против одного. Положение определялось силой рук и быстротой реакции. Каждый, оставшийся в одиночестве, становился врагом этого общества и мог быть убит любым встречным.

Все говорило за то, что он должен убить Чаку, если хочет обрести свободу.

Вечером он следил за Чакой, и когда хозяин ушел, заметил направление. Конечно, тот будет петлять, но Язон решил, что сумеет

отыскать его. И убить. У него не было особой любви к ночным убийствам, он считал, что убийство спящего — это подлость и трусость. Но особые условия требуют особых решений. Он не пара тяжеловооруженному человеку в открытой схватке: поэтому нож убийцы неизбежен. Или острый рог.

Он молча выскользнул из-под покрывавших его шкур. Анджейл знала, что он уходит, он видел в звездном свете ее открытые глаза, но она не двинулась и не сказала ни слова.

Разыскать Чаку в темноте пустынной ночи было нелегко, но Язон был настойчив. Он двигался по дугам, все более и более широким, постепенно удаляясь от спящих рабов.

Местность была полна ущелий и оврагов, в одном из них следовало искать спящего Чаку, он может проснуться при малейшем шуме. То, что Чака принял особые меры предосторожности, стало ясно Язону, когда он услышал звон колокольчика. Он мгновенно замер, проклиная свою глупость. Только теперь он вспомнил звон, который слышал раньше со стороны ушедшего на ночь Чаки. Медленно и беззвучно Язон отступил в глубину ущелья.

С топотом появился Чака, размахивая над головой дубинкой, и направился прямо к нему. Язон отчаянно увернулся от дубинки, которая вонзилась в землю, и с максимальной скоростью помчался по оврагу. Он знал, что, если упадет, то погибнет, но ничего другого ему не оставалось делать и он продолжал бежать. Тяжеловооруженный Чака не мог догнать его, он гневно выкрикивал угрозы и проклятья, но все больше отставал с каждой секундой. Язон исчез в темноте и, сделав широкий круг, вернулся к спящим рабам. Когда он нырнул под свои шкуры, небо уже серело.

Язон надеялся, что Чака не узнал его в темноте.

Когда над горизонтом поднялось красное солнце, появился Чака, трясясь от гнева.

— Кто это был? — кричал он, все ближе подходя к месту, где лежал Язон. — Кто приходил ночью? — Он шел среди них, бросая направо и налево свирепые взгляды.

Пятеро рабов указали на Язона, а Анджейл задрожала и отодвинулась от него.

Проклиная их предательство, Язон вскочил и побежал от свистящей дубинки. В его руке был заостренный рог, но он знал, что не выстоит в открытой схватке против Чаки.

Но другого пути не было. Он оглянулся, увидел преследующего его врага и вовремя увернулся от подставленной ноги раба. Все были против него!

Он убежал от рабов и взобрался на вершину высокой дамбы, поднимаясь по крутому склону и с усилием цепляясь за стебли жесткой травы. Повернувшись, он бросил в лицо Чаке горсть песка, стараясь ослепить его, но рабовладелец уже извлек свой самострел. Несмотря на всю свою усталость Язон понимал, что это — лучшая возможность для контратаки. Рабов не было видно и — теперь это будет схватка один на один. Спускаясь по скалистому склону, он внезапно повернулся к Чаке, тот не ожидал этого, его дубинка была поднята лишь наполовину, но он ударил ею. Язон нырнул под удар и использовал силу инерции тела Чаки, чтобы бросить его на землю.

Лицом вниз, Чака повалился через камни, и прежде чем он упал окончательно, Язон уже сидел у него на спине, схватив его за подбородок. Он поранил пальцы об усеянное клыком ожерелье, схватил за бороду противника и дернул ее. Голова Чаки откинулась и в этот миг Язон всадил заостренный рог в приоткрывшееся горло. Чака кон-

вульсивно задергался под ним и умер.

Язон встал на ноги, испытывая полное изнеможение. Он был наедине со своей жертвой. Он вытер о песок свои окровавленные руки и начал раздевать труп.

Развязав шкуры и отбросив шлем, он увидел, что Чака был уже пожилым человеком. В бороде его было мало седых волос, но редкая шевелюра на голове была совсем седая.

Потребовалось много времени, чтобы снять одежду и вооружение и натянуть их на себя, но это было сделано. Среди вещей Чаки оказались башмаки Язона, грязные, но целые, и он с удовольствием надел их на себя. Когда, наконец, Язон надел шлем, Чака воскрес. Тело на песке принадлежало мертвому рабу. Язон выкопал мелкую могилу, свалил туда тело и засыпал его.

Потом, взяв оружие, сумку и самострел, держа в руке дубинку, он пошел к ожидавшим его рабам. Как только он появился, они встали и образовали линию. Язон увидел, что Анджейл с тревогой смотрит на него, пытаясь угадать, кто же выиграл схватку.

— Один ноль в пользу команды гостей, — сказал он, и она улыбнулась ему испуганной улыбкой. — Головы выше и пошли туда, откуда пришли. Новый день наступил для вас, рабы. Я знаю, вы мне не верите, но у нас в запасе большие возможности.

Насвистывая, он шел за линией рабов и с удовольствием ел первый, найденный рабами, креподж.

Глава шестая

Этим вечером они разожгли костер на берегу и Язон сел спиной к безопасному океану. Шлем

он снял и держал в руке — эта штука причиняла ему головную боль. Он подозревал Анджейл.

— Я слышу, Чака, и повинуюсь!

Она торопливо подбежала к нему, упала на песок и начала разматывать свои шкуры.

— Что за мнение у тебя о людях, — взорвался Язон. — Садись, я хочу поговорить с тобой. И меня зовут Язон, а не Чака.

— Да, Чака, — ответила она, бросая быстрый взгляд на его сердитое лицо и отворачиваясь.

Он поворчал и придвинул к ней корзину с креподжами.

— Не так-то просто изменить социальное устройство общества. Скажи мне, хотела бы ты или кто-нибудь из вас быть свободным?

— А что это значит — быть свободным?

— Что ж, твой вопрос и есть ответ. Свобода — это когда нет ни рабов, ни рабовладельцев; каждый может идти куда хочет, и делать, что хочет.

— Мне это не нравится, — она даже задрожала, — кто тогда позаботится обо мне? Как смогу я искать креподжи? Надо искать вместе, один умрет с голоду.

— Если ты будешь свободна, то можешь объединиться с другими свободными людьми для поисков креподжей.

— Это глупость. Кто найдет креподж, тот его и съест, никто не будет делить их.

Язон погладил свою отрастающую бороду.

— Всем нам нравится есть, но это не значит, что все мы должны быть рабами. Но теперь я понимаю, что без решительного изменения обстановки, мне не удастся никого освободить, поэтому придется, как Чаке, принять меры предосторожности, чтобы остаться в живых.

Он подобрал дубинку и побрел в темноту, молчаливо обходя лагерь, пока не нашел подхо-

дящий холм с ровными склонами. Наощупь он извлек из сумки маленькие колышки. Концы шнуров были прикреплены к подвешенным стальным колокольчикам, которые звенели от малейшего прикосновения.

Защищенный таким образом, он лег в центре своей паутины и провел бессонную ночь, все время вскакивая и прислушиваясь к звону.

Утром движение продолжалось, и вскоре они подошли к межевому знаку: когда рабы остановились, Язон приказал им идти дальше. Они охотно повиновались, глядя вперед и ожидая хорошей схватки за обладание чужой территорией. Их надежды начали оправдываться, когда позже на горизонте появился другой ряд рабов, от него отделился человек и побежал им навстречу.

— Ненавижу тебя, Чака! — крикнул Фасимба, подбегая. — Ты пришел на мою землю, я тебя убью!

— Не нужно, — отозвался Язон. — Да, ненавижу тебя, Фасимба, прошу прощения за то, что забыл формальности. Мне не нужна твоя земля. Я просто хотел поговорить с тобой.

Фасимба остановился, но поднял свой каменный топор и смотрел подозрительно.

— У тебя новый голос, Чака.

— Я новый Чака, старый Чака умер. Я хочу забрать у тебя обратно раба, тогда мы уйдем.

— Чака хорошо сражался. Ты, наверное, сражаешься лучше Чаки. — Он с гневом потряс топором. — Но не лучше меня, Чака!

— Ты лучше всех, Фасимба! Девять из десяти рабов хотели бы иметь тебя своим хозяином. Давай поговорим о деле. — Он посмотрел на ряд приближающихся рабов, стараясь разглядеть Майкаха. — Мне нужен раб с дырой в голове.

Я отдам за него тебе двух рабов по твоему выбору. Что ты скажешь на это?

— Хорошая сделка, Чака. Бери любого из моих рабов, я заберу у тебя двоих. Но раба с дыркой в голове нет. Я стер ногу, пиная его. С радостью от него избавился.

— Ты убил его?

— Я не трачу рабов зря. Продал дзертаподжам. Взяв за него две стрелы. Тебе нужны стрелы?

— Не сейчас, Фасимба, но благодарю за информацию. — Он порылся в корзине и извлек креподж. — Вот, поешь.

— Где ты взял отравленный креподж? — спросил Фасимба с неподдельным интересом. — Я его использую.

— Он не отравлен, он совершенно съедобен, как вообще все эти штуки.

Фасимба засмеялся.

— Ты отлично лжешь, Чака, и я дам тебе за отравленный креподж стрелу.

— Он твой, — ответил Язон, бросив плод на землю между ними. — Но говорю тебе, что он не отравлен.

— Это я и скажу тому человеку, которого буду угощать. Я хорошо использую этот отравленный креподж.

Он бросил на песок стрелу и схватил корень.

Когда Язон наклонился за стрелой, то он увидел, что она проржавела и почти разломилась пополам, но трещина тщательно замазана глиной.

— Хорошо, — сказал он вслед отступающему рабовладельцу. — Теперь только жди, пока твой друг съест этот креподж.

Марш начался вновь, вначале, к межевому знаку, до которого подозрительный Фасимба провожал их. Лишь когда Язон со своим отрядом пересек границу, другие вернулись к своим обычным по-

границу, другие вернулись к своим обычным поискам пищи.

Затем началось долгое путешествие к границам внутренней пустыни. Поскольку они продолжали по пути поиски креподжей, потребовалось почти три дня, чтобы добраться до пункта назначения. Язон направил линию в нужном направлении, но как только они потеряли из виду море, он не знал, верно ли они идут, но не выдавал своей неосведомленности и рабы шли вперед, как по хорошо знакомому маршруту. По пути они собрали большое количество плодов, отыскивали два источника воды, и однажды встретили стайку небольших животных у норы, но Язон, к невысказанному разочарованию рабов, умудрился промахнуться из самострела.

На утро третьего дня Язон увидел на плоской поверхности у горизонта разграничительную линию, и еще до обеда они вышли к морю волнистого голубовато-серого песка. По изменению цвета он понял, что начинается пустыня. Под ногами был желтый песок и гравий, среди которого росла трава и изредка попадались, дававшие жизнь, креподжи. Звери жили здесь, как и люди, суровой жизнью, но все же жили. Впереди, в обширном пространстве пустыни жизнь была невозможна и невидима, но не было сомнений, что дзертаподжи живут именно здесь. На горизонте была видна линия серых песков. Если это не облако, то, может быть, горы.

— Где мы найдем дзертоподжей? — спросил Язон ближайшего раба.

Тот лишь нахмурился и отвел взгляд. У Язона были сложности с дисциплиной. Рабы ничего не делали, если он не пинал их. Приказ, не сопровождаемый пинком, они не считали приказом, а его постоянное нежелание прибегать к физическому насилию было воспринято ими как проявление слабости. Очевидно, составив себе мнение о нем,

несколько наиболее сильных рабов незаметно съели найденные ими креподжи... Его попытки улучшить жизнь рабов самими рабами были обречены на неудачу. Со сдавленным проклятием Язон замахнулся носком ноги.

— Они за большой скалой, — последовал немедленный ответ.

На краю пустыни в указанном направлении было видно темное пятно, когда они подошли ближе. Язон увидел, что это был скальный проход. К нему была приставлена сложенная из кирпичей стена. За ней могло скрываться много людей, а Язон не собирался рисковать своими драгоценными рабами и еще более драгоценной собственной шкурой. По его сигналу линия остановилась, рабы сели на песок, а он прошел несколько метров вперед, держа в руке дубинку и подозрительно осматривая стену. То, что за ней скрывались невидимые наблюдатели сразу же получило подтверждение: из-за угла стены появился человек и медленно пошел к Язону. Он был одет в свободную одежду и держал в одной руке корзину. Достигнув середины расстояния между Язоном и скалой, он остановился, поставил корзину и сел, скрестив ноги.

Язон внимательно осмотрел окрестности и решил, что позиция безопасна. Нигде не было видно возможности устроить засаду, а одного незнакомца он не боялся. Держа дубинку наготове, он пошел вперед и остановился в трех шагах от незнакомца.

— Добро пожаловать, Чака, — сказал тот. — Я боялся, что не увижу тебя снова после небольшого недоразумения, которое между нами произошло.

Говоря, он продолжал сидеть, поглаживая свою редкую бороду. Голова его была гладко выбрита и загорела так же, как и кожа лица. Наиболее выдающейся частью его лица

был большой нос, оканчивающийся чуткими ноздрями. Нос поддерживал пару самодельных защитных очков. Они были изготовлены из кости и казались тщательно пригнанными к лицу; в их гладких, ровных плоскостях были прорезаны узкие щели. Сеть морщин указывала, что собеседником Язона был старик, тем более не представляющий для него опасности.

— Я хочу кое-чего, — сказал Язон, подражая резкой манере Чаки.

— Новый голос и новый Чака — добро пожаловать. Старик был собакой, я надеюсь, он умер в муках, когда ты убил его. Садись, друг Чака, выпей со мной. — Он осторожно извлек из корзины глиняный кувшин и две чашки.

— Где ты взял отравленный напиток? — поинтересовался Язон, вспомнив местные обычаи. Этот дзертаподж был проницательным человеком, если сразу сумел определить, что перед ним другой Чака. — Как зовут тебя?

— Эдилон, — ответил старик. Не обижаясь, он убрал кувшин и чашки в корзину. — Чего же ты хочешь? Нам всегда нужны рабы и мы согласны торговать с тобой.

— Мне нужен раб, которого вы купили. Я дам вам за него двух рабов.

Сидящий человек улыбнулся.

— Не нужно подражать неграмотной речи этих береговых варваров. Я и по акценту смело могу сказать, что передо мной образованный человек. Что за раб тебе нужен?

— Тот, которого вы получили от Фасимбы. Он принадлежит мне.

Язон отказался от своей лингвистической маскировки, поглядывая на окружающие пески, он продолжал держаться настороже. Этот высохший старик намного умнее, чем он предполагал, с ним нужно сохранять осторожность.

— Это все, что ты хочешь? — спросил его Эдилон.

— Это все, о чем я могу говорить сейчас. Вы отдадите мне раба, тогда и поговорим о других делах.

— У меня на этот счет другое мнение.

В смехе Эдилона слышались угроза и насмешка; Язон отпрыгнул. Старик сунул два пальца в рот и резко свистнул. Послышался шорох сыпющегося песка, и Язон увидел людей, выбирающихся из углублений, покрытых деревянными щитами и присыпанных песком. Их было шестеро, они были вооружены дубинками и щитами.

Язон проклинал себя за глупость, с которой он согласился на эту встречу в выбранном Эдилоном месте. Он хотел ударить старика дубинкой, но тот уже отбежал. Закричав от гнева, Язон подбежал к ближайшему человеку, который еще не успел выбраться из укрытия.

Но перед ним был уже другой противник, размахивающий своей дубинкой. Отступать было некуда, поэтому Язон побежал к нему, гремя нашитыми на одежду клыками и рогами.

Человек отступил, Язон ударил его по щиту и хотел бежать дальше, но тут появился еще один противник. Это была короткая и свирепая схватка. Двое нападающих лежали, третий держался за голову, но тяжесть остальных прижала Язона к земле.

Он позвал своих рабов на помощь, но они остались сидеть на месте, в то время как его руки были крепко связаны веревками, а оружие отобрано. Язона, рычащего от гнева, потащили к стене.

В стене, обращенной к пустыне, оказалось отверстие, и когда Язон увидел его, гнев его прошел. Здесь стоял один из кароджей, о которых ему говорила Анджейл, в этом не было сомнений. Теперь он понял, почему невежественный человек

не мог решить, что перед ним: животное или механизм.

Машина была добрых десять метров в длину, по форме она напоминала лодку, впереди у нее была большая и явно фальшивая звериная голова, покрытая шерстью и усеянная рядами зубов и сверкающих кристаллических глаз. Бока покрывала шкура, имелись также не слишком искусно сделанные лапы, не способные обмануть даже шестилетнее дитя. Такая маскировка могла ввести в заблуждение невежественного дикаря, но любой цивилизованный ребенок сразу распознал бы машину, увидев внизу шесть больших колес. Двигателя не было видно, но Язон чуть не закричал от радости, уловив несомненный запах горючего. Это грубое приспособление должно было иметь искусственный двигатель — продукт местной промышленной революции, или заимствованный у межзвездных торговцев. Любая из этих возможностей означала шанс на спасение с этой безымянной планеты.

Дрожащих от ужаса рабов заставили по сходням войти внутрь кароджа. Четверо наиболее сильных противников Язона втащили его туда и бросили на палубу. Он лежал спокойно и осматривался, ища место, где мог быть спрятан двигатель. Впереди было что-то вроде руля и рукоятка, но двигателя не было.

Тогда Язон повернулся к корме. Здесь была устроена кабина шириной в палубу, без окон и с единственной дверью, снабженной множеством замков и запоров. Несомненно, это было машинное отделение, о чем свидетельствовала металлическая труба, проходившая через крышу кабины.

— Мы отправляемся, — пронзительно крикнул Эдилон и взмахнул рукой. — Поднимите сходни. Нарсиси, сам стань впереди, чтобы указывать путь. А теперь всем молиться, пока я буду в священном

помещении упрашивать божественную силу перенести нас в Пултко. — Он направился к кабине, но остановился возле одного из вооруженных дубинками людей. — Ты, Эребо, ленивая собака, забыл наполнить баки богов водой, они хотят пить.

— Я наполнил их, — пробормотал Эребо, жуя награбленные креподжи.

Эдилон подошел к двери каюты и набросил на нее защитный занавес. Послышался звон и щелканье замков и запоров, которые он открывал, скрывшись за занавесом. Через несколько минут из трубы вырвалось облачко бурого дыма и унеслось по ветру.

Прошел почти час, прежде чем священная сила была готова к действиям и доказала это шипением и испусканием струй пара. Четверо из рабов закричали от ужаса и упали в обморок, остальные выглядели так, что сочли бы смерть счастьем.

У Язона был некоторый опыт в обращении с примитивными машинами, поэтому действие парового котла не вызвало у него особого удивления. Он был готов и к тому, что машина вдруг задрожала и начала медленно двигаться в сторону пустыни. По цвету дыма и качеству пара, вырывавшегося с крыши он заключил, что двигатель не очень эффективен, но даже такой примитивный кародж переносил своих пассажиров через пустыню с небольшой, но постоянной скоростью.

Послышались крики ужаса. Несколько рабов попытались спрыгнуть за борт, но были отогнаны дубинками. Одетые в своеобразные балахоны, дзертаподжи ходили между рабами и вливали им в глотку полные ковши какой-то темной жидкости. Но первые же, проглотившие эту жидкость, рухнули замертво, хотя, конечно же, больше шансов было за то, что они просто лишились сознания, так как их новым хозяевам не было никакого

смысла убивать с таким трудом захваченных рабов.

Язон понимал это, но испуганные рабы не понимали и сопротивлялись, думая, что борются за свою жизнь. Когда подошла очередь Язона, и он не подчинился, а чуть не откусил несколько пальцев и ударил одного человека в живот, прежде чем они навалились на него, зажали нос и вылили в рот обжигающую жидкость. Он почувствовал головокружение и попытался вытолкнуть ее, но это было последнее, что он помнил.

Глава седьмая

— Выпейте еще немного, — слышался голос и холодная вода выплеснулась Язону на лицо, немного ее попало ему в горло, и он закашлялся. Что-то твердое прижимало его спину, запястья болели. Медленно восстанавливалась память: борьба, пленение и порция жидкости, насильно влитой в рот. Открыв глаза, он увидел над собой слабо мерцавшую лампу, висевшую над головой на цепи. Знакомое лицо заслоняло свет, Язон прикрыл глаза и застонал.

— Это вы, Майках, или продолжается сон?

— Нельзя спастись от правосудия, Язон. Это я, и у меня к вам несколько серьезных вопросов.

Язон снова застонал.

— Да, теперь я вижу, что это вы. Даже в кошмаре мне не привиделись бы подобные последствия. Но до ваших вопросов, не обрисуете ли мне обстановку: вы же должны кое-что знать. Ведь вы раб дзертаподжей в большей степени, чем я. — Язон осознал, что боль происходит от больших железных наручников. Через них проходила цепь, прикрепленная к тонкому деревянному бруску, на который он опирался головой. — По-

чему цепи? И вообще — как выглядит местное гостеприимство?

Майках отклонил предложение сообщить жизненно важную ситуационную информацию и вернулся к своей теме.

— Когда я видел вас в последний раз, вы были рабом Чаки. Вчера вечером вас доставили сюда вместе с остальными рабами Чаки и приковали к этому брусу, пока вы были без сознания. Рядом со мной было пустое место и я сказал им, что буду ухаживать за вами. Они поместили нас рядом. Теперь я должен у вас кое-что узнать. Прежде чем они раздели вас, я видел, у вас шлем и оружие Чаки. Где же он сам, что случилось?

— Я — Чака, — проскрипел Язон и его пересохшее горло разразилось кашлем. Он отхлебнул большой глоток из чашки. — Майках, старый мошенник, вы слишком склонны к обвинениям. Где теперь все эти последователи учения «подставь другую щеку»? Не говорите мне, что вы любите человека, который ударил вас по голове, пробил череп и продал вас как товар второго сорта. Если вы поразмыслите над законами справедливости, то должны быть довольны: злого Чаки больше нет. Он похоронен в бездорожной пустыне, и после того как были тщательно рассмотрены все кандидатуры, я занял его место.

— Вы убили его?

— Да. И не думайте, что это было легко: у него были все преимущества, а я был вооружен лишь своей природной находчивостью. К счастью, этого хватило. То было трудное и продолжительное дело, потому, что когда я хотел убить его ночью, во сне...

— Вы старались? — Майках даже зашипел.

— ...Подобраться к нему ночью. Не думаете же вы, что я сразу решил сразиться с этим чудовищем с глазу на глаз. Хотя этим и кон-

чилося, так как он спал в центре паутины, которая предупреждала его обо всех ночных гостях. Короче говоря, мы сражались, я победил и стал Чакой, хотя мое царствование не было ни долгим, ни славным. Я шел следом за вами и был пойман в ловушку хитрым стариком по имени Эдилон, который вновь низверг меня в рабство, захватив в плен и меня и всех моих рабов. Вот моя история. Теперь давайте вашу. Где мы находимся, что здесь происходит?..

— Убийца! Рабовладелец! — Майках отступил, насколько позволяла цепь и навел указательный палец на Язона. — Еще два преступления должны быть добавлены к вашему позорному списку. Я презираю себя, Язон, за то, что испытывал симпатию к вам и пытался вам помочь. Я по-прежнему буду помогать вам, но только для того, чтобы остаться живым и иметь возможность доставить вас на Кассилию для следствия, суда и наказания.

— Мне нравится этот пример веры, беспристрастности и справедливости для суда и наказания. — Язон вновь закашлялся и отпил из чашки. — Вы когда-нибудь слышали о презумпции невиновности? Пока вина не доказана, человек не считается виновным. Это краеугольный камень всей юриспруденции. И как можно судить меня на Кассилии за преступления, совершенные на другой планете, если здесь они не считаются преступлениями? Это все равно, что извлечь каннибала из его времени и наказать за людоедство.

— Что же в этом неверного? Поедание человеческого мяса — такое отвратительное преступление, что я содрогаюсь при мысли об этом. Конечно, человек, пошедший на это, должен быть наказан.

— Если он прокрадется через черный ход, съест кого-нибудь из ваших родственников, конеч-

но, у вас будут основания для действий. Но не тогда, когда он вместе со своими веселящимися соплеменниками обедает своим врагом. Разве вы не понимаете, о человеческом поведении можно судить только с учетом окружающей среды. Нормы поведения относительны. Каннибал в своем обществе так же нравственен, как прихожанин церкви — в вашем.

— Богохульник! Преступление — всегда и везде преступление! Существуют моральные законы, обязательные для любого человеческого общества.

— Таких законов нет, в этом пункте ваше мировоззрение осталось средневековым. Все законы и идеалы историчны и относительны, а не абсолютны. Они связаны со временем и местом и, вырванные из этого контекста, теряют всякий смысл. В этом примитивном и грязном обществе я действовал наиболее прямым и честным образом. Я попытался убить своего хозяина — это единственная возможность для человеколюбивого парня выдвинуться, и несомненно, именно этим путем занял свое место и сам Чака. Убийства не получилось, зато я победил в схватке, а результат был тем же самым. Захватив власть, я попытался позаботиться о своих рабах, но они этого не оценили; они не заслуживают заботы. Они лишь хотели бы занять мое место, таков закон этой планеты. Единственное в чем я действительно виноват, так это в том, что не последовал примеру других рабовладельцев, гоняющих своих рабов взад и вперед вдоль берега. Наоборот, я отправился разыскивать вас, попал в ловушку и сам был обращен в рабство.

Дверь со скрипом отворилась и резкий солнечный свет проник в лишенное окон помещение.

— Встать, рабы! — закричал в отверстие дзертаподж.

Хор стонов и криков прервался, люди начали

вставать. Теперь Язон видел, что он был одним из двадцати рабов, прикованных к длинному бревну, очевидно к стволу какого-то большого дерева. Человек, прикованный в дальнем конце бревна, был кем-то вроде старшего. Он с криком и проклятиями подгонял остальных. Когда все встали, он грубым голосом принялся выкрикивать:

— Вперед, вперед, вам дадут поесть. И не забудьте свои чашки, возьмите их с собой; если у вас не будет чашки, вы не будете есть и пить целый день. И мы должны весь день работать изо всех сил. Это касается всех, особенно новичков. Поработайте на них день и они покормят вас...

— Ох, прекратите! — выкрикнул кто-то.

— ... и вы не можете жаловаться на такой порядок, — продолжал скулить старший невозмутимо. — Теперь все вместе ... раз ... наклонитесь и возьмитесь за бревно ... и ... два ... поднимем его, вот так... и... три... все встали и пошли.

Они вышли к солнечному свету и холодный утренний ветер проник сквозь пиррянскую одежду и остатки шкур Чаки. Дзерттаподжи сорвали с Язона усеянные клыками кожаные доспехи, но нижние шкуры не тронули и поэтому не обнаружили его ботинок. Это было единственное светлое пятно в темной и мрачной перспективе будущего рабства. Язон постарался быть благодарным и за это, и лишь еще больше задрожал от холода.

Как можно скорее нужно изменить положение. Он считал, что уже достаточно побыл рабом на этой захолустной планете и заслуживает лучшей участи.

Рабы уложили бревно против стены в двери и сели на него. Протягивая свои чашки, как жаждущие грешники, они получили по черпаку тепловатого супа. Суп разливал из большой бочки

на колесах другой раб и он был прикован к бочке. Это был суп из креподжей, и, будучи сваренными эти корни стали еще более невкусными, хотя это казалось невозможным. Но выжить было важнее, чем привередничать, и он проглотил невкусное варево.

Позавтракав, они прошли через ворота в другое огороженное место, и любопытство заставило Язона забыть все огорчения.

В центре двора находился большой кабестан, в который первая группа рабов укрепляла конец своего бревна. Группа Язона и еще две заняли место и также закрепили бревна в кабестане, образовав четыре ступицы огромного колеса. Надсмотрщик крикнул, рабы со стоном налегли своим весом на бревна, те заскрипели и начали медленно поворачиваться. Вместе с ними повернулось и огромное колесо.

Работа началась и Язон переключил внимание на грубый механизм, который они приводили в действие. Вертикальный столб, укрепленный на кабестане, заставлял вращаться колесо, в свою очередь связанное с системой приводных ремней. Некоторые из ремней исчезали в окнах большого каменного здания, а самый толстый ремень приводил в движение рычаг чего-то, похожего на насос.

Все вместе было похоже на малоэффективную систему перекачивания воды. Острый резкий запах заполнявший двор, был удивительно знаком, и Язон уже пришел к выводу, что целью их работы не может быть перекачивание воды, когда из напорной трубы донесся хриплый звук и хлынула струя черной жидкости.

— Нефть, конечно! — обрадовался Язон, но тут же пришел в себя: надсмотрщик сердито взглянул на него и угрожающе взмахнул хлыстом.

Так вот в чем состоял секрет дзертаподжей и

источник их власти. Повсюду за стенами были горы. Похитители привозили рабов сюда так, что никто не знал, в каком направлении находится это таинственное место и как долго длится путь сюда. Здесь, в этой охраняемой долине они качали нефть, которая приводила в движение большие неуклюжие машины их хозяев. Но действительно ли они использовали сырую нефть?

Нефть образовала поток, исчезающий в отверстии того же здания, куда вели и приводные ремни. Что за варварская чертовщина происходила там? Толстая дымовая труба венчала здание, испускающая клубы черного дыма, а из многочисленных отверстий в стене доносился ужасный запах.

В тот момент, когда он догадался, что происходит в здании, открылась ведущая туда охраняемая дверь и вышел Эдилон, высмаркивая свой выдающийся нос в обрывок тряпки. Скрипящее колесо продолжало вращаться, и, оказавшись рядом со стариком, Язон крикнул:

— Эй, Эдилон, иди сюда. Мне нужно поговорить с тобой. Я бывший Чака, если ты не узнаешь меня без вооружения.

Эдилон взглянул на него и отвернулся, вытирая нос. Было очевидно, что раб, кем бы он ни был раньше, не представлял для него интереса. Надсмотрщик подбежал с криком, подняв хлыст, а вращение колеса уводило Язона прочь.

Он крикнул:

— Послушай, я много знаю и могу помочь вам. — Никакого ответа, а хлыст свистнул рядом. Наступило время для решительных действий или обмана. — Лучше выслушай меня, потому что я знаю то, что выходит первым лучше. Ай! — Последнее вырвалось невольно, так как его наконец настиг злобный хлыст.

Слова Язона были лишены смысла как для рабов, так и для надсмотрщика, но воздействие

их на Эдилона было столь драматичным, как если бы он наступил на горячие угли... Вздвогнув, он остановился, повернул обратно и даже на таком расстоянии Язон увидел, как болезненная серость краской покрывала его коричневое от загара лицо.

— Остановите колесо! — крикнул он. Неожиданная команда привлекла всеобщее внимание. Надсмотрщик, разинув рот, опустил хлыст, рабы встали, со скрипом остановилось и колесо.

В наступившем молчании глухо прзвучали шаги Эдилона. Вытянув руки, он подбежал к Язону с таким выражением лица, будто он хотел укунить его.

— Что ты сказал? — Он торопливо выговаривал слова, извлекая из-за пояса нож.

Язон улыбнолся, стараясь выглядеть спокойнее, чем был на самом деле. Его замечание достигло цели, но в ответ он мог получить удар ножом в живот — это было наиболее уязвимое место.

— Ты слышал, что я сказал. Не думаю, чтобы ты хотел услышать это вновь в присутствии всех посторонних. Я знаю, что тут происходит, я могу помочь тебе. Я могу показать, как извлекать больше, этого лучшего и как заставить ваши кароджи двигаться быстрее. Только отвяжи меня от этого бревна и покажи, где мы можем поговорить.

Мысли Эдилона были ясны. Он жевал губы и смотрел на Язона, возбужденно поигрывая рукояткой ножа. Язон рассчитывал на интеллектуальность старика, на то, что любопытство в нем победит желание немедленно заставить замолчать раба, который знает слишком много. Язон надеялся, что Эдилон придет к выводу, что в конце концов раба всегда можно убить, и не будет никакого вреда, если ему зададут несколько вопросов.

Любопытство победило. Нож скользнул обратно

в ножны, и Язон с облегчением вздохнул.

— Освободите его от бревна и приведите ко мне, — приказал Эдилон и ушел.

Остальные рабы широко раскрытыми глазами следили за пришедшим кузнецом. Наконец, после множества криков, цепь с Язона была снята.

— Что вы делаете? — спросил Майках, но один из надсмотрщиков тут же швырнул его на землю. Язон лишь улыбнулся, прижав палец к губам.

Цепь отсоединили, и его увели. Теперь нужно было убедить Эдилона, что он пригоден для чего-нибудь более сложного, чем выкачивание нефти.

Комната, в которую его ввели, содержала первые, увиденные им на планете, следы украшений и благоустройства. Мебель была хорошо сконструирована и украшена резьбой, а на кровати лежал тканый ковер. Эдилон стоял у стола, нервно барабанил пальцами.

— Закройте его, — приказал он охранникам, и цепь Язона замком прикрепили к толстому кольцу, вделанному в стену. Как только охранники вышли, Эдилон остановился перед Язоном и вытащил нож: — Говори, что ты знаешь, или я убью тебя на месте!

— Мое прошлое — открытая книга для тебя Эдилон. Я пришел из земли, где люди раскрыли все секреты природы...

— Как называется эта земля? Ты шпион Аппсалы?

— Не могу быть их шпионом, так как никогда не слышал о таком месте. — Язон лихорадочно размышлял, насколько разумен Эдилон и насколько откровенным можно быть ему самому. Сейчас не время было сочинять замысловатые сказки о планетной географии, лучше попытаться преподнести правду, хотя бы в малых дозах.

— Если я скажу, что прилетел с другого мира

в небе среди звезд, ты согласишься мне?

— Возможно. Существует много легенд о том, что наши предки спустились с неба, но я всегда считал это религиозными выдумками, пригодными лишь для женщин.

— В этом случае женщины правы. Ваша планета была заселена людьми, которые в своих кораблях пересекли пространство, как вы пересекаете пустыню на кароджах. Ваши люди все забыли, забыли науку и знания, которые имели когда-то, но в других мирах эти знания сохранились.

— Глупости!

— Вовсе нет. Я докажу свою правоту. Ты знаешь, что я никогда не был внутри этого чудесного здания и не мог ни от кого узнать ваши секреты. Но могу поклясться, что подробно опишу, что там происходит — не потому что видел, а потому что знаю, что нужно делать с нефтью, чтобы получить нужные продукты. Хочешь послушать?

— Продолжай, — ответил Эдилон, садясь на угол стола и поигрывая ножом.

— Не знаю, как вы называете его, это устройство, но мы называем его перегонным кубом и используем для разделения жидкостей. Сырая нефть попадает в какой-нибудь резервуар, оттуда перекачивается в реторту, особый большой сосуд, который можно герметично закрыть и лишить доступа воздуха. Когда сосуд закрыт, вы разжигаете под ним огонь и доводите нагрев до нужной температуры. Из нефти поднимается газ и вы пропускаете его через систему изогнутых охлаждаемых труб. Потом вы подставляете под открытый конец трубы ведро и туда капает бензин, который и заставляет двигаться ваши кароджи.

По мере того, как Язон говорил, глаза Эдилона раскрывались все шире и шире, пока не стали

похожи на варенные яйца.

— Дьявол! — закричал он и подступил к Язону с ножом. — Ты не мог это увидеть через каменные стены. Только моя семья это знает, готов поклясться!

— Спокойнее, Эдилон, я же тебе говорил, что мы производим это вещество у меня на родине многие годы. — Он балансировал на одной ноге, приготовившись ударить второй, если нервы старика не выдержат. — Я не крал ваших секретов, в нашей стране это пустяки, каждый фермер располагает такой установкой. Клянусь, что могу даже не глядя, предложить некоторые совершенствования. Например, как вы измеряете температуру нефти? У вас есть термометры?

— Что такое термометры? — спросил Эдилон, забыв на мгновение о ноже в начавшемся техническом разговоре.

— Так я и думал. Я могу сделать так, что ваш бензин будет намного лучше по качеству, если только можно будет изготовить нехитрое приспособление. Пока вы не контролируете температуру на выходе, у вас получается смесь различных веществ. А то, что вы используете для своих машин — это наиболее летучая жидкость, которая концентрируется первой — газолин и бензин. Затем нужно повысить температуру и собрать керосин, он пригоден для освещения и для других целей. В конце концов вы получаете густую массу гудрона, которым можно покрывать дороги. Как это нравится тебе?

Эдилон заставил себя успокоиться, хотя дергающийся мускул щеки выдавал его напряжение.

— Ты сказал правду, хотя и ошибся в некоторых деталях. Но мне не интересны ваши термометры и другие усовершенствования — то, что было хорошо для многих поколений нашей

семьи, хорошо и для меня...

— Твое решение не очень оригинально.

— ... но если ты сделаешь кое-что другое для меня, получишь большую награду. Мы можем быть щедрыми, когда это необходимо. Ты видел наши кароджи и ехал на одном из них, видел как я заходил в священное помещение, чтобы убедить святые силы двигать нас. Можешь ли ты сказать, какая сила движет кароджи?

— Надеюсь, это последний экзамен, Эдилон, экстраполяция отняла у меня много сил. Отбросив все эти священные помещения и священные силы, могу сказать, что ты прошел в машинное отделение и занялся работой, для которой меньше всего нужны молитвы. Есть несколько способов привести в движение эту машину, но будем думать о простейших. Принцип двигателя внутреннего сгорания забыт, сомневаюсь, чтобы вы сумели его восстановить, да и времени твоя подготовка заняла много — почти час. Звуки, которые доносились оттуда, похожи на свист пара из клапанов. Да, я совсем забыл об этих клапанах! Итак, пар. Ты вошел, конечно, закрыл дверь, затем открыл несколько клапанов, пока горючее не накачалось в топку, потом поджег его. Получив пар, ты пропустил его в цилиндры, заставив эту штуку двигаться. А после этого, ты лишь следил, чтобы в котле было достаточно воды, чтобы давление пара поддерживалось в норме, чтобы огня было достаточно, чтобы все механизмы были смазаны и наконец...

Язон в изумлении глядел, как Эдилон забежал по комнате в возбуждении, подобрав свой балахон под костлявыми коленями. Дрожа от волнения, он вонзил свой нож в стол и, подбежав к Язону, схватил его за плечи и затряс так, что зазвенели цепи.

— Знаешь, что ты сделал? — сказал он. —

Ты знаешь, что сказал?

— Отлично знаю. Означает ли это, что я сдал экзамен и ты выслушаешь меня? Я был прав?

— Я не знаю, прав ты или нет, я никогда не заглядывал внутрь этих дьявольских аппсаланских ящиков. — Он вновь заплясал по комнате. — Ты знаешь об этих, как ты их называешь? — да, о машинах — больше, чем я. Я провел всю свою жизнь, лишь ухаживая за ними, и проклинал людей из Аппсалы, которые утаили от нас свои секреты. Но ты откроешь для нас эти секреты! Мы построим свои собственные машины, а если они захотят купить их у нас, то дорого заплатят.

— Не можешь ли ты высказаться несколько яснее? — попросил Язон. — Я никогда не слышал ничего более запутанного.

— Я покажу тебе их, человек из далекого мира и ты откроешь нам аппсаланские секреты. Я вижу: рассвет нового дня встает над Пултко. — Он открыл дверь и позвал охранника и своего сына Нарсиси. Нарсиси пришел, когда охранники снимали с кольца цепь. Язон узнал в нем заспанного дзертаподжа, который помогал Эдилону вести машину.

— Бери эту цепь, сын мой, и держи дубинку наготове. Если этот раб попытается бежать, убей его. Но остальные не должны причинять ему вреда; он очень ценен. Пошли.

Он потянул за цепь, однако Язон не двинулся. Все удивленно посмотрели на него.

— Прежде чем мы пойдем, договоримся кое о чем. Человек, который принесет в Пултко новый мир, не раб, это всем должно быть понятно, прежде чем мы начнем действовать. Я согласен работать под охраной, но рабство окончено.

— Но ты не один из нас, следовательно, ты — раб.

— Я ввожу третью категорию в ваше социальное устройство — служащие, рабочие по найму. Хоть и без особого желания, я нанимаюсь к вам на работу и хочу, чтобы со мной обращались соответствующим образом. Запомните это. Убейте раба — что вы потеряете? Очень немного: в загоне множество рабов, любой займет место убитого. Но убейте меня, что вы будете иметь? Мозги на дубинке, но они вам уже не пригодятся.

— Отец, он говорит, что я не могу его убить? — с удивлением сказал Нарсиси.

— Нет, он имеет в виду не это. Он говорит, что если мы его убьем, то никто другой не выполнит для нас эту работу. Я понимаю его, но мне это не нравится. Существуют только рабы и хозяева, все остальное противоречит естественному порядку. Но он поставил нас между сатапо и песчаной бурей, поэтому мы должны предоставить ему некоторую свободу. Отведите этого раба, я хотел сказать, служащего, и мы посмотрим, сумеет ли он выполнить то, что обещает. Если не выполнит, я сам с удовольствием убью его: мне не нравятся революционные идеи.

Они выстроились цепочкой и пошли в закрытое и охраняемое здание с большими воротами, в которые мог проехать кародж. В здании стояло семь таких машин.

— Взгляни на них, — сказал Эдилон, прочищая нос. — Это прекрасные повозки, они наводят страх на наших врагов, быстро несут нас по песку, перевозят большие грузы, но только три этих проклятых ящика могут теперь двигаться.

— Какая-то неисправность? — небрежно спросил Язон.

Эдилон, ругаясь и пыхтя, подошел к четырем огромным черным ящикам, разукрашенным мертвыми головами, колючими костями, потоками крови

и каббалистическими символами устрашающего вида.

— Эти свиньи в Аппсале берут нашу водяную силу и не дают нам ничего взамен. О, да, они дают нам использовать эти машины, но, проехав несколько месяцев, эти проклятые штуки перестают работать. Тогда мы вынуждены возвращать их в город, менять на новые и снова платить и платить.

— Отличный рэкет, — сказал Язон, рассматривая запечатанные корпуса машин. — Почему вы не разберете их и не попробуете сами починить, они не должны быть особенно сложными.

— Это смерть! — выкрикнул Эдилон и оба дзертаподжа отпрянули при этих словах. — Мы пытались сделать это во времена моих отцов, ибо у нас нет суеверий, как у этих рабов. Мы знаем, что это создано людьми, а не богом. Однако, эти хитрые змеи из Аппсалы запрятали свои секреты с коварством. При попытке взломать корпус, оттуда вырывается ужасная смерть и заполняет воздух. Люди, вдохнувшие этот воздух, умирают, даже те, которых лишь слегка затронет этот воздух, покрываются язвами и умирают в страшных мучениях. Люди из Аппсалы смеялись, когда слышали об этом и еще выше подняли цены.

Язон обошел один из ящиков, с интересом рассматривая его. Нарсиси шел за ним, держа в руке конец цепи. Ящик был высок, выше человеческого роста и вдвое больше в длину. Толстый столб выходил через отверстие с обеих сторон. Очевидно, это была ось, приводившая в движение колеса. Через отверстия в боках, он мог разглядеть стрелки и два небольших цветных диска, над всем были три воронкообразных отверстия, которым была придана форма ртов. Встав на цыпочки, Язон заглянул на крышу, но там было лишь закопченное отверстие с загнутыми краями — очевидно, выход дымовой трубы. Кроме того, было еще одно ма-

ленькое отверстие сзади, но на ярком контейнере не было ни одного прибора.

— Я начинаю себе представлять картину, но вы должны рассказать мне, как вы управляете этой машиной.

— Раньше ты умрешь, — закричал Нарсиси. — Только моя семья...

— Заткнись, — крикнул на него Язон. — Запомнил? Больше никаких запугиваний. Для меня в этом нет никаких секретов. Я, вероятно, и сам знаю все, лишь взглянув на эту машину. Масло, вода и горючее подаются в эти три отверстия, куда-то вы подносите огонь, вероятно, в это маленькое закопченное отверстие, открывая один из этих вентилях. Другой служит для увеличения или уменьшения скорости, а третий показывает уровень воды. Диски, это какие-то указатели. — Нарсиси побледнел и отступил. — Поэтому помолчи, пока я говорю с твоим отцом.

— Ты верно сказал, — подтвердил Эдилон. — Рты всегда должны быть полны, и горе постигнет нас, если они окажутся пустыми во время движения. Огонь подносят именно туда, куда ты сказал, и когда зеленая стрелка начнет двигаться, нужно повернуть эту рукоятку, и кародж двинется. Следующая — для большей или меньшей скорости. Если стрелка дойдет до красной черты, нужно повернуть рукоятку назад и держать до тех пор, пока стрелка не вернется назад. Белое дыхание выходит из отверстия сзади. Это все.

— Так я и ожидал, — пробормотал Язон и продолжал осматривать ящик, постукивая по нему пальцами. — Они дали вам минимум приборов для управления этой штукой, чтобы вы ничего не узнали о принципе ее действия. Без теории вы никогда не узнали бы ничего. Зеленая стрелка начинает двигаться, когда повышается давление, а красная черта означает, что в котле нет воды.

Довольно ловко. И, кроме того, здесь есть еще кое-что вроде мини-ловушки на случай, если вы захотите посмотреть, что делается там внутри. Звук такой, будто оболочка у него двойная, а по вашему рассказу я заключаю, что между оболочками находится какое-то отравляющее вещество нарывного действия, типа горчичного газа. Оно там в жидком состоянии. Каждый, кто пытается эту оболочку вскрыть, тут же будет умерщвлен, получив порцию этого газа.

Но должен все же существовать доступ внутрь для ремонта и обслуживания машины: они не стали бы выбрасывать их через несколько месяцев эксплуатации... А учитывая уровень технологии, демонстрируемый этим чудовищем, я думаю, что смогу проникнуть внутрь, обойдя все существующие ловушки. Я берусь за эту работу.

— Хорошо, начинай.

— Минутку, хозяин. Прежде чем нанимать работника, вы должны кое-что уяснить себе. Всегда существуют определенные соглашения и условия, и я буду счастлив перечислить их вам.

Глава восьмая

— Я не понимаю, зачем тебе другой раб, — говорил Нарсиси. — Требовать женщину вполне естественно, точно так же как и отдельное помещение, и отец дал на это разрешение. Но он сказал, чтобы тебе помогали мои братья и я — секреты машин не должны доставаться посторонним.

— Тогда быстрее отправляйтесь к нему и пусть он даст разрешение, чтобы в работе мне помогал раб Майках. Объясни отцу, что Майках из той же страны, что и я, и ваши секреты для него все равно, что детские игрушки. Если отец по-

требует еще объяснений, скажи ему, что мне нужен искусный помощник, который умеет обращаться с инструментами и который точно будет выполнять мои распоряжения. Ты и твои братья слишком уверены в том, что знаете, что нужно делать, кроме того, вы склонны упускать детали, а если вещь вас не слушается, готовы скорее ударить ее молотком, чем подумать.

Нарсиси вышел, кипя от злости и что-то бормоча, а Язон присел у печки, планируя новый шаг. Потребовалась большая половина дня, чтобы подложить под запечатанный ящик бревна и на них, как на катках перекатить машину в песчаную долину, подальше от людей.

Открытое пространство было необходимо в экспериментах, где любая ошибка могла вызвать облако отравляющего газа. Даже Эдилон в конце концов понял разумность этого, хотя все его стремления сводились к тому, чтобы проводить эксперименты в глубокой секретности, за закрытыми дверями. Он дал неохотное согласие, но вокруг машины были воздвигнуты стены из шкур, а вся местность усиленно охранялась. К счастью, завесы из шкур служили хорошим заслоном от ветра.

После долгих споров с Язона сняли цепи, а тяжелые ручные кандалы были заменены на легкие ножные. Он прихрамывал при ходьбе, зато руки были совершенно свободны, и это было большим преимуществом, хотя рядом постоянно находился один из братьев с заряженным самострелом. Теперь Язону были необходимы кое-какие инструменты и сведения о технических познаниях этих людей, а это было связано с еще одной утомительной битвой за их драгоценные секреты.

— Пойдем, — сказал он охраннику. — Надо найти Эдилона.

После первой вспышки энтузиазма вождь дзер-

таподжей проявил мало удовольствия от новых требований.

— Ты получил помещение, — проворчал он, — и рабыню, которая будет готовить для тебя пищу, я только что дал разрешение, чтобы тебе помогал другой раб. Теперь еще новые требования — ты хочешь выпустить всю кровь из моих жил?

— Не нужно драматизировать положение. Я просто хочу иметь кое-какие инструменты для своей работы и бросить беглый взгляд на ваш инструментальный склад или на то место, где вы производите всякие механические работы. Мне нужно знать, прежде чем я приступлю к работе, как ваши люди решают технические проблемы.

— Вход воспрещен...

— Запреты на сегодня стали препятствием для меня, поэтому их нужно время от времени отменять. Ты сам покажешь мне дорогу?

Охранник неохотно открыл дверь здания, где перерабатывалась нефть, затем потребовалось открыть множество замков и запоров. Вновь закованный в цепи и охраняемый, как убийца, Язон был введен в темное помещение.

— Какой хлам! — фыркнул он, пнув ящик с неуклюжими, изготовленными ручной ковкой, инструментами. Работа была крайне грубой, что-то вроде неолитического машинного века. Сварной стык протекал. Инструменты, в основном, представляли кузнечные клещи и молотки для обработки металла на наковальне.

Единственной вещью, порадовавшей сердце Язона, была массивная дрель и токарный станок, работавший от приводных ремней, которые приводились в движение рабами.

Могло быть и хуже. Язон отобрал самые небольшие и удобные инструменты и отложил в сторону, чтобы использовать на следующее утро. Стемнело, работать в тот день было уже невоз-

можно. Вооруженная процессия вышла тем же порядком, что и вошла, и два брата отвели Язона в крохотную, предназначенную для него, комнатку. Тяжелый затвор щелкнул за ним. Он закашлялся от тяжелого запаха полусгоревшего керосина, которым была заправлена тускло горевшая лампа. Анджейл согнулась около небольшой печки, что-то варя в глиняном котле. Она взглянула на Язона и опасливо улыбнулась. Затем вновь повернулась к печке. Язон подошел, приняхался и содрогнулся.

— Какой удар! Суп из креподжей и, вероятно, закуска из сырого креподжа и креподжный же салат. Завтра я постараюсь разнообразить наше меню.

— Великий Чака, — прошептала Анджейл, не глядя на него. — Могучий Чака!

— Меня зовут Язон. Я оставил имя Чаки вместе с его одеждой.

— ... Язон могуч, он может околдовать дзертаподжей и заставить их выполнять его волю. Рабыня благодарит его.

Он поднял ее голову за подбородок, и выражение бессловесной покорности в ее глазах заставило его вздрогнуть.

— Ты не можешь хоть ненадолго забыть о своем рабстве? Мы вместе попали сюда и вместе выберемся.

— Мы спасемся. Я знаю это, ты убьешь всех дзертаподжей, освободишь своих рабов и отведешь нас домой; там мы снова сможем бродить по берегу и есть найденные креподжи вдалеке от этого ужасного места.

— Как легко угождать некоторым девушкам. Именно это я и имел ввиду, за исключением того, что, вырвавшись отсюда, я пойду совсем в другую сторону, как можно дальше от твоих любимых креподжей.

Анджейл внимательно слушала, одной рукой

мешая суп, а другой почесываясь под своими шкурами. Язон обнаружил, что он тоже чешется, и по болезненным расчесам на коже было видно, что с момента своего прибытия на эту негостеприимную планету, он посвящал этому занятию довольно много времени.

— Хватит! — выкрикнул он и забарабанил в дверь. — Здесь очень далеко от цивилизации, как я ее понимаю, но почему бы не попытаться сделать условия более комфортабельными?

За дверью загремели цепи и замки, и показалось лицо Нарсиси.

— Почему ты кричишь? Что-нибудь случилось?

— Мне нужна вода, много воды.

— Но у тебя есть вода, — удивленно сказал тот, указывая на каменный кувшин в углу. — Этого хватит на много дней.

— По вашим стандартам, старина Нарс, а не по моим. Мне нужно в десять раз больше воды и немедленно. И мыло, если оно водится в этом варварском месте.

Начался долгий спор, но Язон в конце концов добился своего, заявив, что вода ему нужна для религиозных обрядов, иначе он не ручается за успех завтрашней работы.

Через некоторое время принесли множество разнообразных сосудов с водой и среди них мелкую чашку, полную чудесного жидкого мыла.

— Вот это другое дело! — восхитился Язон и добавил: — Раздевайся, Анджейл, у меня для тебя есть сюрприз!

— Да, Язон! — сказала Анджейл, счастливо улыбаясь и ложась на спину.

— Нет, ты будешь мыться. Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — ответила она, вздрогнув, — это звучит нехорошо.

— Становись сюда, одежду в сторону, — при-

казал он, указывая на дыру. — Это будет служить стоком.

Вода была нагрета на печке, но Анджейл все еще жалась к стене и дрожала. Она задрожала еще больше, когда Язон вылил на нее воду. Когда он начал тереть ее волосы мылом, она завопила. Ему пришлось зажать ей рот, чтобы она не привлекла внимание стражи.

Он натер мылом и свою голову и испытал восхитительное покалывание, когда мыло дошло до основания волос. Мыло набилось ему в уши, поэтому лишь услышав хриплый крик Майкаха, он понял, что дверь открыта. Майках стоял в двери, указывая на него пальцем, а за его спиной виден был и Нарсиси, заглядывающий через его плечо и поражающийся такому диковенному религиозному обряду.

— Выродок! — загремел Майках. — Вы заставили это бедное создание подчиняться своей воле, вы унизили ее, сняли с нее одежду и глядите на нее, хотя вы не состоите с ней в священном браке! — Он прикрыл глаза рукой. — Вы зло, Язон, вы демон зла, и я обязан предать вас суду и ...

— Вон отсюда! — рявкнул Язон, выпихнув Майкаха за дверь усвоенным им от Чаки приемом. — Единственное зло в вашем грязном мозгу, вы, назойливый фанатик. Девушка моется впервые в своей жизни. Мне надо дать медаль за распространение санитарии среди дикарей. — Он вытолкнул обоих за дверь и крикнул Нарсиси:

— Мне нужен этот раб, но не сейчас, не сейчас! Заприте его до утра, а утром приведите ко мне.

Он захлопнул дверь и решил, что будет запереть ее изнутри.

Анджейл дрожала, поэтому Язон смыл с нее мыльную пену теплой водой, прополоскал ее во-

лосы и дал ей чистый кусок шкуры, чтобы она вытерлась. Лишенное шкур и пластов грязи, ее тело было молодым и сильным, у нее были крепкие груди и полные бедра.

Язон вспомнил обвинение Майкаха и что-то сердито бурча себе под нос, отвернулся. Он разделся, вымылся и использовал остаток воды, чтобы постирать свою одежду. Невыразимое чувство чистоты улучшило его настроение, напевая что-то, он задул лампу и окончательно вытерся в темноте.

Он лег, укрывшись чем-то вроде мехового одеяла, и начал обдумывать план завтрашнего дня. Теплое тело Анджейл прижалось к нему, заставив забыть обо всех технических проблемах.

— Это я, — сказала она без особой необходимости.

— Да, — ответил он и закашлялся. Почему-то стало трудно говорить. — Но я вовсе не это имел в виду, устраивая купание ...

— Ты не старый, что же тебе мешает?

Она казалась раздраженной.

— Ты должна понять, что я не хочу пользоваться своим преимуществом ... — он был смущен.

— Что это значит? Неужели ты из тех, кто не любит девушек? — она начала плакать, и он почувствовал, как дрожит ее тело.

— Когда-то в Риме ... — вздохнул он и похлопал ее по спине.

На завтрак были опять креподжи, но Язон чувствовал себя физически очень хорошо. Он отмылся до розового цвета, зуд прошел даже в отрастающей бороде. Металлическая пиррянская ткань к утру высохла, поэтому он мог одеть чистую одежду.

Анджейл все еще не оправилась от травми-

ческого эффекта купания, но со своей чистой кожей и промытыми и немного причесанными волосами, выглядела очень привлекательно. Пришлось отыскивать для нее одежду, так как он не хотел разрушать результаты своей деятельности, позволив ей натянуть грязные шкуры.

В хорошем настроении он крикнул, чтобы открыли дверь и по прохладе пошел к месту своей работы. Майках был уже там, он выглядел очень грязным и сердитым и гремел цепями. Язон дружески улыбнулся ему, посыпав соли на его душевные раны.

— Снимите с него цепи, — приказал он, — и побыстрее. Сегодня нам предстоит большая работа.

Он повернулся к запечатанной машине, в ожидании потирая руки.

Защитный экран был сделан из тонкого металла и, казалось, не мог скрывать каких-либо секретов. Язон тщательно и осторожно соскреб в нескольких местах краску, обнаружив гофрированный и запаянный стык, где соединялись листы.

Целый час он простукивал корпус, и, наконец, убедился в справедливости своего предположения: корпус был двойным, а промежуток между стенками был заполнен жидкостью. Очевидно, назначением этого устройства была охрана секретов. Однако, где-то должен был быть доступ к машине. Где же? Конструкция была кубической, кожух же закрывал лишь пять сторон. А что с шестой?

— Теперь следует подумать, Язон, — сказал он себе и наклонился, чтобы разглядеть днище. Его покрывала широкая пластина, видимо металлическая. Она защищала все дно и удерживалась четырьмя большими болтами. Итак, ответ заключен в шестой стороне.

— Сюда, Майках, — сказал он, и тот неохотно отодвинулся от горячей печки. — Подойдите ближе

и делайте вид, что осматривайте этот средневековый автомобиль, пока мы обговорим наши дела. Вы будете работать со мной?

— Я не хочу этого, Язон. Я боюсь, что вы запачкаете меня своим прикосновением, как это вы делали с другими.

— Но вы сейчас не так чисты, чтобы...

— Я не имел в виду физическую чистоту.

— А я имел в виду именно ее. Вы тоже можете выкупаться. Я не беспокоюсь о вашей душе, вы о ней сами позаботились. Если вы будете работать со мной, я найду возможность извлечь нас отсюда и доставить нас в город, где были сделаны эти машины. Если только есть возможность выбраться с этой планеты, то лишь в том городе.

— Я знаю все это и все же не решаюсь...

— Маленькое святотатство теперь для великой цели в будущем. Разве не является для вас главной целью доставить меня на суд и наказание? Проведя остаток жизни здесь в качестве раба, вы этой цели не достигнете.

— Вы адвокат дьявола, вы вселяете в меня сомнения, — и все же вы правы. Я буду помогать вам здесь, чтобы мы могли спастись.

— Отлично, а теперь за работу. Отправляйтесь с Нарсиси и доставьте сюда три бревна... таких, какими мы были прикованы у насоса. Захватите и несколько лопат.

Рабы донесли бревна лишь до ширмы из шкур, так как Эдилон запретил им входить внутрь. Пришлось Язону и Майкаху тащить их к машине.

Язон вырыл канавки под машиной и протолкнул туда бревна. Когда это было сделано, он, по очереди с Майкахом, стал выбрасывать из-под машины песок, пока она не оказалась над ямой, поддерживаемая только бревнами. Язон лег в яму и еще раз осмотрел дно машины. Оно было

ровным и лишенным всяких выступов.

С большой осторожностью он поскреб днище у края. Здесь обнаружился припой и Язон счищал его до тех пор, пока не обнаружил полосу металла, припаянного по краям к днищу.

— Эти аппсаланцы очень хитры, — пробормотал он и атаковал припой лезвием ножа. Когда края были очищены, он осторожно потянул полоску металла, предварительно убедившись, что нигде нет ловушек. Неожиданно легко она отделилась и упала на дно ямы.

Обнаружилась ровная металлическая поверхность, тоже без всяких выступов.

— На сегодня довольно, — сказал Язон, выбираясь из ямы и вытирая руки — было уже темно. — Мы кое-чего добились, а теперь я хочу подумать, прежде чем идти дальше. Пока нам везет, но я не думаю, чтобы дальше шло так же легко. Надеюсь, вы захватите с собой чемодан, Майках? Вы будете ночевать со мной.

— Никогда! Притон греха, порочности...

Язон холодно посмотрел ему в глаза и заговорил, при каждом слове толкая его в грудь пальцем:

— Вы пойдете со мной, потому что так лучше для наших планов. И если вы не прекратите указывать на мои моральные слабости, я не буду ссылаться на ваши. Идемте.

Жить с Майкахом было очень тяжело, но все же возможно. Он заставил Язона и Айджейл отойти к стене, отвернуться и обещать не смотреть, пока он будет мыться за ширмой из шкур. Язон использовал возможности для маленькой мести: он развлекал Айджейл, они весело смеялись, и Майкаxu должно было казаться, что смеются над ним. После купания ширма осталась, Майках даже укрепил ее и за нею лег спать. Их пища по-прежнему состояла из креподжей, и Язон со-

дрогался, чувствуя, что привыкает к ней.

На следующее утро, под испуганными взглядами стражников, Язон энергично взялся за плиту днища. Добрую часть ночи он размышлял над этим и теперь решил проверить свои теоретические выкладки на практике... Сильно нажимая на нож, он проделал в металле канавку. Металл был не такой мягкий, как припой, но казался сплавом с большим содержанием свинца.

Что бы это значило? Осторожно прижимая лезвие ножа, он пробовал днище в разных местах. Толщина металла повсюду была одинаковой, за исключением двух мест: оба находились в середине прямоугольного дна на равном расстоянии от краев. Он процарапал два круга, каждый размером с голову.

— Майках, идите сюда и взгляните на эти штуки. Что вы о них думаете?

Майках почесал бороду и потрогал круги пальцами.

— Они покрыты металлом и я не уверен...

— Я не спрашиваю вас, уверены вы или нет, что вы о них думаете?

— Конечно, большие гайки. Навинченные на концы болтов. Но они так велики...

— Они и должны быть велики, ведь на них держится вся эта машина. Я думаю, что теперь мы очень близко подобрались к секрету, как открыть машину. Сейчас нужно быть особенно осторожным. Я все еще не верю, что ларчик открывается так легко. Сейчас я изготовлю деревянный шаблон, по которому мы сделаем гаечный ключ. Пока меня не будет, вы оставайтесь здесь и постарайтесь удалить весь металл, закрывающий эти гайки. Может, это займет много времени, но рано или поздно мы сможем попытаться отвернуть их. Но все же до чего трудно забыть о горчичном газе!

Изготовление гаечного ключа потребовало напряжения местной технологии и все старики, заслуживавшие звания мастеров стали, собрались для консультации. Один из них был неплохим кузнецом, и после ритуального жертвоприношения и множества молитв, он сунул брусок железа в печь, а Язон раздувал меха, пока железо не раскалилось добела. Затем молотками ему придали форму гаечного ключа. Язон по шаблону удостоверился, что ключ подходит к гайке. Теперь у него был необходимый инструмент.

Эдилону, очевидно, сообщили о ходе работ, потому что, вернувшись с гаечным ключом, Язон застал его у машины.

— Я заглядывал снизу и видел гайки, которые эти дьявольские аппсаланцы залили сплошным металлом, — сказал Эдилон. — Кто мог догадаться об этом? Мне все еще кажется невероятным, чтобы один металл можно было спрятать под другим. Как они это сделали?

— Очень просто. Основание собранной машины опустили в форму, куда залили расплавленный металл. У этого металла точка плавления намного ниже, чем у стали, из которой изготовлена машина, поэтому никакого вреда это машине не причинило. Просто в городе лучше знают технологию металлов...

— Ничтожество! Ты оскорбляешь нас...

— Беру свои слова обратно. Я только хотел сказать, что они думали провести всех своей хитростью. Но так как им это не удалось, они глупцы. Ты удовлетворен?

— Что ты будешь делать дальше?

— Я отвинчу гайки. После этого, вероятно, кожух с отравляющей жидкостью освободится и его можно будет снять.

— Для тебя это слишком опасно, эти дьяволы могли подготовить и другие ловушки. Я прикажу

сильному рабу отвернуть гайки, а мы будем ждать в отдалении, его смерть не причинит большого ущерба.

— Я тронут твоей заботой о моем здоровье, но принять предложение не могу. Работу должен выполнить я сам. Секрет слишком прост и это кажется мне подозрительным. Я сам буду отвинчивать гайки и все время следить за сюрпризами — кроме меня никто не сможет этого сделать. Теперь все отойдите в безопасное место.

Никто не заставил себя ждать, слышались быстрые шаги по песку и Язон остался один. Стены из шкур слабо вздрагивали на ветру, больше не было слышно ни одного звука. Язон сплюнул на ладони, унял слабую внутреннюю дрожь и скользнул в яму. Ключ точно охватил гайку. Язон ухватился обеими руками за рукоять, уперся ногами в край ямы и начал поворачивать.

И остановился. Гайка, освобожденная усилиями Майкаха, выступила наружу, видны были и три оборота винта. Что-то в этой нарезке было неправильным, но что именно, он не знал. Однако уже одного подозрения было достаточно.

— Майках! — крикнул он. Однако, ему пришлось громко позвать еще дважды, прежде чем его помощник осторожно просунул голову в яму. — Сбегайте к нефтяным работам и принесите один из их болтов с гайкой. Размер не имеет значения.

Язон грел руки у печки, пока не вернулся Майках с винтом. Язон отправил Майкаха на безопасное расстояние, сам спустился обратно в яму, поднес винт к тому, что выступал из днища и засмеялся. Резьба на аппсаланском винте была сделана под другим углом, и шла слева направо.

Хотя на планетах Галактики существует множество культурных и технических различий, но один из немногих общих принципов, унаследован-

ных от общих предков — это направление резьбы. Язон никогда не думал об этом раньше, но сейчас, мысленно восстанавливая свое пребывание на многочисленных планетах, он понял, что везде было одно и то же. Сверла вращались и болты вворачивались в гнезда всегда по часовой стрелке. В его руке был грубый винт дзертаподжей и на нем была та же резьба. Но винт машины был нарезан в противоположном направлении.

Отбросив винт и гайку, он вновь надел гаечный ключ и начал поворачивать его в обратном направлении, как будто ему нужно было завернуть гайку, а не ослабить. Она поддавалась неохотно, вначале на четверть, потом на полоборота. Шаг за шагом исчезла резьба, гайка все отвинчивалась с болта, еще минута и она упала на землю. Язон отшвырнул ключ и выскочил вслед за ним из ямы. Стоя у машины он принюхивался, готовый бежать при малейшем запахе газа. Но ничего не чувствовалось.

Вторая гайка отвинтилась так же мягко, как и первая, и с тем же отсутствием последствий.

Из входа в огороженное пространство он прокричал тем, кто стоял в отдалении:

— Идите сюда, работа окончена.

Все по очереди спускались в яму и рассматривали днище машины.

— По-прежнему нужна осторожность, — сказал Язон. — Я уверен, что для тех, кто пытается отвинтить гайки, лишь закреплял бы их, приготовлен очередной сюрприз. Пока мы не выяснили, в чем он заключается, будем осторожны. У вас здесь можно достать большие куски льда, Эдилон? Ведь сейчас зима.

— Лед? Зима? — Эдилон был сбит с тольку сменой темы. Он поскреб красноватый кончик своего выдающегося носа.

— Конечно, сейчас зима. Лед... на озерах

высоко в горах много льда, они всегда замерзают в это время года. Но зачем тебе лед?

— Достань лед и я покажу тебе. Пусть его нарубят плоскими брусками, чтобы их можно было складывать. Я не буду поднимать этот чехол — лучше опустить машину из-под него.

Пока рабы доставляли с озера лед, Язон соорудил вокруг машины крепкую деревянную раму, загнал под чехол прочные металлические клинья и прикрепил их к раме. Теперь, если машина опустится в яму, чехол останется на месте, удерживаемый клиньями. Для этого и требовался лед.

Под машиной Язон построил ледяное основание, затем вытащил поддерживавшие ее бревна. Теперь, по мере медленного таяния льда машина будет опускаться в яму.

Погода оставалась холодной и лед не таял, пока Язон не окружил яму кольцом угольных печей. В яме скапливалась вода и Майках начал вычерпывать ее. Щель между чехлом и плитой основания становилась шире и шире. Таяние льда длилось весь остаток дня и всю ночь. Истощенные, с покрасневшими глазами Язон и Майках наблюдали за таянием, и когда на рассвете вернулись дзертаподжи, машина стояла в луже грязи на дне ямы, кожух был снят.

— Хитры дьяволы из Аппасалы, но Язон дин Альт тоже не вчера родился, — воскликнул Язон. — Посмотрите на этот кувшин наверху машины. — Он указал на сосуд из толстого стекла величиной с небольшой бочонок, наполненный маслянистой зеленоватой жидкостью. — Вот сюрприз. Гайки, которые я отвинтил, были связаны с чехлом не прямо, а посредством планки, проходящей над этим сосудом. Если гайки затягивали, а не ослабляли, то планка разбивала сосуд. Теперь вы понимаете что произошло бы дальше?

— Отравленная жидкость?

— Вот именно. И чехол с двойными стенками наполнен ею же. Не думаю, чтобы здесь были еще сюрпризы, но все равно я буду осторожен.

— Ты можешь починить ее? Ты понял, что в ней неисправно? — голос Эдилона дрожал от радости.

— Еще нет, я лишь бегло осмотрел эту штуку. Но и этого мне достаточно. Работа будет такой же легкой, как похищение креподжа у слепого. Машина так же несовершенна по конструкции, как и ваша нефтяная установка. Если бы вы тратили хоть одну десятую частицу своей энергии на исследования и улучшение производства, вместо того, чтобы прятать свои секреты, вы бы теперь летали на реактивных самолетах.

— Я прощаю тебе это оскорбление, ибо ты сослужил нам хорошую службу. Теперь ты починишь эту машину для нас! А также и все остальное. Начнется новый день!

— А для меня начнется новая ночь, — Язон зевнул. — Я буду спать целый день. Заставьте своих сыновей убрать воду, пока машина не заржавела. Вернувшись, я посмотрю, что нужно делать дальше.

Глава девятая

Эдилон оставался в хорошем настроении, и Язон использовал это, чтобы добиться как можно больших уступок. Намекнув, что в машине могут скрываться и другие ловушки, он получил разрешение все дальнейшие работы вести в том же охраняемом помещении. От непогоды его теперь защищал занавес.

Был сооружен специальный испытательный стенд, который поддерживал машину, пока Язон под ней работал. Это было уникальное сооружение,

сделанное по точным инструкциям Язона, и так как никто, в том числе и Майках, не видел раньше испытательного стенда, Язон воспользовался этим для своих целей.

У первой машины оказался сорванным подшипник. Когда он отвернул крышку большого цилиндра, то даже присвистнул от удовольствия, увидев огромные зазоры между стенками цилиндра и поршнем. Надев на поршень уплотнительные кольца, Язон удвоил давление и мощность двигателя.

Когда Эдилон увидел, насколько увеличилась скорость отремонтированной машины, он прижал Язона к груди и пообещал ему щедрую награду. Как вскоре выяснилось, эта награда состояла из небольшого куска мяса, добавленного к ежедневному меню из креподжей, и удвоенной охраны. Эдилон хотел быть уверенным, что его ценная собственность не сбежит.

У Язона был свой план, и он постепенно подготовил несколько приспособлений и инструментов, не имеющих ничего общего с ремонтом машин. Когда все было готово, он решил поискать помощников.

— Что бы ты сделал, если бы я дал тебе дубину? — спросил он у высокого сильного раба, которому помогал подтаскивать бревно к мастерской. Нарсиси и один из его братьев бездельничали у входа в ограду, утомленные своими обязанностями охранников.

— А чтобы я сделал с дубиной? — прохрипел раб, сморщившись и раскрыл рот от усиленной работы мысли.

— Да, я об этом спрашиваю. И продолжай тащить эту штуку, я не хочу, чтобы охранники что-нибудь заметили.

— Если у меня будет дубина, я буду убивать! — возбужденно сказал раб, сжимая пальцами во-

ображаемое оружие.

— А меня ты убил бы?

— Если бы у меня была дубина, конечно убил бы — ты не особенно сильный.

— Но если я дам тебе дубину, разве я не твой друг? почему бы тебе тогда не убивать кого-нибудь другого?

Новизна этой мысли заставила раба замереть и он принялся задумчиво чесать голову, пока Нарсиси не заставил его вновь приняться за работу. Язон вздохнул и принялся подыскивать иные объекты для своей воспитательной программы. Для этого потребовалось некоторое время, но постепенно его идеи проникали в ряды рабов.

Все, чего рабы могли ожидать от дзертаподжей, была тяжелая работа и ранняя смерть. Язон предлагал им другое: оружие, возможность убить своих хозяев и еще большее количество убийств, когда они пойдут на Аппсалу. Им трудно было освоиться с мыслью, что завладев оружием, им придется действовать вместе. Это был рискованный план и многое могло помешать ему, но восстание могло освободить их от цепей, даже если они после этого разбегутся.

На этой нефтяной скважине было не более 50-ти дзертаподжей. Было не очень сложно перебить или разогнать их, и задолго до того, как они могут вызвать подкрепление, Язон и беглые рабы исчезнут. Был только один пункт, мешавший осуществлению плана, но новое же пополнение рабов разрешило и это затруднение.

— Счастливым день, — засмеялся Язон, распахивая дверь в свою комнату и с удовольствием потирая руки. Охранник пропустил Майкаха и закрыл за ним дверь.

— Сегодня прибыли новые рабы, — сказал он, отводя в дальний угол Майкаха и Анджейл, — и среди них один из Аппсалы, наемник, ко-

того они захватили в стычке. Он знает, что ему тут недолго жить, и благодарен за любое предложение побега.

— Это мужской разговор и я его не понимаю, — сказала Анджейл и повернулась к печке.

— Ты поймешь, — сказал Язон, удерживая ее за плечи. — Солдат знает, где находится Аппсала и может провести нас туда. Пришло время подумать об уходе отсюда.

Теперь Айджейл внимательно слушала его, да и Майках тоже.

— Как это? — спросила она.

— Я готовился заранее. У меня достаточно напильников и отмычек, чтобы проникнуть в любое помещение: есть немного оружия и ключ от кладовой, все сильные рабы на моей стороне.

— Что же вы хотите этим сделать? — изумленно спросил Майках.

— Организовать революцию рабов в лучшем стиле. Рабы перебьют дзертаподжей и мы убежим.

— Вы говорите, революция?! — заревел Майках.

Язон прыгнул на него и бросил на пол. Анджейл держала его за ноги, а Язон сел на грудь и зажал ему рот.

— Что с вами? — зашипел он. — Хотите провести остаток жизни чиня краденые машины? Они слишком хорошо нас охраняют, самим нам отсюда не выбраться, поэтому нам нужны союзники. Я и нашел их, я подготовил всех рабов.

— Рев... люц... — бормотал Майках сквозь стискивавшие ему рот пальцы.

— Конечно, революция. Это единственный способ и шанс выжить для этих бедных дьяволов. Сейчас они — человеческий скот. Их бьют и убивают. Вы не можете сочувствовать их хозяевам — каждый из них десятикратный убийца. Вы видели, как они убивают, забивая рабов до смер-

ти? Вы считаете, что они не должны пострадать от революции?

— Конечно, — они отвратительны, — забормотал Майках. — Я не чувствую милосердия к ним, их следует спрятать в тюрьму или совсем стереть с лица земли. Но этого нельзя делать с помощью революции: революция это зло, прирожденное зло.

Язон застонал.

— Попробуйте сказать это двум третям существующих сейчас правительств: большинство из них возникло в результате революций. Как иначе вы можете избавиться от рабства, если у вас нет возможности заново голосовать против него? Если вы не можете их забаллотировать — стреляйте в них!

— Кровавая революция! Нет, это невозможно!

— Ладно, пусть не революция, — сказал Язон, сдаваясь и раздраженно махнув рукой. — Изменим название. Как вы насчет разоружения тюрем? Нет, это вам тоже не нравится. Нашел! Освобождение! Мы сорвем цепи с этих бедных людей и вернем их в родные земли, откуда их украли. Итак, вы присоединяетесь к нашему освободительному движению?

— Это по-прежнему революция, — с сомнением пробормотал Майках.

— Это будет тем, как я его назову! — разозлился Язон. — Вы пойдете со мной, или же останетесь тут. Я все сказал.

Он встал и налил себе немного супа, ожидая пока гнев его остынет.

— Я не могу... я не могу этого сделать, не могу... — бормотал Майках, глядя в свой суп, как в магическое стекло, словно ища там указаний.

Язон с отвращением отвернулся.

— Смотрите, чтобы и вы не кончили также,

— предупредил он Анджейл, указывая ложкой через ее плечо. — Хотя, конечно, на это мало шансов: ваше общество крепко стоит на земле. — А этот длиннолицый клоун может мыслить только абстракциями, и чем более она нереальна, тем лучше для него. Готов поклясться, что его беспокоит, сколько ангелов могут поместиться на острие булавки.

— Об этом я не думал, — вмешался Майках, услышав это замечание. — Но подумаю об этом в свое время. Это проблема, которую не так-то легко разрешить.

— Видишь...

Анджейл просияла.

— Если он не в порядке, и я тоже — значит, только ты из всех нас прав, — она кивнула, вполне удовлетворенная этим соображением.

— Очень приятно, что ты так думаешь, — улыбнулся Язон. — И это правда. Я непогрешим, но, будь я проклят, если не сумею увидеть лучше разницу между абстракциями и живой жизнью, чем любой из вас; кроме того, я искусней вас претворяю теорию в практику, в действительности. Собрание клуба болельщиков Язона дин Альта временно откладывается.

Он завел руку назад и похлопал себя по спине.

— Чудовище высокомерия! — выкрикнул Майках.

— Ох, замолчи!

— Гордыня предшествует падению! Вы проклятый идолопоклонник...

— Очень хорошо.

— ... и я сожалею, что хотя бы в течение секунды помогал вам или оставался рядом с вами — воплощением греха. Боясь своей душевной слабости, я не мог противиться искушению. Это печалит меня, но теперь я выполняю свой долг.

— Он забарабанил кулаком в дверь. — Стража! Стража!

Язон выронил чашку и попытался встать, но поскользнулся на пролитом супе и упал. Когда он встал вновь, уже загремели замки и дверь открылась. Если бы ему удалось схватить этого идиота прежде чем тот раскроет рот, он мог бы заставить его замолчать.

Но было уже поздно. Нарсиси просунул голову в дверь и глядел со своим обычным заспанным видом. Майках встал в драматическую позу и указал на Язона.

— Схватите и арестуйте этого человека. Я обвиняю его в подготовке революции, в планировании кровавых убийств!

Язон резко свернул на полпути к мешку со своими личными вещами, лежащему у стены. Он порылся в нем, перебирая содержимое и в конце концов извлек молоток с тяжелой свинцовой головкой.

— Предатель! — крикнул Язон Майкаxu, подбегая к Нарсиси, который туповато следил за происходящим. Но, хотя он и казался медлительным, реакция у него была превосходной — щит принял на себя удар, а искусный взмах дубины пришелся по руке Язона: его онемевшие пальцы разжались, молоток упал на пол.

— Я думаю, что вам двоим нужно пойти со мной, отец во всем разберется, — сказал он и вытолкнул Язона и Майкаха из комнаты. Нарсиси закрыл дверь и, подозвав одного из своих братьев, велел ему стать на страже, а сам повел пленников по коридору. Они брели в кандалах: Майках — гордо, как мученик, а Язон — кипя от гнева и скрежеща зубами.

Эдилон был далеко не глуп, он понял ситуацию раньше, чем Нарсиси закончил свой рассказ.

— Я не удивлен, так как ожидал этого. —

Его глаза сверкнули, когда он на мгновение задержал свой взгляд на Язоне. — Да я знал, что придет время, когда ты попытаешься перехитрить меня. Именно поэтому я позаботился и позволил, чтобы тебе помогал другой раб и перенимал твое искусство. Как я и ожидал, он предал тебя, чтобы занять твое место, и я вознаграждаю его этим местом.

— Предал? Я не преследовал личную выгоду, — запротестовал Майках.

— Только из бескорыстных мотивов, — холодно засмеялся Язон. — Не верь ни одному слову этого благочестивого обманщика, Эдилон. Я не готовил восстания. Он сказал это, чтобы занять мое место.

— Вы клевете на меня, Язон! Я никогда не лгу — вы готовили восстание. Вы говорили мне...

— Молчите вы оба, или я прикажу забить вас насмерть. Вот мое решение. Раб Майках предал раба Язона, причем абсолютно не важно, готовил раб Язон или не готовил восстание. Его помощник не предавал его, пока не был уверен, что сможет хорошо выполнить работу и это для меня единственный действительно важный факт. Твои идеи о рабочем классе обеспокоили меня, Язон. Я был бы рад убить их и тебя. Прикуйте его среди других рабов. Я награждаю тебя, Майках, комнатой Язона и его женщиной, и пока ты будешь хорошо выполнять свою работу, я не убью тебя. Работай долго и будешь жить долго.

— Только из бескорыстных мотивов, не правда ли, Майках? — кричал, оборачиваясь, Язон, когда его выводили из комнаты.

Падение с вершины власти было стремительным. Через полчаса на запястьях Язона были новые

кандалы и он был прикован к стене в темном помещении, набитом рабами.

Он загремел цепями и принялся внимательно рассматривать их в тусклом свете единственной лампы, как только захлопнулась дверь.

— Как идет подготовка к восстанию? — шопотом спросил прикованный раб.

— Очень хорошо, ха, ха! — ответил Язон, потом придвинулся ближе, чтобы лучше разглядеть своего соседа. — Ты мне знаком, это ты новый раб, с которым я разговаривал сегодня.

— Это я, Снарби, опытный солдат, копьеносец, искусный в обращении с дубинкой и кинжалом, на моем счету семь убитых. Сам можешь проверить в нашей ратуше.

— Я все помню, Снарби. Помню и то, что ты знаешь дорогу в Аппсалу.

— Я знаю все вокруг.

— Тогда восстание продолжается и оно начнется прямо сейчас, только я несколько сожалею, что сократил его размеры. Вместо того, чтобы освободить всех этих рабов, как ты относишься к возможности убежать нам двоим?

— Это лучшая мысль с того дня, как были выдуманы пытки. Нам не нужны все эти глупцы, они только помешают. Действовать нужно малыми силами, — так я всегда говорил.

— Я тоже всегда так считал, — согласился Язон, роясь в своих башмаках кончиками пальцев. Он умудрился припрятать там свой лучший напильник и отмычку, когда Майках предал его. Нападение на Нарсиси с молотком было лишь прикрытием.

Язон сам изготовил этот напильник из закаленной стали после нескольких неудачных попыток. Он отлепил глину, скрывавшую надрез в ножных кандалах, который он сделал и энергично принялся за мягкое железо. Через три минуты кандалы

лежали на полу.

— Ты колдун! — прошептал Снарби, отшатываясь.

— Механик. Впрочем, на этой планете это одно и то же. — Он осмотрелся, но утомленные рабы спали и ничего не слышали. Обернув инструмент в кусок шкуры, чтобы приглушить звон, он начал пилить звено цепи, которая крепилась к его наручникам. — Снарби, — спросил он, — мы на одной цепи?

— Да, — цепь проходит через наручники и держит целый ряд рабов, второй конец цепи исчезает в отверстии стены.

— Лучше и быть не может. Я перепилю одно звено и мы оба будем свободны. Ты постарайся пропустить цепь через отверстие в твоих наручниках и уложить ее вниз бесшумно, чтобы соседние рабы ничего не слышали. Наручники придется унести с собой, сейчас некогда ими заниматься. Заходят ли сюда ночью стражники?

— С тех пор, как я здесь этого не случалось. Они будят нас по утрам, дергая за цепь.

— Будем надеяться, что и сегодня ночью они не зайдут. Нам понадобится некоторое время... — Напильник прорезал цепь. — Посмотрим, пока я натяну свой конец, сможешь ли ты натянуть цепь. Надо разогнуть это звено.

Они молча трудились, пока звено не распрямилось и цепь не выскользнула. Молча они положили ее на пол и бесшумно скользнули к двери.

— Есть ли охрана снаружи? — спросил Язон.

— Кажется нет. У них не слишком много людей, чтобы охранять всех рабов.

Дверь не пошевелилась, когда они надавили на нее. В помещении было достаточно света, чтобы разглядеть большое замочное отверстие. Язон легонько пошевелил стмычкой и презрительно

скривил губы:

— Эти идиоты оставили ключ в замке.

Он выбрал самый крепкий прут и прочный кусок шкуры, расправил его и просунул под дверь, оставив достаточный конец, чтобы втянуть его обратно. Затем прутом осторожно толкнул ключ через скважину и тот упал. Дверь бесшумно отворилась и через мгновение они были снаружи, напряженно вглядываясь во тьму.

— Пошли! Бежим отсюда, — сказал Снарби, но Язон схватил его за горло и потянул назад.

— Есть ли хоть капля разума на этой планете? Как мы доберемся до Аппсалы без пищи и воды, а если даже найдем продукты, то как унесем их с собой? Если ты хочешь остаться в живых, выполняй мои приказания. Я сейчас закрою дверь, чтобы никто случайно не обнаружил нашего бегства раньше времени. Затем мы постараемся раздобыть транспорт и уберемся с шиком. Согласен?

Ответом был лишь приглушенный хрип. Тогда Язон несколько разжал пальцы и позволил воздуху проникнуть в легкие Снарби. Тихий стон означал, очевидно, согласие, так как Снарби последовал за ним, когда Язон двинулся по темным переулкам мимо здания.

Выйти за пределы городка было не трудно, так как немногочисленные часовые ожидали противника только снаружи. Так же нетрудно было добраться до мастерской с тыла и скользнуть туда сквозь отверстие в шкурах, которое Язон заранее прорезал и зашил тонкой бечевкой.

— Сиди тут и ничего не трогай, если не хочешь лишиться жизни, — приказал он дрожащему Снарби, затем скользнул к выходу из мастерской, сжимая в руке маленький молоток. Он был доволен, увидев, что вход охраняет один из сыновей Эдилона.

Свободной рукой Язон вежливо приподнял его

кожаный шлем и ударил молотком. Охранник молча упал.

— Теперь за работу, — сказал Язон, вернувшись внутрь и поднес огонек к фитилю лампы.

— Что ты делаешь? Нас увидят, убьют...

— Держись за меня, Снарби и будешь атаманом. Часовые не могут увидеть свет: я это проверял, когда работал тут. И нам нужно кое-что сделать, прежде чем мы уйдем. Мы должны построить кародж.

Конечно им не нужно было строить машину с самого начала, но в утверждении Язона было достаточно правды. Недавно починенная и наиболее мощная машина все еще была привинчена к испытательному стенду, и этот факт полностью оправдывал их ночной риск. Три колеса лежали в стороне. Язон вставил на место винты и с помощью Снарби затянул их. На другом конце стенда был крепкий поворачивающийся столб, который поддерживал инструменты на стенде. Когда они сбросили инструменты, осталось лишь бревно. Язон использовал его для того, чтобы прикрепить еще одно колесо.

Когда это было выполнено, испытательный стенд превратился в трехосную повозку с паровым двигателем. Так и должно было получиться, так как Язон всегда думал о необходимости внезапного бегства и готовил его.

Снарби притащил глиняные кувшины с маслом, водой и горючим, а Язон заполнил баки. Он разжег огонь под котлом и погрузил инструменты и небольшой запас креподжей, который сумел приготовить заранее.

Вскоре наступил рассвет. К этому времени они должны уже быть в пути. Больше Язон не мог избежать мыслей, которые отошли назад во время приготовлений к бегству.

Он не мог оставить здесь Анджейл, но

если он возьмет ее с собой, то придется прихватить с собой и Майкаха... В свое время тот спас его жизнь и неважно, что потом он совершил несколько идиотских поступков. Он считал себя в долгу перед человеком, предавшим его существование, но не знал, выплаstil ли уже свой долг. В отношении Майкаха он чувствовал, что, пожалуй, заплатил. Ну, еще один, последний раз...

— Следи за машиной, я скоро вернусь, — сказал он, спрыгивая на землю.

— Ты хочешь, чтобы я следил за этой дьявольской повозкой? Я не могу. Она взорвется и убьет меня...

— Веди себя разумно, Снарби. Этот утиль на колесах сделан людьми и улучшен мной, демоны тут ни при чем. Она сжигает горючее, чтобы производить пар, затем пар проходит по этой трубе и двигает вот этот стержень, а стержень вращает колеса. Поэтому мы и движемся. Может быть, потом ты поймешь лучше, но для этого нужно убраться отсюда. Значит ты останешься здесь и будешь делать все, что я тебе скажу. Иначе я разобью тебе голову. Ясно?

Снарби ошеломленно кивнул.

— Отлично. Все, что тебе нужно делать, это сидеть и смотреть на этот маленький зеленый кружок. Видишь? Если он перестанет светиться до моего прихода, поверни эту ручку вот сюда. Все понял? В этом случае предохранительный клапан не будет выпускать пар и не разбудит всю округу.

Язон прошел мимо еще не пришедшего в себя часового и направился обратно к очистительной установке. Вместо дубинки и кинжала он был вооружен палахом из хорошо закаленной стали. Охранники тщательно проверяли все, когда он работал, но не обращали внимания на то, что он делал в своей мастерской. Это было выше их

понимания.

Такой первобытный уровень умственного развития был особенно кстати для Язона, и он изготовил, а теперь и прихватил с собой мешок зажигательных снарядов — простого оружия нападения.

Небольшие глиняные сосуды были наполнены бензином. От запаха бензина у него закружилась голова. Он надеялся, что эти снаряды оправдают его надежды, когда придет время.

Возвращение прошло так же гладко, как и путь в мастерские. Подсознательно он надеялся, что будут какие-нибудь поиски и ему придется вернуться. Очевидно, его подсознание было мало заинтересовано в спасении девушки-рабыни и его Немезиды, в особенности, если для этого приходилось рисковать шкурой.

Его подсознание было разочарованно. Он оказался в здании, где находилась его бывшая комната, и старался заглянуть за угол, чтобы определить, стоит ли у двери охранник. Охранник был там. Казалось он дремал, но что-то привлекло его внимание. Он ничего не услышал, но начал усиленно принюхиваться: сильный запах бензина, которым Язон пропитал свои снаряды, насторожил его, он поднял голову и увидел Язона, прежде чем тот отскочил.

— Кто там? — закричал охранник и кинулся на него.

Выхода не было, поэтому Язон с ответным криком сделал выпад. Лезвие взметнулось перед охранником — тот никогда раньше не видел меча — и кончик его перерезал охраннику горло. С хриплым стоном он упал на землю замертво, но ему уже ответили голоса из глубины здания. Язон перепрыгнул через тело, извлек один из своих снарядов и начал открывать замок.

Послышался приближающийся топот, но он уже

открыл замок и распахнул дверь.

— Быстрее выходите. Мы бежим! — уверенно крикнул он и толкнул изумленную Анджейл к выходу. С огромным удовольствием он пнул Майкаха так, что тот буквально перелетел через порог и тут встретился с Эдилоном, который подбегал, размахивая дубинкой. Язон прыгнул, ударил Эдилона в ухо рукояткой меча и поставил Майкаха на ноги.

— Быстро к мастерской, — приказал он все еще ошеломленному компаньону, — там стоит кародж и, мы можем бежать.

Он еще раз прикрикнул на них и они наконец-то бросились бежать. Сзади слышались крики и появилась толпа вооруженных дзертаподжей. Язон сорвал со стены лампу и поднес открытое пламя к одному из своих снарядов. Оболочка загорелась и он бросил его в ряд приближающихся охранников до того, как огонь обжег руку. Снаряд ударился о стену и разбился, бензин брызнул во всех направлениях, но огонь погас.

Язон выругался и схватил второй снаряд. Если и этот не подействует, он погиб. Дзертаподжи на мгновение остановились в нерешительности перед лужей бензина и в этот момент он швырнул вторую бомбу. Она разорвалась, пламя загло бензин из первого снаряда и коридор заискрился огненным занавесом. Придерживая рукой лампу так, чтобы в ней не погас огонь, Язон побежал за остальными.

За пределами здания пока тревоги еще не было и Язон запер дверь снаружи. Когда ее сумеют открыть и выбежать наружу, они будут уже далеко от здания. Надобности в лампе больше не было, она мешала бежать. Он отбросил ее прочь, и как бы в ответ из пустыни донесся пронзительный свист.

— Он не сделает этого, — простонал Язон.

— Предохранительный клапан выпускает пар!

Он догнал Анджейл и Майкаха, которые потеряли в темноте направление, злясь на все человечество, толкнул Майкаха в нужном направлении и повел их к мастерской.

Они благополучно проделали большую часть пути, хотя повсюду поднялась суматоха. Дзертаподжи, очевидно, никогда не испытывали ночного нападения. Они решили, что на них напал враг и бегали, сустились и кричали. Смятение не улеглось, когда здание охватило пламя и из него вынесли бесчувственного Эдилона.

В суматохе никто не заметил беглых рабов, и Язон провел их мимо постов почти к самой мастерской. Их заметили только тогда, когда они пересекали открытое пространство перед мастерской. После некоторого колебания охранники побежали за ними.

Язон вел погоню прямо к своей драгоценной паровой тележке. Другого выхода у него не было. Перескочив через все еще неподвижного охранника у входа, он побежал к машине.

Снарби прятался за колесом, но у Язона на него не было времени. Когда он прыгнул на платформу, предохранительный клапан закрылся и внезапно наступила пугающая тишина. Весь пар вышел.

Язон яростно закрутил вентиль и бросил взгляд на индикатор: давления не хватило бы даже на то, чтобы передвинуться на метр. Булькала вода, свистел котел, снаружи донеслись крики преследователей — они добежали до входа и обнаружили тело убитого охранника.

Язон повернулся и швырнул снаряд. Гневные крики сменились воплями ужаса, когда языки пламени появились на пути охранников, и они отступили в беспорядке. Язон бросился за ними. Они, казалось, убежали до самой нефтеперегонной

установки, но он не был уверен, что в потемках не скрываются отдельные охранники.

Язон торопливо вернулся к кароджу, постучал во все еще неподвижному указателю давления в котле и широко открыл клапан подачи топлива.

Дзерттаподжи несомненно вернутся и будут атаковать мастерскую. Если к тому времени давление немного поднимется, они спасутся. Если же нет...

— Майках и ты, трусливый слюнтяй Снарби, становитесь за этой штукой и толкайте, — сказал Язон.

— Что случилось? — спросил Майках. — Вы начали революцию? В таком случае я не имею права помогать...

— Мы бежим отсюда. Если вас это не устраивает, оставайтесь. Мы уйдем с Анджейл и этим проводником.

— Я присоединяюсь к вам. В бегстве от таких варваров нет ничего преступного.

— Очень рад за вас. А теперь толкайте. Я хочу поставить ее в центр, подальше от стен и направить в пустыню. Вниз по долине, верно, Снарби?

— Вниз по долине, верно.

— Становитесь все на борт. Отодвиньте эти бревна, чтобы мы за них не зацепились, когда начнем двигаться. — Язон оглядел мастерскую, чтобы удостовериться, что ничего не забыл, и неохотно взобрался на борт. Он погасил лампу и они сидели в темноте. Их лица освещались отблесками пламени из печи. Заняться было нечем, от этого каждая секунда длилась вечность. Стены скрывали от них все, что делалось снаружи, и через несколько минут воображение населило ночь молчаливыми ордами, крадущимися за ними, напиравшими на тонкие стены из шкур и готовыми сокрушить их.

— Бежим отсюда, — закричал Снарби, соби-

раясь спрыгнуть с машины. — Здесь мы в ловушке...

Язон поймал его и бросил на платформу, прижал голову к доскам пола и держал так, пока тот не успокоился.

— Я разделяю чувства этого бедного человека, — сказал Майках, — вы зверь, Язон, вы попираете его естественные чувства. Прекратите ваши садистские занятия и присоединяйтесь к моей молитве...

— Если бы этот человек выполнил свои обязанности и присмотрел за котлом, мы уже давно были бы в безопасности. А если у вас достаточно дыхания для молитв, используйте его для раздувания огня в печи. Наше спасение зависит не от молитв, а только от давления пара...

Раздался воинственный клич, и отряд дзертаподжей появился у входа. В тот же момент упала задняя стена мастерской, и там появились вооруженные люди.

Язон выругался и зажег четыре снаряда, швырнул их по два в противоположные стены. Прежде чем они упали, он прыгнул к клапану котла и открыл его.

Кародж задрожал и со свистом двинулся. На какое-то время стена пламени задержала атакующих, но разглядев, что машина двинулась, они закричали еще громче. В воздухе засвистели стрелы, прицел был плох: лишь две воткнулись в платформу. С каждым оборотом колес скорость машины увеличивалась, и когда она столкнулась со стеной, шкуры с треском разлетелись.

Огонь сзади потускнел, крики заглохли. Гремя и звякая, кародж неся вниз по долине. Язон подобрался к рукоятке: необходимо было уменьшить скорость.

Майках понял его, и поспешил следом.

— Держите рукоятку прямо! Следите, чтобы

мы во что-нибудь не врезались!

Передав руль, Язон вернулся к машине. Они постепенно замедлили ход и наконец остановились. Анджейл стонала, а Язон чувствовал себя так, будто по каждому дюйму его тела били молотком.

Погони не было: никто не мог состязаться с ними в скорости.

— Вставай, Снарби, — приказал он. — Я избавил вас всех от рабства, теперь твоя очередь: ты должен вести нас, как обещал. Иди впереди с этой лампой и выбирай ровную дорогу.

Снарби спустился и пошел вперед. Язон слегка приоткрыл клапан, и они двинулись по следу Снарби. Анджейл прижалась к Язону, дрожа от холода и страха. Он похлопал ее по плечу и сказал:

— Успокойся. Теперь нам предстоит приятная прогулка.

Глава десятая

Они были уже в шести днях пути от Пултко, и запасы у них истощились. Места, по которым они проезжали, становились все более плодородными. Волнистые травы, обилие ручьев и животных... Все говорило о том, что с голоду они не умрут.

Проблема была лишь с топливом: после полудня Язон открыл последний кувшин.

За несколько часов до темноты сделали привал. Свежего мяса не было, и Снарби, взяв самострел, отправился на поиски дичи. Он единственный из всех был достаточно искушен в обращении с этим оружием и знал местных животных. Теперь его страх перед кароджем немного уменьшился, а самоуверенность росла по мере признания его охотничьих способностей.

Бросив самострел через плечо, он высокомерно

удалился. Язон смотрел ему вслед и чувствовал растущее беспокойство.

— Я не верю этому наемнику ни на секунду, — пробормотал он. И, помолчав, обратился к Майкаху: — Вы заметили что-нибудь интересное в окружающей местности?

— Ничего. Дикая природа, не тронутая рукой человека.

— Тогда вы, вероятно, ослепли... Анджейл! — окликнул Язон. Она взглянула на него с места у котла, где грелась и жевала кусок их последнего креподжа. — Оставь это. Как бы его не приготовить, вкус все так же плох. Если Снарби повезет, у нас будет мясо. И скажи, не видела ли ты что-нибудь интересного там, где мы проезжали?

— Ничего особенного, только следы людей. Дважды мы пересекали довольно свежий след кароджа. А один раз я видела след костра, но он очень старый.

— Вот так, Майках! — произнес Язон. — Смотрите, как охота за креподжами развивает наблюдательность.

— Я не дикарь. Стану я обращать внимание на такие мелочи!

— Верно! Кроме неприятностей от вас ждать нечего. Но теперь мне нужна ваша помощь. Это последняя ночь свободы для Снарби, догадывается он об этом или нет. И я не хочу, чтобы он стоял на страже ночью. Нам придется разделить дежурство между собой.

Майках был удивлен.

— Не понимаю, почему вы говорите, что для него это последняя свободная ночь.

— До сих пор не поняли, даже после того, как мы познакомились с социально-этическими нормами этой планеты? Как вы думаете, что нас ожидает в Аппсале, если мы приедем туда вслед

за Снарби, как овцы на бойню? Я не знаю, что конкретно, но он несомненно что-то задумал. На вопросы о городе, он отвечает общими словами. Конечно, наемник может и не знать многих подробностей, но все же должен быть осведомлен лучше, чем говорит. Он утверждает, что мы в четырех днях пути от города, но я думаю, что осталось не больше одного-двух. Утром я хочу связать его, и спрятать вас всех среди этих холмов. А сам произведу разведку города...

— Вы хотите связать этого бедного человека безо всякой причины, превратить его в раба?!

— Я не собираюсь превращать его в раба, просто не хочу, чтобы он завел нас в какую-нибудь ловушку. Этот усовершенствованный кародж — сильное искушение для любого туземца, и, если он сумеет продать меня, как механика, в рабство, его будущее обеспечено.

— Не желаю этого слушать! — бушевал Майках. — Вы обвиняете человека лишь на основании своих беспочвенных подозрений. Судите, чтобы не быть судимым самому. Вы лицемер: я помню ваши слова, что человек невиновен, пока его вина не доказана.

— Что ж, этот человек виноват — если уж заговорили об этом — виноват в том, что является членом этого дикого общества и, следовательно, действует определенным образом. Разве вы еще не изучили этих людей? Анджейл! — Она взглянула на него, жуя креподж, и, очевидно, не слышала спора. — Каково твоё мнение? Вскоре мы придем туда, где у Снарби много друзей или людей, которые могут помочь ему. Как ты думаешь, что он будет делать?

— Поздоровается с ними. Может быть, они дадут ему креподж. — Она улыбнулась, удовлетворенная своим ответом.

— Это не совсем то, что я имел в виду, —

терпеливо сказал Язон. — Что, если мы все трое придем вместе с ним к этим людям, и эти люди увидят нас и кародж?

Она выпрямилась, встревоженная.

— Вы не должны идти с ним! Если у него здесь есть друзья, они захватят нас, сделают нас рабами и отберут кародж. Ты должен убить Снарби.

— Кровожадные язычники... — Майках встал в свою излюбленную обвинительную позу, но сразу замолчал, как только Язон поднял тяжелый молоток.

— Вы поняли наконец? — спросил Язон. — Связывая Снарби, я только следую местному этическому кодексу, как например, отдача чести в армии или невозможность есть пальцами в приличном обществе. На самом деле я проявил небрежность, так как, по местным обычаям, я должен был бы убить его, прежде чем он смог бы причинить нам вред.

— Этого не может быть, я не могу поверить в это. Вы не можете осудить человека и приговорить его на основании таких беспочвенных обвинений.

— Я не приговариваю его, — сказал Язон с растущим раздражением. — Я лишь хочу быть уверен, что он не причинит нам никакого вреда. Если не хотите мне помочь, то хоть не мешайте. И разделите со мной ночное дежурство. То, что я сделаю утром, будет целиком на моей совести, вас это не касается.

— Он возвращается, — прошептала Айджейл. И немного погодя в высокой траве появился Снарби.

— Добыл cervo, — гордо объявил он и бросил животное на землю. — Освежьте его, разрежьте на куски и поджарьте. У нас есть еда.

Он выглядел совершенно невинным и бесхит-

ростным, и единственно, что могло насторожить — мимолетный хитрый взгляд, сверкнувший из под опущенных ресниц. Язон на секунду усомнился в своих рассуждениях, но потом вспомнил, где он находится, и отбросил сомнения. Снарби никто не обвинит в преступлении, если он захочет убить их или продать в рабство — он будет действовать так, как действовал бы любой нормальный член рабовладельческого общества.

У них был обильный обед, затянувшийся до сумерек. Потом легли спать. Язон, уставший от забот и отяжелевший от еды, боролся со сном. Когда он начинал дремать, то вставал и ходил вокруг лагеря, пока холод не заставлял его вернуться к теплу парового котла.

В полночь он разбудил Майкаха.

— Ваша очередь. Держите глаза и уши открытыми и не забудьте об этом, — он ткнул пальцем в спящего Снарби. — В случае чего, разбудите меня.

Язон сразу уснул и крепко спал, пока первые лучи рассвета не тронули неба. Когда он открыл глаза, на восточной стороне горизонта были видны лишь самые яркие звезды, от травы поднимался густой туман. Рядом с ним спали двое. В одном он узнал Майкаха.

Сон мгновенно пропал, Язон выбрался наружу из-под шкур, которыми укрывался, и потряс Майкаха за плечо.

— Почему вы спите? — гневно спросил он.
— Вы должны быть на страже!

Майках открыл глаза и замигал.

— Я был на страже, но перед рассветом проснулся Снарби и предложил заменить меня. Я не мог отказать ему...

— Не могли отказать? Но ведь я говорил вам...

— Я не могу осудить невиновного человека и

тем самым присоединиться к вашим несправедливым действиям. Поэтому я и оставил его на страже.

— Не можете осудить?! — с гневом повторил Язон и забрал в руку волосы своей вновь отросшей бороды. — Тогда где же он?

Майках огляделся и увидел лишь Язона и проснувшуюся Анджейл.

— Не знаю... — произнес он.

В гневе Язон хотел ударить его, но понял, что нельзя терять время, и бросился к машине. Зажигание сработало с первого раза, под котлом вспыхнул огонь. Но когда Язон взглянул на индикатор, то обнаружил, что топлива нет совсем. Последний кувшин исчез.

— Это меняет наши планы, — сказал Язон после лихорадочных поисков.

Горючее исчезло вместе со Снарби, который хоть и боялся паровой машины, но понял, что она не может двигаться без этой жидкости. Опустошающее чувство смятения смирilo гнев Язона: он же знал, что ни в чем нельзя доверять Майкаxу! А тот невозмутимо жевал кусок холодного жареного мяса.

— Вас не беспокоит, что вы вновь обрекли всех нас на рабство? — Промолвил Язон.

— Я поступил правильно, у меня не было выбора. Мы должны жить как высокоморальные существа или снизойти до уровня животных.

— Но если вы живете среди людей, которые ведут себя как животные, как же вы выживете?

— Вы живете, как и они, Язон, — сказал Майках спокойно. — Извиваетесь, дрожите от страха и не можете избежать своей судьбы. А я живу, как подобает человеку с убеждениями, я знаю, в чем правда, и не позволю отвлечь себя ничтожными нуждами сегодняшнего дня. Тот, кто

живет так, может спокойно умереть.

— Так умрите спокойно! — воскликнул Язон и выхватил свой меч, но тут же отступил с угрюмой усмешкой. — Конечно, следовало бы вас проучить, но, я думаю, вы будете стоять на своем и перед смертью.

— Впервые мы с вами единомышленны, Язон. Я пытался открыть вам глаза, дать вам увидеть свет Правды, но вы отворачиваетесь. Вы игнорируете вечный закон ради потребностей дня, и именно поэтому вы погибли.

Сигнализатор в котле свистнул, но стрелка индикатора горючего стояла на нуле.

— Захвати немного еды, Айджейл, — сказал Язон, — и отойди подальше от машины. Горючее кончилось.

— Сейчас я все соберу, и мы убежим.

— Не нужно. Снарби знает эти места и все равно отыщет нас. Думаю, те, к кому он сбежал, уже идут сюда. Поэтому побережем энергию. Но они не получают мою усовершенствованную машину! — добавил он с внезапной страстью, хватая самострел. — Отойдите подальше. Они вновь превратят меня в раба из-за моих способностей, но изделие им не достанется. Если они захотят его иметь, пусть платят за это.

Язон тщательно прицелился, но лишь третья стрела пробила стенку котла. Раздался взрыв.

В отдалении послышались крики и лай собак. Поднявшись на пригорок, Язон увидел приближающуюся цепочку людей. С ними были собаки, рвавшиеся с привязи. Хотя люди шли уже несколько часов, двигались они быстро, как опытные бегуны.

Все были в тонкой кожаной одежде, каждый держал короткий пластинчатый лук и полный колчан стрел. Когда трое чужеземцев очутились в пределах досягаемости самострела, они остано-

лись, рассыпавшись полукругом.

Но Язон, Майках и Анджейл отложили самострелы и спокойно стояли у дымящихся обломков кароджа. К ним подбежал Снарби.

— Вы принадлежите...Хертугу Перссону...вы его рабы!.. Что случилось с кароджем? — выкрикнул он, заметив дымящиеся обломки, и упал с распростертыми руками. Очевидно, ценность рабов резко падала с утратой машины. Он пополз к обломкам, и, так как никто из солдат не захотел помочь ему, собрал все, что мог найти из инструментов и приспособлений Язона.

Когда он связал их, и солдаты убедились, что с ним ничего не случилось, они неохотно согласились нести связки. Один из солдат, одетый так же, как и остальные, очевидно, был старшим, и, когда он приказал возвращаться, все сомкнулись вокруг пленников и концами луков заставили их встать.

— Иду, иду, — сказал Язон, дөгрызая кость, — но сначала я позавтракаю. Я вижу бесконечную вереницу ожидающих креподжей. Поэтому, прежде чем стать рабом, вдоволь поем.

Стоявший рядом с ним солдат растерянно повернулся к командиру.

— Кто это? — спросил он Снарби, указывая на все еще сидящего Язона. — Я могу убить его?

— Нет! — выкрикнул Снарби и протянул испачканный кусок чего-то белого. — Он построил эту дьявольскую машину и знает все ее секреты. Хертуг Перссон пыткой заставит его снова построить такую.

Язон вытер руки о траву и неохотно поднялся.

— Ну ладно, джентльмены, я иду. И, пока мы идем, может быть, кто-нибудь расскажет мне, кто такой Хертуг Перссон, и что нас еще ожидает?

— Я расскажу, — согласился Снарби, когда

они выступили. — Он Хертуг Перссон. Я сражался за Перссонов, они знают меня и верят мне. Перссоны очень влиятельны в Аппсале и знают множество секретов, но они не так сильны, как Троззеллинги, которые владеют секретами кароджей и джетило. Я знаю, что могу просить любую награду у Перссонов, если предоставляю им секрет кароджа... И я сделаю это. — Он придвинул свое лицо со свирепой гримасой к Язону. — Ты расскажешь им секрет. Я сам буду пытаться тебя, пока ты не расскажешь.

Язон подставил ногу, и предатель растянулся на траве. Никто из солдат не обратил на это никакого внимания. Когда они прошли, Снарби поднялся и с проклятиями двинулся следом. У Язона было о чем подумать.

Глава одиннадцатая

С окружающих холмов Аппсала выглядела как сгоревший город, который медленно моют в море. Только когда они подошли ближе, стало ясно, что дым и копоть исходят от многочисленных дымовых труб, больших и малых, усеивающих все здания, и что город начинается на берегу и покрывает множество островов, между которыми находятся мелкие лагуны. Большие морские корабли стояли у прилегающей к морю окраины, а по многочисленным каналам плавали маленькие суденышки.

Язон тщетно выискивал очертания космопорта или любые другие признаки межзвездной культуры, но ничего такого не увидел.

Парусный корабль был пришвартован к краю каменного причала, очевидно, ожидая их.

Пленникам связали руки и ноги и бросили в трюм. Язон вертелся на месте, пока ему

не удалось прижаться к щели в борту между двумя плохо пригнанными досками. Чтобы приободрить товарищей, он стал описывать путешествие.

— Перед нами открывается древний романтический город Аппсала, известный отвратительными обычаями, жестокими туземцами и полным отсутствием санитарии. Об этом свидетельствует канал, по которому плывет наш корабль — это скорее сточная канава. По обе стороны расположены острова, меньшие из них покрыты лачугами, такими дряхлыми и грязными, что звериная нора кажется по сравнению с ними дворцом. В городе не может быть такого количества крепостей, поэтому я считаю, что каждая из них представляет собой укрепленное здание одного из племен, групп, или кланов, о которых нам говорил наш друг Иуда. Взгляните на эти памятники крайнего эгоизма и страха: это конечный продукт системы, которая начинается с рабовладельца типа Чаки, с его толпой собирателей креподжей, и достигает зенита прочности за этими крепкими стенами. По-прежнему всюду абсолютная власть одного над другими, каждый в войне со всем миром, и единственная дорога наверх — по трупам своих соотечественников.

Все технические открытия и изобретения считаются секретными и используются в личных целях. Никогда я не видел человеческой жадности и эгоизма такого размера и восхищен способностью Гомо Сапиенса придерживаться идеи, как бы жестока и порочна она ни была.

В этот момент корабль резко повернулся, и Язон скатился в вонючую трюмную воду.

— Падение человека... — пробормотал он, вновь выбираясь наверх.

Борт ударился о сваи, корабль остановился. Люк наверху открыли и трех пленников вы-

волокли на палубу.

Корабль находился в закрытом доке, окруженном зданиями и высокими стенами. Больше они ничего не успели разглядеть; их втокнули в одну из дверей, и через множество залов и коридоров, мимо многочисленных охранников провели в большой центральный зал.

На помосте в углу стоял большой ржавый железный трон. Человек на троне, несомненно, Хертуг Перссон, обладал великолепной белой бородой и волосами до плеч, у него был большой нос округлой формы, маленькие и красные глаза.

— Скажите, — вдруг закричал Хертуг Перссон, — почему вы до сих пор еще не убиты?

— Мы твои рабы, Хертуг, мы твои рабы, — хором ответили все находившиеся в зале, размахивая руками. Первый раз Язон пропустил, но во второй присоединился к хору. Только Майках промолчал, а когда выражение вассальной верности кончилось, прозвучал его одинокий голос.

— Я не раб человека.

Командир солдат взмахнул рукой, конец его лука описал дугу, закончившуюся на голове Майкаха. Тот упал.

— У тебя новые рабы, о Хертуг, — сказал командир.

— Кто из них знает секреты кароджа? — спросил Хертуг, и Снарби указал на Язона.

— Вот он, о могучий. Он может сделать кародж. Я знаю это, потому что видел его работу. Он также делает огненные шары, которые сожгли дзертаподжей. Я привел его к тебе, чтобы он стал твоим рабом и строил кароджи для Перссонов. Вот обломки кароджа, на котором мы ехали. Тот кародж съел всю свою силу, сжег сам себя. — И Снарби положил на пол перед Хертугом инструменты и обгоревшие обломки.

Хертуг презрительно скривил губы.

— Разве это доказательство? — спросил он и повернулся к Язону. — Эти вещи ничего не значат. Как ты докажешь мне, раб, что умеешь делать то, о чем он говорит?

Язон хотел отказаться от всех своих знаний: это было бы хорошим наказанием для Снарби, но тут же отбросил эту мысль. Главным образом, из-за последствий, к которым мог привести его отказ. Язон ничего не знал о местных пытках и не хотел узнавать.

— Доказать легко, Хертуг всех Перссонов. Я знаю все обо всем. Я могу соорудить машины, которые ходят, бегают, говорят, летают, плавают.

— Ты построишь для меня кародж?

— Это легко сделать, если найдутся подходящие инструменты. Но сначала я должен узнать специальность вашего клана, если ты понимаешь, о чем я говорю. Троззеллинги делают кароджи, а жертаподжи качают нефтяную жидкость. Что делают твои люди?

— Если ты знаешь то, о чем говоришь, то не можешь не знать славы Перссонов.

— Я прибыл из далекой земли, а новости туда доходят медленно.

— Но не о Перссонах, — гордо сказал Хертуг и ткнул себя пальцем в грудь. — Мы можем говорить со всей страной и всегда знаем, где наши враги. Мы можем послать по проводам колдовство, которое убивает, зажигает стеклянные шары, выбивает меч из рук врага и вселяет ужас в его сердце.

— Похоже, что ваша компания владеет монополией на электричество. Рад слышать это. Если у вас есть какие-нибудь кузнечные приспособления...

— Замолчи, — приказал Хертуг. — Все вон, кроме скулоджей. Новый раб тоже останется, — крикнул он, когда солдаты схватили

Язона.

Комната опустела, в ней остались лишь несколько человек. Все они были стары и носили на груди бронзовые украшения в виде солнца. Несомненно, это были посвященные в тайны электричества. В гневе потрясая оружием, они окружили Язона. Хертуг приказал ему продолжать.

— Ты использовал священное слово. Кто рассказал тебе об этом? Говори быстро, или будешь убит.

— Разве я не говорил вам, что знаю все? Я могу построить кародж, а если мне дадут немного времени, усовершенствую ваши электрические работы.

— Ты знаешь, что находится за этим входом? — спросил Хертуг, указывая на закрытую и охраняемую дверь в противоположном конце зала. — Этого ты не мог видеть. Если ты расскажешь, что там находится, я поверю, что ты действительно колдун, как утверждаешь.

— У меня такое странное чувство, будто я уже все испытал, — вздохнул Язон. — Ну ладно, там вы вырабатываете электричество, возможно, химическим путем, хотя это мало вероятно, потому что таким способом не получить достаточной силы тока. Скорее всего, у вас там генератор. Это большой магнит — кусок особого железа, которое может притягивать другое железо. Вы опутываете его проводами и вращаете каким-нибудь механизмом. Ты говоришь, что вы умеете разговаривать со всей страной. Готов поручиться, что вы не разговариваете, а лишь посылаете щелкания. И я прав, не так ли? — Топот ног и возбужденный гул голосов свидетельствовали о том, что он близок к истине. — У меня есть мысль — я устрою вам телефон. Вместо прежних щелчков, как вам понравится настоящий разговор с любым уголком

страны? Говорите в микрофон здесь, а ваш голос выходит из дальнего конца провода.

Маленькие свиные глазки Хертуга жадно сверкнули.

— Говорят, в прежние времена это умели делать. Мы пытались, но у нас ничего не вышло. Ты сможешь это сделать?

— Могу, если мы придем к определенному соглашению. И прежде чем давать обещания, я хотел бы осмотреть ваше оборудование.

Раздались крики о секретности, но в конце концов жадность победила табу, и дверь в святая святых раскрылась перед Язоном, а два скулоджа с обнаженными кинжалами наготове встали у него по бокам. Хертуг шел впереди, за ним Язон со своими семидесятилетними телохранителями, а следом спешили остальные скулоджи. Каждый из них кланялся и бормотал молитвы у священного порога, и Язон с трудом удержался от презрительного смеха.

В эту комнату сквозь дальнюю стену проходил вращающийся стержень. Его, несомненно, приводили в движение рабы. Он был связан системой ремней и шкивов с грубой и уродливой машиной, которая скрипела и дребезжала, заставляя дрожать пол под ногами.

Первый взгляд на машину поставил Язона в тупик, но потом он рассмотрел и понял, что это такое.

— Чего же еще можно было ожидать? — простонал он про себя. — Если есть две возможности сделать что-нибудь, эти люди обязательно выберут худшую из них.

Последний шкив, похожий на колесо телеги, был прикреплен к большому деревянному стволу, который вращался с высокой скоростью. Скорость падала, когда один из ремней соскакивал со своего места, и происходило это постоянно. Так случилось

и тогда, когда Язон осматривал установку, и он успел заметить железные кольца, усеянные меньшими V-образными кусками железа, укрепленными вдоль всего ствола. Под сводом была укреплена клетка из множества перепутанных проводов. Все это напоминало иллюстрацию к книге «Первые шаги электричества».

— Разве твоя душа не трепещет в страхе перед этими чудесами? — спросил Хертуг, заметив отвисшую челюсть и остекленевшие глаза Язона.

— Да, она трепещет, — ответил Язон, — но лишь от боли при виде этой коллекции механических глупостей и несообразностей.

— Святотатство! — воскликнул Хертуг. — Убейте его!

— Минутку! — сказал Язон, крепко хватая за руки державших кинжалы двух ближних скулоджей и защищаясь их телами от клинков остальных. — Довольно недоразумений. Это великий генератор, — седьмое чудо света, — самое удивительное в нем то, что он все же производит электричество. Грандиозное изобретение, на столетие опередившее свое время. Но с некоторыми усовершенствованиями оно сможет производить гораздо больше электричества при гораздо меньших затратах труда. Вы, вероятно, знаете, что электрический ток возникает в проводах, когда сквозь них движется магнитное поле?

— Я не намерен обсуждать технологические проблемы с неверующими, — холодно ответил Хертуг.

— Технология или наука, называйте как хотите, — ответ будет один и тот же.

Язон слегка напряг свои прошедшие пиррянскую подготовку мускулы, старики вскрикнули и кинжалы выпали из их рук. Остальные же скулоджи, казалось, не слишком стремились продолжать нападение.

— Но как же вы не додумались, что гораздо легче получать электрический ток, перемещая в магнитном поле провода? На производство тока той же силы затратится в десять раз меньше работы.

— Мы всегда поступали так, как было хорошо для наших предков...

— Да, да, я знаю, не нужно цитировать до конца, я уже слышал нечто подобное на этой планете.

Вооруженные скулоджи снова начали приближаться к нему.

— Послушай, Хертуг, ты действительно хочешь, чтобы меня убили? Пусть твои парни знают.

— Не нужно его убивать, — сказал Хертуг после короткого размышления. — То, что он говорит, может оказаться правдой. Он может помочь нам в управлении нашими священными машинами.

Угроза отодвинулась, и Язон принялся осматривать большое и неуклюжее устройство, находившееся в дальнем конце помещения, на этот раз воздерживаясь от оценки.

— Я думаю, что это святое чудо — ваш священный телеграф.

— Правильно, — благоговейно ответил Хертуг.

Медные провода свисали с потолка и оканчивались неуклюже обмотанным электромагнитом, рядом с которым располагался железный стержень маятника. Когда ток проходил через электромагнит, он притягивал стержень. Когда ток прекращался, маятник возвращался в прежнее положение.

Острое металлическое перо было прикреплено к концу маятника. Кончик пера касался покрытой воском длинной медной полосы.

Пока Язон наблюдал, скрипучий механизм ожил. Электромагнит зажужжал, маятник качнулся, игла пробежала по восковому покрытию, веревка,

привязанная к середине медной полосы, потянула ее вперед. Дежурный скулодж стоял наготове с другой покрытой воском полосой и ждал, пока закончится первая.

Рядом полосы, содержащие послания, окунали в красную краску. Она сбегала с восковой поверхности, но задерживалась в царапинах. Извилистая линия появилась по всей длине полосы с V-образными отклонениями там, где игла отклонялась от прямого направления. Полосу отнесли на стол, где кодированное сообщение скопировали на грифельную доску. Все вместе это было медленным, громоздким, неуклюжим способом передачи информации. Язон потер руки.

— О, Хертуг всех Перссонов! — заявил он. — Я осмотрел все ваши священные чудеса и переполнился ужасом. Конечно, простой смертный не в силах улучшить то, что сделали боги, во всяком случае, сейчас, но в моих силах раскрыть вам некоторые другие секреты электричества, которые вручили мне боги.

— Какие? — спросил Хертуг, и глаза его сузились.

— Ну, например, — как же это сказать на эсперанто? — такие, как аккумуляторы. Ты знаешь, что это такое?

— Это слово упоминается в одной из самых старых священных книг, но мы не знаем, что оно обозначает.

— Тогда готовьтесь добавить к этой книге новую страницу: я собираюсь изготовить лейденскую банку и сообщить вам все инструкции по ее изготовлению. Это способ запасть электричество в бутылке подобно воде. Позже мы сможем изготовить более сложные батареи.

— Если ты сможешь сделать все эти вещи, ты будешь щедро вознагражден. Если же нет, ты...

— Не нужно угроз, Хертуг, они ничего не изменят. И не нужно пока никаких наград, я просто представлю тебе образец моего искусства. Потом, если тебе понравится то, что я сделаю, и ты захочешь большего, мы заключим договор. Согласен?

— Я обдумаю твои условия, — сказал Хертуг.

— Скажи просто «да». Ведь в этом случае ты ничего не теряешь.

— Твои товарищи останутся заложниками, и если ты ошибешься, они умрут.

— Отличная мысль. А если вы найдете подходящую тяжелую работу для раба по имени Майках, будет еще лучше. Но мне нужны некоторые особые материалы, которых здесь я не видел. Стеклянная банка с широким горлышком и запас олова.

— Олова? Я не знаю, что это.

— Знаешь. Белый металл, который вы смешиваете с медью, выплавляя бронзу.

— Стано. У нас его очень много.

— Пусть принесут сюда, и я начну работу.

Перссоны сами не выдували стекло, а покупали готовые изделия у Битристов — изготовление стекла было секретом их клана. Эти стеклодувы изготавливали бутылки нескольких видов, стеклянные пуговицы, стаканы для питья, тарелки и с полдюжины других вещей. Ни одна из этих бутылок не годилась, а предложение Язона изготовить сосуд по его указаниям привело их в ужас.

Однако испуг их прошел, когда им предложили щедрую плату, и, получив глиняную модель, сделанную Язоном, они неохотно согласились изготовить такую банку.

Хертуг угрюмо хмурился, но в конце концов принес требуемое количество золотых монет, низанных на проволоку.

— Твоя смерть будет ужасной, — сказал он

Язону, — если аккумуляторы не будут действовать.

— Будь спокоен, — уверил его Язон и вернулся к рабочим, которые молотами расплющивали олово в тонкие листы.

Язон не видел ни Майкаха, ни Анджейл с того момента, как их ввели в крепость Перссонов, но он не беспокоился за них. Анджейл привыкла к рабской жизни и не будет испытывать никакого беспокойства, пока Хертуг проверяет его познания. Майках, напротив, не привык быть рабом, и Язон лелеял надежду, что это обстоятельство вызовет много осложнений в жизни его компаньона. После недавних событий его резервуар доброй воли по отношению к Майкаху окончательно иссяк.

— Принесли банку, — объявил Хертуг. Он и все скулоджи собрались вокруг, подозрительно переглядываясь, пока разматывали упаковку банки.

— Не так плохо, — сказал Язон, поднеся ее к свету, чтобы проверить толщину стенок. — Если не считать того, что она в четыре раза больше модели.

— За большую цену — большая банка, — сказал Хертуг. — Это справедливо. Чем ты недоволен? Ты боишься, что она не будет работать?

— Я ничего не боюсь. Просто можно было ограничиться и размером модели. Лейденская банка такого размера может быть опасной.

Не обращая внимания на зрителей, Язон покрыл банку снаружи и изнутри шероховатым листом, доведя покрытие до двух третей высоты от дна. Затем он вырезал пробку из гуми, резиноподобного материала с хорошими изолирующими свойствами и просверлил в ней отверстие. Удивленные Перссоны следили за тем, как он просунул в отверстие железный стержень и прикрепил к его длинному концу короткую железную цепочку, а к короткому — железный шар.

— Готово! — объявил он.

— Но будет ли оно действовать? — спросил заинтересованный Хертуг.

— Показываю, — сказал Язон и закрыл широкое отверстие банки пробкой так, что цепочка оказалась ниже оловянного покрытия. Он указал на шар на вершине стержня:

— Это мы присоединим к отрицательному полюсу вашего генератора, электричество по стержню и цепочке пойдет вниз и соберется в оловянной оболочке. Генератор будет работать, пока банка не наполнится, а затем мы разъединим их. Банка удержит электрический заряд, и мы его используем, чтобы зажечь лампу. Понятно?

— Глупость! — прошамкал один из старейших скулоджей и подтвердил свою мысль, покрутив пальцем у виска.

— Подожди и увидишь, — сказал Язон со спокойствием, которого на самом деле не испытывал. Он построил лейденскую банку, руководствуясь смутными воспоминаниями об иллюстрации в учебнике, который изучал в юности. Никаких гарантий, что она будет действовать, не было. Он заземлил положительный полюс генератора, затем проделал то же самое с внешним покрытием банки, от нее проведя провод в щель среди покрывавших пол плит и воткнул его во влажную землю.

— Пусть вертят генератор! — крикнул он и отступил, сложа руки на груди.

Генератор со скрипом завертелся, ничего видимого не произошло. Так продолжалось минут пять, поскольку Язон понятия не имел, когда банка зарядится. Когда недовольные возгласы скулоджей стали громкими, он выступил вперед и отсоединил банку легким ударом сухой палки.

— Остановите генератор, работа сделана. Аккумулятор заполнен до краев священной силой электричества. — Он пододвинул демонстрационный

прибор, который сам подготовил: ряд грубых ламп накаливания соединенных параллельно. В лейденской банке должно было хватить электричества, чтобы преодолеть сопротивление в угольных нитях и раскалить их..

— Святотатство! — прокрипел тот самый скулодж, выступая вперед. — В священном писании сказано, что святая сила течет лишь тогда, когда есть соединение, а если соединения нет, то святая сила не может действовать. Однако, этот чужеземец осмеливается говорить нам, что святая сила заключена в этом сосуде, хотя он не соединен проводом. Ложь и святотатство!

— Не нужно этого делать... — сказал Язон старику, который указывал теперь на шар на вершине стержня.

— Здесь нет никакой силы, тут не может быть силы... — его голос внезапно оборвался, когда палец был в дюйме от шара. Толстая голубая искра ударила его в кончик пальца, скулодж хрипло вскрикнул и упал на пол. Один из стоящих рядом наклонился, осмотрел упавшего и испуганно взглянул на банку.

— Он мертв, — выговорил он.

— Он не может жаловаться, что я его не предупреждал, — сказал Язон и решил усилить впечатление, так как ему везло. — Он же святотатствовал! — крикнул Язон и старики испуганно отпрянули. — Святая сила собралась в банке, он усомнился в этом, и святая сила убила его. Не сомневайтесь же больше или вы все разделите его судьбу! Наша задача, как скулоджей, — добавил он, решив заявить, что больше не считает себя рабом, — использовать силу электричества для славы Хертуга. Пусть этот будет последним сомневающимся, забудем о нем.

Они испуганно смотрели на распростертое тело.

— Святая сила может убивать, — сказал Хер-

тук, улыбаясь при виде трупа и потирая руки. — Это удивительная новость. Я знал, что она может ударить и обжечь, но о такой возможности я не думал. Наши враги будут трепетать перед нами.

— Без сомнения, — сказал Язон, решив ковать железо, пока горячо, и отодвинул демонстрационный прибор с лампами. — А ведь можно сделать еще многое другое. Электрический мотор, поднимающий и опускающий грузы, свет, превращающий ночь в день. Я открою тебе способ покрывать предметы тонкой металлической оболочкой. Ты можешь получить все это, Хертук.

— Начинай немедленно делать.

— Немедленно, как только мы заключим контракт.

— Мне не нравится, как это звучит.

— Тебе понравится, когда ты узнаешь кое-что еще. — Язон наклонился и прошептал Хертугу на ухо. — Что скажешь о машине, способной разрушать стены крепостей твоих врагов? Ты сможешь всех победить и овладеть их секретами.

— Очистить комнату, — приказал Хертук, и когда они остались вдвоем, взглянул загоревшимися красными глазами на Язона. — А что это за контракт, о котором ты упомянул?

— Свобода для меня и пост твоего личного советника, рабы, драгоценности, женщины, хорошая пища и вообще все, что в таких случаях полагается. В обмен я построю тебе все то, что обещал, и многое другое. Нет ничего, что бы я не мог сделать! И все это будет твоим!

— Я уничтожу их всех, я буду править Ап-псалою!

— Что-то вроде этого я и имел в виду. И чем лучше будет тебе, тем лучше будет мне. Я прошу лишь удобства и возможность работать над изобретениями. У меня нет честолюбия. Я буду

счастлив в своей лаборатории, а ты будешь править миром!

— Ты просишь многого!

— А даю еще больше. Вот что, дай мне день или два, и я создам механизм, который окончательно убедит тебя.

Язон помнил искру, убившую старика, и это рождало надежду. Должен существовать способ вырваться с этой планеты.

Глава двенадцатая

— Когда закончишь? — спросил Хертуг, указывая на детали, разбросанные на столе Язона.

— Завтра утром, хотя я работал всю ночь, о Хертуг! Но еще до того, как я закончу, я хочу передать тебе свой дар — усовершенствование вашей телеграфной системы.

— Она не нуждается в усовершенствовании, она такая же, как в дни наших предков...

— Я ничего не меняю, предки знали лучше, я согласен. Всего лишь несколько усовершенствований в передаче сигналов. Посмотри сюда, — он взял одну из металлических полос с процарапанными восковыми покрытиями. — Ты можешь прочесть, что тут написано?

— Конечно, но это потребует усиленной работы мысли: ведь это дивное чудо...

— Не такое дивное, если я с одного лишь взгляда понял его.

— Ты святотатствуешь!

— Вовсе нет. Смотри, это «В», не правда ли? Два колебания магнитного маятника?

Хертуг посчитал по пальцам.

— Верно, это «В». Как ты узнал?

Язон скрыл свое презрение.

— Конечно, было трудно догадаться, но для

меня все тайны — открытая книга. «В» — вторая буква алфавита, и она обозначается двумя чертами. «С» — третья, это все еще легко; но когда доходит до «Н», требуется двадцать шесть колебаний маятника и ударов передающего ключа; а это — бессмысленная трата времени. Все, что нужно сделать, это слегка изменить систему сигналов и пользоваться двумя различными сигналами — будем оригинальными и назовем один из них точкой, а другой — тире. Теперь, используя эти два сигнала, мы можем записать все буквы алфавита, используя максимум четыре импульса. Понятно?

— В голове шумит, мне трудно следить.

— Тогда выпиши. К утру мое изобретение будет закончено, и я продемонстрирую новый код.

Хертуг ушел, что-то бормоча про себя, а Язон положил последнюю обмотку на новый генератор.

— Как ты это называешь? — спросил Хертуг Язона, рассматривая утром стоящий на столе богато украшенный деревянный ящик.

— Это «Создатель славы Хертуга». Его нужно поставить в церкви, и все прихожане будут платить за право возгласить тебе хвалу. Наблюдай. Я — послушный прихожанин, входящий в храм. Я плачу деньги жрецам и поворачиваю ручку вот здесь, сбоку. — Он начал быстро вертеть ручку, и ящик наполнился шумом и усиливающимся воем. — Смотри сюда. — Язон указал на крышку ящика, где были укреплены два металлических стержня, заканчивающиеся медными шарами. Хертуг раскрыл от изумления рот и отпрянул, когда между шарами проскочила голубая искра.

— Это произведет впечатление на верующих, — сказал Язон. — Теперь следи за искрами, заметь их последовательность. Вначале — три коротких искры, затем три длинных, потом снова три коротких. — Он перестал крутить рукоятку

и протянул Хертугу исписанный лист пергамента — несколько искаженную версию обычного межзвездного кода. — Смотри. Три точки означают «Н», а три тире — «А». Поэтому, пока ручка вертится, машина посылает сигнал «НАН» — да здравствует Хертуг! Жрецы будут все время заняты, забудут свои интриги, а для твоих верных подданных это будет просто развлечением. И в то же время машина электрическим голосом посылает тебе хвалу, снова и снова, днем и ночью.

Хертуг повертел ручку и загоревшимися глазами смотрел на искры.

— Это будет установлено в церкви завтра же. Но прежде на ящике нужно изобразить священный герб... Из золота...

— И драгоценных камней... чем богаче, тем лучше. Люди не захотят платить, если этот прибор не будет выглядеть впечатляюще.

Язон радостно слушал треск искр. Они могли означать и «НАН», но для любого космического корабля это был сигнал «SOS». Любой корабль с приличным приемником при входе в атмосферу планеты немедленно уловил бы посылаемые в широчайшем диапазоне искровые сигналы. Если бы у него был приемник, он бы, может быть, уже услышал их вопросы, но дело не в этом. Через несколько мгновений он услышит рев их посадочных двигателей, и они приземлятся в Аппсале...

Ничего не случилось. Язон неохотно отказался от мечты о немедленном освобождении, так как первый сигнал SOS он послал двенадцать часов тому назад. Теперь лучшее, что он мог сделать — это комфортабельно устроиться и ждать прихода корабля.

Он не позволял себе думать о том, что, возможно, ни один корабль не завернет на эту захолустную планету при его жизни.

— Я обдумал твои просьбы, — сказал Хертуг,

неохотно отодвигаясь от искрового передатчика. — Ты получишь личные помещения, одного-двух рабов, достаточно пищи, по святым дням — вино и пиво.

— И ничего крепче?

— Попробуй и узнаешь, что вина Перссонов с полей на склонах горы Мальвигло известны своей крепостью.

— Они станут еще крепче, когда я пропущу их через перегонный куб. Я вижу множество мелких усовершенствований, которые можно будет сделать, пока я здесь. Я даже собираюсь изобрести ватерклозет, пока не заработал ревматизм из дыр в ваших примитивных уборных. Много можно сделать, но прежде всего составим список аппаратов, и начнем его станком для изготовления денег. Кое-что из того, что я собираюсь изготовить для твоей славы, дороговато, поэтому лучше заранее запастись деньгами. Надеюсь, у тебя нет никаких религиозных запретов против богатства?

— Нет, — с готовностью ответил Хертуг.

— На этом пока закончим. С разрешения твоего могущества я пойду на свою новую квартиру и посплю, после чего подготовлю список проектов.

— Иди. Но не забудь эту штуку, которая делает деньги.

— В начале списка..

Хотя Язон был раскован и у него была священная мастерская, его сопровождали четыре телохранителя: они все время были с ним рядом и ходили по пятам везде, куда бы он ни отправился, дыша ему в затылок запахом креподжей.

— Ты знаешь, где моя новая квартира? — спросил Язон у командира охранников, угрюмого грубияна по имени Бенит.

— Хм, — сказал Бенит и углубился в коридоры крепости Перссонов. Вверх по извилистой

каменной лестнице, которая вела на верхние этажи, затем вниз в темный зал к единственной двери, где стоял еще один охранник. Бенит отпер дверь тяжелым ключом, сняв его с пояса.

— Вот, — сказал Бенит, ткнув пальцем с черным ногтем.

— Полно рабов, — сказал Язон, — заглядывая внутрь и видя Майкаха и Анджейл, прикованных к стене. — От них будет мало пользы, если они используются в качестве украшений. Есть у тебя ключ?

С той же грацией Бенит вытащил из кармана меньший ключ и протянул его Язону, затем закрыл за собой дверь.

— Я знала: ты сделаешь так, что они не причинят тебе вреда, — сказала Анджейл, когда Язон снимал с нее тяжелый ошейник. — Я только немного боялась.

Майках сохранял каменное молчание, пока Язон вместе с Айджейл не начал осмотр помещения.

— Вы забыли освободить меня от цепи.

— Я рад, что вы заметили это, — сказал Язон. — Значит мне не нужно обращать на это ваше внимание. Можете ли вы указать лучший способ избавления от беспокойств?

— Вы меня оскорбляете!

— Я говорю правду. Из-за вас я потерял свою постоянную работу у дзертаподжей и вновь стал рабом. Убежав, я захватил вас с собой, а вы отплатили за мое великодушие весьма своеобразно, позволив Снарби предать нас.

— Я поступал так, как считал справедливым.

— Вы ошибались.

— Вы мстительный и мелочный человек, Язон дин Альт!

— Вы совершенно правы. И поэтому останетесь прикованным к стене.

Язон взял Анджейл за руку и повел осматривать помещения.

— По последней моде вход ведет сразу в главную комнату, обставленную грубо сработанной мебелью; стены покрыты многочисленными разновидностями прекрасной плесени. Очень хорошее место для изготовления сыра, но для человека непригодно. Оставим тут Майкаха. — Он открыл внутреннюю дверь. — Это нравится мне больше, выходит на юг, виден большой канал, достаточно света. Окна, забранные лучшим разбитым рогом, пропускающим и свет, и свежий воздух. Придется вводить оконное стекло. А вот и наш очаг, где мы можем развести огонь.

— Креподжи! — воскликнула Анджейл, торопливо подбежав к корзине в стенной нише. Язон содрогнулся. Она принялась, перебирая корни. — Не слишком старые — десять, может быть, пятнадцать дней... Хорошо для супа.

— Именно по нему томится мой старый живот, — без энтузиазма сказал Язон.

Майках взревел в соседней комнате. Язон разжег огонь, а потом пошел посмотреть, чего тот хочет.

— Это преступление! — заявил Майках, гремя цепями.

— Я преступник! — Язон повернулся к двери.

— Подождите! Вы не можете меня так оставить. Мы ведь цивилизованные люди. Освободите меня, и я дам вам слово, что не причиню больше никаких беспокойств.

— Это очень похвально с вашей стороны, Майках, старина, но все дело в том, что моя душа утратила всякое доверие к вам. Я приспособился к местному этносу и теперь верю вам лишь до тех пор, пока вижу. Для вас и этого уже слишком много. Сейчас вы сможете найти другое место для своего рева.

Язон отцепил цепь, соединяющую железный ошейник Майкаха со стеной, и отвернулся.

— Вы забыли ошейник, — сказал Майках.

— Неужели? — ответил Язон, и его улыбка была скорее жестокой, чем юмористической. — Я не забыл, как вы предали меня Эдилону, и не забыл об этом ошейнике. Пока вы остаетесь рабом, вы не сможете вновь предать меня. Поэтому вы останетесь рабом.

В голосе Майкаха прозвучала холодная ярость:

— Следовало ожидать этого от вас. Вы собака, а не цивилизованный человек. Я не дам вам слово и не буду ни в чем помогать вам; я стыжусь своей слабости и того, что предлагал вам. Вы зло, а моя жизнь посвящена борьбе со злом — поэтому я буду бороться с вами.

Язон поднял руку для удара, потом опустил ее и засмеялся.

— Вы никогда не перестанете удивлять меня, Майках. Кажется невозможным, чтобы человек был настолько нечувствительным к логике, фактам, реальности и тому, что называется здравым смыслом. Я рад, что вы признали, что будете бороться со мной, это позволит мне лучше защищать свою спину. А чтобы вы не забыли свои слова, я буду обращаться с вами, как с рабом. Берите этот каменный кувшин, стучите в эту дверь и отправляйтесь за водой, как это делают рабы. — Он повернулся, все еще кипя гневом, вышел из комнаты и постарался с энтузиазмом отнестись к еде, которую приготовила Анджейл.

Насытившись, Язон удобно расположился у камина, грея ноги. Анджейл сидела рядом с ним, неуклюже и медленно сшивая большой железной иглой шкуры, из другой комнаты доносился гневный звон. Было поздно, Язон устал, но он обещал Хертугу сделать список всевозможных чудес и хотел закончить его до сна. Когда звякнули замки,

он удивленно посмотрел на дверь. Появился Бенит в сопровождении солдата с факелом.

— Идем, — сказал Бенит.

— Куда и зачем? — спросил Язон.

— Идем, — повторил Бенит тем же неприятным тоном и вытащил из-за пояса короткий нож.

— Я начинаю тебя ненавидеть, — сказал Язон, неохотно вставая на ноги. Он отбросил шкуры, в которые кутался, и пошел к выходу мимо скорчившегося Майкаха. Охранника у двери не было, а в стороне, едва заметное в свете факела, виднелось какое-то темное пятно. Где же охранник?

Язон хотел повернуться, но дверь за ним захлопнулась, а острие меча Бенита проткнуло одежду и коснулось спины.

— Если пошевелинешься или заговоришь — умрешь, — прозвучал голос Бенита.

Язон решил подчиниться. Не то, чтобы эта угроза обеспокоила его, он был уверен, что сумеет обезоружить Бенита и добраться до второго солдата, прежде чем тот извлечет нож. Нет, Язона заинтересовало, что же это происходит? У него возникло подозрение, что происходящее неизвестно Хертугу, и он решил выяснить, к чему все это приведет.

Он немедленно пожалел о принятом решении. В рот сунули вонючий кляп, связали руки. Бок неприятно щекотало острое лезвие. Сопrotивляться было бесполезно, пришлось покорно следовать куда укажут. Они вышли на плоскую крышу здания. Солдат погасил факел.

Холодный мокрый снег осыпал их. Они скользили по черепице. Парапет был невидим во тьме. Язон споткнулся об него и свалился бы с крыши, если б его не поддержал солдат. Работая быстро и молча, Бенит и солдат обвязали его веревкой

и спустили с крыши. Язон слал проклятия из-под кляпа, ударяясь о грубый внешний фасад здания.

Эта сторона крепости Перссонов обрывалась в канал, и Язон висел над ним, погрузившись по пояс в воду. В темноте вырисовывались едва заметные очертания лодки. Грубые руки подхватили его; когда спустились похитители, скрипнули уключины, и лодка двинулась. Не было никакой тревоги.

Люди в лодке не обращали на Язона никакого внимания, они наступали на него, пока он не откатился в сторону. Он почти ничего не видел. Потом появились факелы, их свет озарил свод ворот, таких же, как в крепости Перссонов.

Мысль, что он похищен соперничающим кланом, не доставила Язону особого облегчения. Лодка остановилась, его выбросили из нее и тащили по влажным каменным плитам, пока он не увидел перед собой высокий ржавый железный портал. Бенит исчез, очевидно, отправился за свежими тридцатью серебряниками, а новые охранники были молчаливы, как могилы.

Они развязали его, вытащили изо рта кляп, провели через железную дверь и бесшумно закрыли ее за собой. Он оказался лицом к лицу с ужасами комнаты, которые должны были оледенить его кровь.

Язон холодно засмеялся и огляделся в поисках стула. Ничего подходящего он не увидел, поэтому снял со стола коптящую лампу — она была сделана в форме змеи с пламенем вместо жала — и поставил ее на пол. Потом сел на стол и принялся презрительно рассматривать стоящие перед ним ужасы.

— Встань, смертный! Сидеть перед Мастрегулами — означает смерть! — сказала центральная фигура.

Их было семь, сидящих на высоком помосте,

одетых в балахоны, опиравшихся на метровой длины широкие мечи. На всех были страшные маски. Лампы странной формы горели и чадили перед ними, а воздух был полон сернистого газа.

— Я сижу, — ответил Язон, усаживаясь еще удобнее. — Вы не стали бы похищать меня с целью убийства, и чем скорее вы поймете, что эти опереточные ужасы меня не пугают, тем быстрее мы перейдем к делу.

— Молчи! Смерть перед тобой!

— Экскременсо! — закричал Язон. — И ваши маски, и угрозы — того же качества, что и у пустынных рабовладельцев. Перейдем к фактам. До вас дошли слухи обо мне, они вас заинтересовали. Вы слышали об усовершенствованном кароудже, шпионы донесли вам об экзотическом устройстве в церкви, а может, и еще что-нибудь. Это звучало заманчиво, и вы захотели захватить меня. Для этого вы пустились на маленькую апсаланскую хитрость, заплатив кое-кому. И вот я здесь.

— Ты знаешь, с кем разговариваешь? — загремела маскированная фигура справа довольно дрожащим старческим голосом. Язон внимательно посмотрел на говорящего.

— Мастрегулы? Я слышал о вас. Вы считаетесь колдунами и волшебниками этого города, вы поджигаете воду, а дым при этом обжигает легкие. Я думаю, вы — местный эквивалент химиков, и хотя вас немного, вы держите в страхе остальные кланы.

— Ты знаешь, что здесь содержится? — спросил сидящий в центре человек, держа стеклянный шар с какой-то желтоватой жидкостью.

— Не знаю и не желаю знать.

— Здесь находится волшебная обжигающая вода, она прожжет тебя насквозь, если ты к ней прикоснешься.

— Кончайте, здесь всего лишь обычная кислота, скорее всего, серная, потому что остальные кислоты изготавливаются из серной, да к тому же всю эту комнату заполняет запах тухлых яиц.

Его слова, казалось, взорвали дом. Семь фигур вскочили и о чем-то забормotalи друг с другом. Воспользовавшись тем, что они отвлеклись, он встал и приблизился к ним. Ему надоела вся эта игра в волшебные науки, он плохо себя чувствовал после похищения, после того, как его связывали, спускали на веревке, окунали в воду. Эти Мастрегулы держали остальные кланы в страхе, но они были малочисленны для того, что задумал Язон. Он по многим причинам хотел вернуться к Перссонам.

Когда-то он читал в газетах о знаменитых побегах, и кое-что засело у него в голове. Его интерес к этому был вполне оправдан, так как он часто не сходилcя с полицией во взглядах на жизнь.

Язон твердо усвоил, что, чем скорее после ареста вы попытаетесь бежать, тем больше у вас шансов на успех. Так было и сейчас. Мастрегулы сделали ошибку, приведя его одного без стражи. Они так привыкли запугивать и приводить в ужас, что не позаботились об охране. По их голосам и поведению он понял, что ни одного молодого человека среди них не было, а тот, что стоял справа, был глубоким стариком. Язон видел, как дрожали руки, которыми он держал перед собой большой меч.

— Кто выдал секрет и священное название жидкости? — спросила центральная фигура. — Говори, шпион, или мы вырвем твой язык, пустим огонь тебе в кишки...

— Не делайте этого! — умолял Язон, наклоняясь и молитвенно протягивая вперед руки. — Все, что угодно, но только не это! Я

буду говорить! — Он все ближе придвигался к старику, стоявшему на правом краю помоста. — Правда в том, — я не могу больше скрывать ее, — что один из вас выдал мне священные секреты.

Он указал на старика справа, прыгнул и вырвал из его рук меч.

— Смерть неверующим! — закричал он и дернул черный занавес с изображениями черепов и чертей, закрывавший заднюю стену. Бросив полотно на сидящих, — они и вскочить не успели, — Язон метнулся в маленькую дверь, скрытую за занавесом. Рывком открыв ее, он прыгнул в освещенный коридор чуть ли не в руки двух охранников. Преимущество Язона — внезапность была на его стороне. Первый охранник упал, когда Язон ударил его мечом по голове плашмя. Второму Язон перебил руку. Пиррянская тренировка сослужила свою службу, он действовал быстрее и был сильнее. Это подтвердилось, когда он забежал за угол, направляясь к выходу, и наткнулся на Бенита, своего похитителя.

— Спасибо за то, что ты привел меня сюда, путешествие было приятным, — сказал Язон, отбивая удар меча Бенита. — Я знаю, что предательство — обычное занятие в Аппсале, а вот то, что ты убил одного из своих людей — нехорошо. — Его меч сверкнул, перерезав горло Бениту, почти отделив голову от туловища. Язон побежал дальше и напал на стражников у входа.

Он двигался, как можно быстрее. Объединившись, стражники легко его схватят или убьют, но была уже поздняя ночь, и охрана никак не ожидала такого яростного нападения с тыла. Один упал, другой отполз прочь, держась за раненую руку, и Язон всем телом повис на массивном бруссе, закрывавшем дверь. Краем глаза он заметил появившегося Мастрегула в маске.

— Умри! — вскричал тот и швырнул стеклянный шар в голову Язону.

— Спасибо, — ответил Язон, легко поймав шар свободной рукой и пряча его под одеждой.

Он раскрыл тяжелую дверь. Преследование еще только начиналось, когда он сбежал по скользким ступеням, прыгнул в ближайшую лодку, отрубил привязной канат и оттолкнулся веслом.

На пристани появились люди, слышались крики, засверкали факелы, затем все закрыл мокрый снег. Язон греб в темноте, угрюмо улыбаясь.

Глава тринадцатая

Он греб до тех пор, пока не согрелся, потом предоставил длинной лодке плыть по течению. Она ударялась о невидимые в темноте препятствия, затем повернула, входя в новый канал.

Когда стало ясно, что след его утеряли, он направился к ближайшему берегу и нашел место для причала. Лодка пропахала песок на берегу, он выпрыгнул и втащил лодку как можно выше. Забравшись в нее, Язон положил стеклянный шар подальше от себя на дно, чтобы случайно не разбить, и стал ждать рассвета. Он замерз, продрог, в довершение ко всему вновь пошел мокрый снег. Туманные очертания медленно выступали в полумраке — это были лодки, вытасченные на берег и привязанные цепями к столба. Дальше были видны маленькие квадратные домики.

Из одного дома вышел человек, но как только увидел Язона и его лодку, в испуге вскрикнул и исчез. Слышалась какая-то возня, голоса. Язон выпрыгнул на берег и сделал несколько выпадов мечом, чтобы размяться.

Человек десять неуверенно приближались к нему по берегу, размахивая дубинками и веслами.

— Уходи, оставь нас в мире, — сказал их предводитель, скрестив указательный палец и мизинец, чтобы отвести дурной глаз. — И возьми свою зловещую лодку, Мастрегул. Мы всего лишь бедные рыбаки...

— Я не больше вас люблю Мастрегулов, — ответил Язон, опираясь на меч.

— Но твоя лодка, вот знак.

Предводитель указал на резьбу на носу.

— Я украл ее у них.

Рыбаки застонали и отпрянули, некоторые убежали, другие опустились на колени для молитвы. Один замахнулся дубинкой, но Язон легко отразил удар мечом.

— Мы пропали! — воскликнул предводитель.

— Мастрегулы придут сюда, увидят лодку, обвинят нас и убьют. Забирай лодку и уходи.

— Что-то в твоих словах есть, — согласился Язон.

Лодка могла выдать его. Внимательно следя за рыбаками, Язон достал стеклянный шар, нажал плечом на нос и толкнул ее в воду. Подхваченная течением, она вскоре исчезла из виду.

— Эта проблема решена, — сказал Язон. — Теперь мне нужно вернуться в крепость Перссонов. Кто из вас доставит меня туда? — Рыбаки начали отступать, но Язон преградил дорогу предводителю. — Ну, как насчет этого?

— Я не смогу найти дорогу, — сказал рыбак, бледнея. — Туман, мокрый снег...

— Но тебе хорошо заплатят, как только мы прибудем туда. Назови свою цену.

Человек засмеялся и попытался ускользнуть.

— Ага, понимаю, — сказал Язон, преграждая ему дорогу мечом. — Кредит не в обычаях этого мира. — Он задумчиво посмотрел на меч и в первый раз заметил, что его богато украшенная рукоятка усеяна драгоценными камнями.

— Если ты найдешь нож, то мы сможем извлечь плату отсюда. Вот этот красный камень, по-видимому, рубин, и ты получишь его сразу, а этот зеленый — когда прибудем на место.

После недолгого спора Язон прибавил еще один красный камень. Алчность, как всегда бывает, победила страх, и рыбак пригнал маленькую, плохо склеенную лодку.

По лабиринту каналов они незамеченными добрались до расколотых каменных ступеней, ведущих к запертым воротам. Рыбак клялся, что это вход в крепость Перссонов.

Язон, привыкший к местным обычаям, сидел в лодке до тех пор, пока не появился охранник с гербом Перссонов на рукаве — изображением восходящего солнца. Рыбак очень удивился, получив сполна обещанную плату; он быстро начал грести обратно, что-то бормоча. Вызвали начальника охраны, меч у Язона отобрали, и повели его в приемный зал Хертуга.

— Предатель! — закричал Хертуг. — Ты убил моих людей и бежал, но теперь ты вновь в моих руках...

— Перестань, — раздраженно сказал Язон и оттолкнул стражников. — Я вернулся добровольно, а это кое-что значит даже в Аппсале. Меня похитили Матрегулы с помощью предателя из твоей охраны!

— Как его зовут?

— Бенит, но он умер, я сам видел это. Твой верный офицер продал тебя конкурентам. Они хотели, чтобы я работал на них, но я не согласился. Я не слишком высокого мнения об их оборудовании. Но кое-что прихватил с собой.

Язон вынул стеклянный шар с кислотой. Стражники отскочили от него, а Хертуг побледнел.

— Горячая вода! — воскликнул он.

— Вот именно. И поскольку у меня теперь

есть кислота, я смогу изготовить батареи, необходимые для дальнейших исследований. Я разозлен, Хертуг. Мне не нравится, когда меня похищают. Все в Аппсале меня раздражает, а у меня есть кое-какие планы на будущее. Отправь этих парней, мне нужно поговорить с тобой.

Хертуг нервно пожевал губами и взглянул на стражу.

— Ты вернулся назад, — сказал он, — но почему?

— Потому что я нуждаюсь в тебе не меньше, чем ты во мне. У тебя много людей, власть, деньги. У меня большие планы. Отправь стражу, я расскажу тебе, в чем они заключаются.

На столе стояла чашка с креподжами. Язон порылся в них, выбрал один посвежее и откусил. Хертуг размышлял.

— Ты пришел назад, — сказал он. Это казалось ему удивительным. — Давай поговорим.

— Наедине.

— Очистить помещение, — приказал Хертуг, но не забыл, однако, о предосторожности — положил перед собой заряженный самострел.

Язон не обратил на это никакого внимания — иного он и не ждал. Подошел к плохо застекленному окну и указал на островной город.

— Хочешь владеть всем этим, Хертуг?! — спросил Язон.

— Говори...

Крошечные глазки Хертуга сверкали.

— Я уже упоминал об этом, а сейчас говорю серьезно. Я открою тебе секреты всех остальных кланов на этой проклятой планете. Я покажу тебе, как дзертаподжи перегоняют нефть, как Мастрегулы получают серную кислоту, как Троззеллинги строят машины. Затем я усовершенствую ваше оружие и создам новое. Твои войска всегда будут побеждать. Ты станешь повелителем города,

потом и всей планеты. Богатейшие земли станут твоими. Ты будешь наслаждаться, повсюду посылая ужасную смерть врагам. Что скажешь?

— Супрен ла Перссоне! — закричал Хертуг, вскакивая.

— Я так и думал, что ты скажешь мне это. Видимо, на некоторое время придется тут задержаться, я хочу хорошенько встряхнуть вашу систему. Она очень неудачна, по-моему, пришло время ее изменить.

Глава четырнадцатая

Дни становились длиннее, мокрый снег сменился дождем. Последние тучи исчезли с неба, и солнце осветило Аппсалу. Почки на деревьях раскрылись, распустились цветы. Однако Язону некогда было замечать эти перемены: он упорно работал над своими изобретениями.

Сырье и производство были очень дороги, и когда счета поднимались слишком высоко, Хертуг начинал бормотать о старых добрых временах. Язону приходилось срочно изготавливать одно-два чуда.

Первым из них была электрическая дуга, вторым — электрическая печь, которую хорошо использовать для пыток. Случай представился быстро. Пленный Троззеллинг не выдержал пытки и рассказал все, что знал. Когда эта новость поблекла, Язон разработал гальванопластику, пополнив таким образом сокровищницу Хертуга. Для продажи стали изготавливать поддельные драгоценности.

С большими предосторожностями раскрыв стеклянный шар Мастрегулов, Язон с удовлетворением убедился, что там была серная кислота, и соорудил громоздкую, но мощную аккумуляторную батарею.

Мстя за свое похищения, он возглавил напа-

дение на баржу Мастрегулов и захватил большие запасы кислоты и других реактивов. Он хотел создать несколько разновидностей смертоносного оружия, но от большинства проектов отказался. Во многом благодаря предшествующему опыту, он больше преуспел в изготовлении кароджа и паровой машины. Кроме того, он построил легкий, но мощный пароход.

В свободные минуты он разрабатывал книгопечатание, телефон и громкоговоритель.

Для собственного удовольствия он смастерил в своей комнате самогонный аппарат, при помощи которого производил низкосортный, но крепкий бренди.

— Дела идут не так уж плохо, — говорил он, откинувшись в своем легком кресле и прихлебывая бренди.

Стоял теплый день. И хотя воздух был наполнен зловонными испарениями, поднимавшимися от канала, вечерний морской бриз нес в раскрытые окна прохладу и свежесть. Перед ним лежал отличный бифштекс, приготовленный в угольной печи собственного изготовления, с румяным креподжем в качестве гарнира и хлебом, испеченным из муки, смолотой на недавно построенной мельнице. Анджейл прибиралась на кухне, а Майках старательно протирал щеткой трубы самогонного аппарата, удаляя осадок.

— Не хотите ли присоединиться ко мне? — спросил Язон, преисполненный доброты к роду человеческому.

— Вино радует, крепкие напитки гnevят. Книга «Притчей Соломоновых», — ответил ему Майках в своем стиле.

— «Вино приносит радость в сердце человека». Псалмы. Я тоже читал кое-что. Но если вы не хотите разделить со мной дружескую чашу вина, то почему бы вам не выпить воды и не передохнуть?

— Я ваш раб, — мрачно сказал Майках, указывая на свой железный ошейник и продолжая работать.

— За это вы должны благодарить только себя. Если бы вы были благоразумней, я тут же вернул бы вам свободу. Почему бы мне не сделать этого сейчас? Только дайте слово, что вы не будете совать нос в мои дела и не станете заботиться о моих моральных устоях. У меня достаточно хорошие отношения с Хертугом.

Майках вновь притронулся к ошейнику и на мгновение задумался.

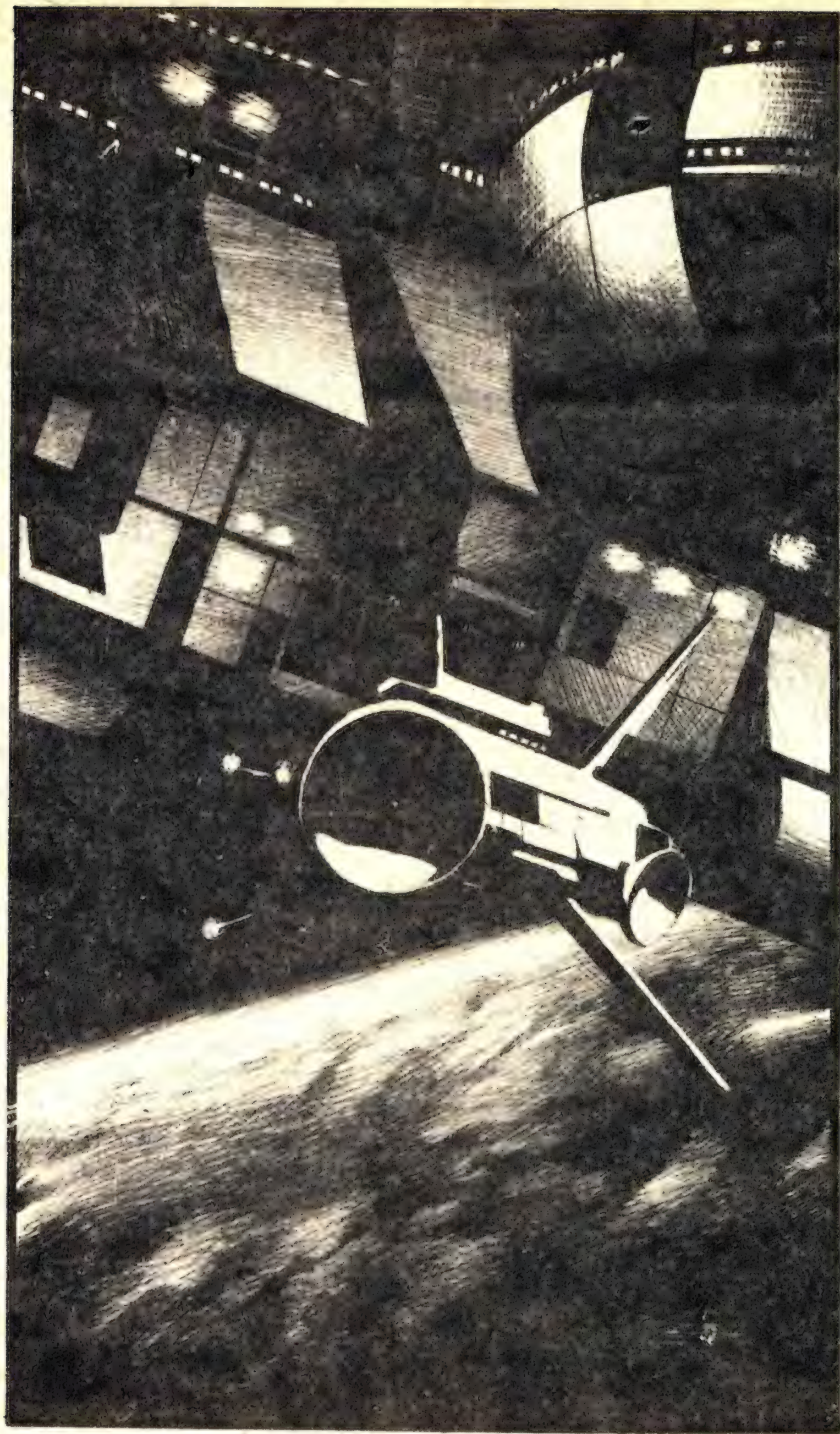
— Нет! — воскликнул он, отдергивая руку, будто обжегшись. — Изыди, сатана! Прочь! Я не дам вам никаких обетов и не отдам свою честь в вассальное владение. Лучше служить в цепях до дня освобождения, когда я увижу вас стоящим перед судом в ожидании наказания.

— Ну что ж, воля ваша. — Язон благодушно осушил стакан и наполнил его вновь. — Но надеюсь, что до дня освобождения все же сумею несколько изменить вашу точку зрения. Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, сколько вам ждать освобождения? И что мы можем сделать, чтобы его приблизить?

— Я ничего не могу сделать — я раб.

— Да. И мы оба знаем, почему. Но, помимо этого, делали ли вы хоть что-нибудь, чтобы освобождение наступило быстрее? Я отвечу за вас — нет. А я делал, и даже в нескольких направлениях. Во-первых, я точно определил, что на этой заброшенной планете нет пришельцев из космоса. Я разыскал несколько хорошо резонирующих кристаллов и построил радиоприемник. Однако ничего не услышал, кроме атмосферных помех и моего собственного священного «SOS».

— Что за святотатственные речи вы произносите?

— Разве я вам не рассказывал? Я построил простейший радиопередатчик и заявил, что он шлет молитвы. С первого же дня он не умолкает под руками верующих.

— Неужели для вас нет ничего святого, богохульник?

— Мы поговорим об этом в другой раз, хотя я не понимаю вашей точки зрения. Неужели вы требуете уважения к ложной религии с ложным богом Электро и тому подобным? Вы должны быть мне благодарны за то, что я посмеялся над этими идолопоклонниками... К тому же, если какой-нибудь космический корабль войдет в атмосферу планеты, он немедленно поймет мой сигнал и придет нам на помощь.

— Когда же? — спросил Майках, поневоле заинтересовавшись.

— Может быть, через пять минут, а может быть, через пятьсот лет. В этой части Галактики множество планет, даже если нас кто-нибудь и ищет. Сомневаюсь, чтобы пирряне искали меня: у них один-единственный корабль, и тот постоянно занят. Как насчет ваших людей?

— Они молятся за меня, но искать не могут. Большинство наших денег ушло на покупку и оборудование корабля, который вы уничтожили. Ну, а посторонние корабли? Торговые? Исследовательские?

— Все зависит от игры случая.

Майках тяжело сел, погрузившись в уныние, а Язон, несмотря на то, что все это знал и раньше, почувствовал мгновенную острую боль.

— Но, приободритесь, — обратился он вновь к Майкаxu, — дела не так уж плохи. Сравните наше теперешнее положение со сбором креподжей в веселой компании рабов Чаки. Теперь у нас теплая квартира с удобной мебелью, достаточно хорошей пищи, со временем будут все удобства.

Из жалости к людям я вытащу этот мир из темного века и втяну его в технологическое будущее. Неужели вы думаете, что я затеял все это, чтобы помочь Хертугу?

— Я не понимаю.

— К сожалению, это типично для вас. Посмотрите — здесь была статичная культура, которая никогда бы не стала изменяться к лучшему без сильного толчка извне. Такой толчок дал я. Пока знания засекречиваются, никакого прогресса быть не может. Возможны лишь незначительные усовершенствования и изменения внутри кланов в их узкой специализации. Я разрушаю все это. Я сообщаю Хертугу информацию, принадлежащую всем кланам, плюс множество сведений, которые им неизвестны. Это нарушит нормальный баланс в обществе. Ранее все эти вооруженные кланы были примерно равны, а теперь Хертуг станет сильнее, начнет войну и сумеет победить их один за другим.

— Войну? — спросил Майках. Ноздри его раздувались, прежний фанатичный блеск появился в глазах. — Вы сказали войну?

— Дв, — благодушно ответил Язон, отпивая из стакана. Он так погрузился в это занятие, что не заметил предупредительных сигналов. — Как сказал кто-то: «Нельзя приготовить яичницу, не разбив яйца...» Предоставленный сам себе, этот мир ковылял бы по своей орбите, девяносто пять процентов его населения были бы по-прежнему обречены на болезни, нищету, грязь, голод, рабство и все прочее. Я начну войну; небольшую, чистую, научную войну, которая уничтожит всех конкурентов. Когда она кончится, то для всех будет лучше, гораздо лучше. Хертуг уничтожит границы между племенами и станет диктатором. Работа, которой я занимаюсь, слишком трудна для престарелых скулоджей. Поэтому я возьму в обучение

рабов и юношей из хороших семей. Когда и это закончится, тут пересекутся все науки, и полным ходом пойдет промышленная революция. И тогда уж никто не сможет повернуть обратно, прошлое умрет. Машины, капитализм, предприниматели, досуг, искусство...

— Вы чудовище! — прошептал Майках сквозь сжатые губы. — Чтобы удовлетворить свое «Я», вы готовы развязать войну, обречь тысячи невинных на смерть. Я остановлю вас, хотя бы даже ценой собственной жизни!

— Вы что-то сказали? — спросил Язон, поднимая голову. Он дремал, погруженный в видения блестящего будущего.

Но Майках не ответил. Он наклонился над самогонным аппаратом, продолжая его чистить. Лицо его покраснело, а зубами он так прикусил губу, что по его подбородку побежала тоненькая струйка крови. В конце концов он понял, что иногда лучше смолчать, хотя усилия, которые потребовались для этого, чуть не убили его.

Во дворе крепости Перссонов был большой каменный резервуар, наполнявшийся свежей водой, которую привозили на барже. Здесь встречались рабы, приходя за водой, здесь был центр сплетен и интриг. Майках ждал своей очереди, чтобы наполнить ведро, но в то же время внимательно всматривался в лица рабов. Он искал раба, который заговорил с ним несколько недель назад. Тогда Майках не ответил ему. Наконец, он увидел его.

— Я согласен помочь, — прошептал Майках. Раб криво усмехнулся.

— Наконец-то ты стал мудрым. Все будет сделано.

Лето было в полном разгаре, горячее и влажное; прохладно становилось только после наступления темноты.

Язон значительно продвинулся в изготовлении паровой катапульты, но вынужден был нарушить свое правило работать только днем. В последнюю минуту он решил провести испытания вечером, так как работать у горячего котла в дневную жару было невозможно... Майках вышел, чтобы заполнить водой кухонный бак (он забыл сделать это днем), поэтому Язон не видел его, когда после ужина отправился в мастерскую. Помощники Язона разожгли котел, и испытания начались. Из-за свиста пара и грохота механизма Язон ничего не слышал. Только когда он увидел вбежавшего солдата со стрелой в плече, понял, что происходит что-то неладное.

— На нас напали Троззеллинги! — выкрикнул солдат.

Язон начал отдавать распоряжения, но все устремились к дверям, не обращая на него внимания. Бранясь, он задержался, чтобы погасить огонь, и открыл предохранительные клапаны — иначе котел взорвется. Затем побежал за остальными. Со стеллажа, где он хранил свои опытные образцы, Язон, не останавливаясь, схватил недавно сконструированную «утреннюю звезду» — устрашающе выглядывшее оружие, которое состояло из толстой рукоятки, увенчанной бронзовым шаром с многочисленными стальными шипами. Рукоятка удобно легла в руку, оружие со свистом рассекло воздух. Со двора доносились крики. Он бросился туда. Около лестницы, ведущей наверх, он услышал звон оружия и приглушенные голоса. Выбежав к главному входу, он увидел, что битва заканчивается, и выиграна она без его участия.

Угольные дуги заливали поле боя резким светом. Морские ворота, ведущие во внутренние бассейны, были частично разбиты, поперек них стояла баржа с отломанным носом, не давая створкам закрыться.

Не в состоянии сразу пробиться во внутренний двор Троззеллинги вначале рассыпались вдоль стен и уничтожили там большую часть охраны. Но прежде чем они успели достичь двора и ввести подкрепления через брешь, их остановила контратака защитников. Победа ускользнула, и Троззеллинги медленно отступали. Хотя стычки еще продолжались, сражение в целом было закончено. Трупы, утыканные стрелами, плавали в воде, раненых оттаскивали в сторону.

Язону здесь нечего было делать, и он задумался, чем же могло быть вызвано это полуночное нападение.

В тот же момент он ощутил какое-то тревожное предчувствие. Что же происходит? Нападение отбито, однако беспокойство не покидало. Тут он вспомнил звуки, доносившиеся сверху, тяжелые шаги и звон оружия. И крик, прерванный внезапно, как будто кто-то приказал молчать. Тогда эти звуки ничего не значили для него; даже если бы он задумался над ними, то решил бы, что это еще один отряд Перссонов направляется к полю боя.

— Но я же последним прошел через эту дверь! Никто не спускался по лестнице! — Еще не закончив эту мысль, он побежал наверх, перепрыгивая через три ступеньки.

Оттуда доносился треск и звон металла о камень. Язон вбежал в коридор, споткнувшись о распростертое тело, чуть не упал и сообразил, что звуки битвы доносятся из его собственной комнаты.

Там был сумасшедший дом, бойня, лишь одна лампа осталась неразбитой, и в ее неверном свете солдаты сражались среди обломков его мебели. Заполненная сражающимися людьми, комната казалась меньше. Язон перепрыгнул через сцепившиеся трупы, чтобы присоединиться к рядам Перссонов.

— Анджейл! — закричал он. — Где ты? —

и обрушил «утреннюю звезду» на шлем противника.

— Вот он! — раздался крик из рядов Троцзингов. Все внимание атакующих обратилось на Язона. Их было очень много, они перекрыли все подходы и атаковали с отчаянной яростью, стараясь окружить его, ранить в руки или ноги. Меч ударил его по икре, рука болела от усилий, необходимых для того, чтобы плести перед собой «утренней звездой» паутину смерти. Он удивился отчаянной решимости нападавших на него людей и не знал, что известие об этом нападении распространилось повсюду, и много защитников спешат со двора на помощь.

Вскоре нападавшие были сметены Перссонами. При свете факелов стало видно, что участники набега отступают, обороняясь плечом к плечу, и стараются выбраться в широкие окна, выходящие на канал. Его оконное стекло было разбито и хрустело под ногами. Металлические крючья вцепились в раму и стену, от них отходили толстые веревки.

Когда появился новый отряд Перссонов, вооруженных самострелами, и обратил в бегство последних врагов, Язон смог пробраться к окну.

Темные фигуры спускались по стене, цепляясь за веревки и веревочные лестницы. Кричащие победители стали перерубать веревки, но Язон взмахом руки приказал им остановиться.

— Нет, за ними! — крикнул он и перекинул ногу через подоконник. Зажав рукоять «утренней звезды» в зубах, он начал спускаться.

Внизу он увидел, что конец лестницы опущен в воду и услышал плеск весел, затихающий вдали.

Язон внезапно ощутил боль в раненой ноге и сильную усталость; он не мог взобраться обратно.

— Пусть пригонят лодку, — приказал он солдату, спустившемуся следом. Вскоре она появилась,

на ее носу сидел сам Хертуг с обнаженным мечом в руке.

— Кто нападал? Что это значит? — спросил Хертуг.

Язон устало перебрался в лодку и опустился на скамью.

— Совершенно ясно, что это нападение организовано из-за меня.

— Что? Не может быть...

— Суди сам. Нападение на морские ворота было только отвлекающим маневром. Главную задачу выполнял другой отряд. Он должен был захватить меня. Чисто случайно я оказался не у себя, а в мастерской. Обычно в это время я уже сплю.

— Но кому ты понадобился? Зачем?

— Разве ты еще не понял, что я — наиболее ценная собственность в Аппсале. Первыми поняли это Мастрегулы. Как ты помнишь, им даже удалось захватить меня. Нам следовало ожидать нападения Троззеллингов. В конце концов, рано или поздно они должны были узнать, что я строю паровую машину — их родовую монополию.

Лодка скользнула в разбитые морские ворота и пришвартовалась к пристани. Язон с трудом выбрался на берег.

— Но как они отыскивали твою комнату?

— Предатель, как всегда на этой планете... Кто-то знал мой распорядок дня, поймал первый крюк и выбросил вниз первую лестницу к ожидавшим внизу лодкам. Это не может быть Анджейл — они не захватили бы ее с собой.

— Я обнаружу этого предателя! — закричал Хертуг. — Я посажу его в электрическую печь.

— Я знаю, кто это, — сказал ему Язон. — Я слышал его голос, когда зашел. Он кричал о моем появлении. Я узнал его. Это мой раб, Майкау

Глава пятнадцатая

— Они заплатят мне, о, как они заплатят мне за это! — произнес Хертуг, скрежеща зубами. Он прихлебывал из стакана бренди Язона. Его глаза и нос были красные — краснее, чем обычно.

— Рад слышать это от тебя, на это я и рассчитывал, — Язон сидел, откинувшись в кресле с еще большим стаканом бренди — в медицинских целях.

Он промыл рану на ноге кипяченой водой и перевязал чистым бинтом. Она слегка побаливала, но не внушала опасений. Не обращая более на нее внимания, он приводил в исполнение свои планы.

— Надо начинать войну, — сказал он.

Хертуг замигал.

— Так неожиданно? Я хочу сказать: готовы ли мы?

— Они вторглись в твой замок, убили твоих солдат, оскорбили тебя...

— Смерть Троззеллингам! — вскричал Хертуг и разбил свой стакан о стену.

— Вот и хорошо. Не забудь, как предательски они напали. Нельзя позволить им уйти безнаказанными. К тому же лучше начать войну поскорее, иначе наши шансы на победу уменьшатся. Если Троззеллинги пошли на такое ради меня, значит, они сильно встревожены. Поскольку их план не удался, они будут готовить другое нападение и, вероятно, сговорятся с другими кланами о помощи. Все станут бояться тебя, Хертуг, поэтому лучше начать войну сейчас же, пока они не объединились и не уничтожили нас. Сейчас мы можем одолеть всех поодиночке.

— Все-таки лучше, если у нас будет больше людей...

— Мне необходимо два дня, чтобы закончить

подготовку флота вторжения. Этого времени тебе достаточно, чтобы подтянуть резервы из страны. Собери все, что можно, потому что мы должны захватить крепость Троззеллинггов. И поможет нам в этом новая паровая катапульта.

— Она испытана?

— Достаточно, чтобы понять, что все ее механизмы действуют. Мы можем испытать дальность и точность, используя Троззеллинггов в качестве мишени. Я начну работать с рассвета, но тебе советую послать вестников немедленно, чтобы подкрепления подошли вовремя. Смерть Троззеллинггам!

— Смерть! — повторил Хертуг и свирепо оскалил зубы. Дернув колокольчик, он вызвал слуг.

Двое суток Язон трудился не покладая рук, почти без сна. Когда он уставал, то начинал думать о предательстве Майкаха, о том, что случилось с Анджейл. Он ничего не слышал о ней с момента похищения, и гнев побуждал его работать еще активнее.

Поскольку паровая машина и винт были уже установлены и испытаны во внутреннем бассейне, окончание работ на военном корабле заняло не очень много времени. Необходимо было лишь обшить борта стальными листами и усилить нос.

Вначале он хотел установить свою катапульту на этом корабле, но затем передумал. Чем проще, тем лучше. Катапульта была установлена на большой плоскодонной барже вместе с паровым котлом, баками с горючим и большим запасом камней.

Перссоны разместились на кораблях, пылая гневом и мечтая о мщении. Несмотря на их крики, в последнюю ночь Язон умудрился поспать два часа и проснулся лишь на рассвете. Флот был собран, и под грохот множества барабанов и рев труб они выступили. Во главе шел боевой корабль «Дредноут» с Язоном и Хертугом на борту, ведя

на буксире баржу. Позади в линию шло множество различных судов и лодок с войсками. Город знал о случившемся, и каналы были пусты. Крепость Троззеллингов ждала. Язон потянул за ручку свистка паровой машины, и флот остановился вне досягаемости стрел из вражеской крепости.

— Почему мы не нападаем? — спросил Хертуг.

— Потому, что мы можем их достать, а они нас нет. Смотри.

Большое с металлическим наконечником копье упало в воду метрах в тридцати от носа корабля.

— Стрелы джетило, — Хертуг задрожал. — Я видел, как такая стрела пробила тела семи человек и полетела дальше.

— Спокойно. Я покажу тебе преимущества научного ведения войны.

Сейчас стрелы джетило были не более опасны, чем крики солдат на стенах, которые стучали мечами о щиты и выкрикивали проклятья.

Язон перебрался на баржу, проверил, прочно ли она стоит на якоре, и направил ее носом прямо на крепость. Пока поднималось давление пара, он навел центральную линию катапульты и проверил подъемный механизм. Устройство было простым, прочным, и он надеялся на него.

На платформе, которую можно было поднимать и опускать, был установлен большой паровой цилиндр с поршнем, связанным непосредственно с коротким плечом рычага. Когда в цилиндр впускали пар, короткий, но чрезвычайно сильный толчок поршня передавался на длинное плечо рычага: оно поднималось и ударялось в обитую мягкими прокладками поперечную балку, которая его и задерживала. Зато груз, который укладывался на конце длинного плеча рычага, устремлялся в воздух с огромной скоростью. Механизм предварительно испытывали, и он работал, но из него пока не было сделано ни одного выстрела.

— Большое давление! — приказал Язон своим техникам. — Положите камень в углубление.

Он подготовил разнообразные метательные снаряды примерно одинакового веса, чтобы упростить прицеливание. Когда камень установили, он еще раз проверил давления.

— Огонь! — крикнул он и открыл клапан.

Сработал поршень, рычаг с грохотом ударился в балку, и камень со свистом полетел, превратившись в уменьшающуюся точку. Раздались крики восторга, но быстро смолкли, когда он пролетел на добрых сто метров выше самого высокого здания крепости — сторожевой башни — и исчез на противоположной стороне, откуда донесся громкий всплеск.

— Пристрелочный выстрел, — небрежно заметил Язон. — Немного уменьшив подъем, и я швырну камень, как бомбу, в самый центр их двора.

Он щелкнул клапанами, и под действием собственного веса длинное плечо рычага вернулось в горизонтальное положение, изгонявая к следующему выстрелу. Язон повернул колесо подъемного механизма. Погрузили камень, и вновь выстрелили.

На этот раз кричали Траззеллинги: камень поднялся почти вертикально и упал на одну из лодок атакующих не далее, чем в пятидесяти метрах от баржи.

— Не очень-то хороша твоя дьявольская машина, — сказал Хертуг. Он тоже перебрался на баржу, чтобы наблюдать за стрельбой.

— Во время полевых испытаний всегда возможны ошибки, — ответил Язон сквозь сжатые зубы. — Подождем следующего выстрела.

Он отказался от дальнейших попыток использовать высокую траекторию и решил просто метать камни вперед, так как машина оказалась гораздо

более мощной, чем он предполагал. Поворачивая колесо подъемного механизма, он поднял заднюю часть катапульты так, что камень должен был лететь почти параллельно воде.

— Этот выстрел покажет, на что мы способны, — заявил он с уверенностью, которой не чувствовал, скрестив пальцы свободной руки.

Камень улетел и ударил в верхнюю часть зубчатой стены. Он обрушил ее огромный кусок и стер в порошок несколько стоявших там солдат. Со стороны Троззеллингов криков больше не было.

— Они в страхе прячутся! — взволнованно воскликнул Хертуг. — Надо атаковать.

— Еще рано, — торопливо объяснил Язон. — Мы еще не полностью использовали свое осадное орудие. — Он повернул колесо прицела, и второй метательный снаряд ударил в стену чуть дальше. — Надо все время держать их в нервном напряжении.

Когда камни обработали всю стену и начали пробивать отверстия в главном здании крепости, Язон ненадолго прекратил огонь.

— Погрузите особые снаряды! — приказал он техникам.

Это были вымоченные в бензине связки тряпок, к которым для веса привязали камни. Когда их погрузили в углубление, он сам поджег их и не стрелял, пока они хорошенько не разгорелись. Быстрый полет в воздухе еще больше раздул пламя, и они, пылая, падали на крытые тростником крыши, которые немедленно начали дымиться.

— Мы пошлем еще несколько таких снарядов, — сказал Язон, потирая руки.

Внешняя стена крепости была пробита в нескольких местах, две сторожевые башни обрушены, большинство крыш охвачено огнем, когда Троззеллинги в отчаянии предприняли контратаку. Язон

ожидал этого и сразу же заметил, что морские ворота открыты.

— Прекратить огонь, — приказал он, — следить за давлением! — Я лично убью каждого оставшегося в живых, если котел взорвется.

Он прыгнул в ожидавшую его лодку.

— К главному кораблю, — скомандовал он. Лодка покачнулась, потому что в нее прыгнул сам Хертуг.

— Хертуг всегда впереди всех! — кричал он, размахивая мечом.

— Хорошо, но спрячь меч и побереги голову, когда начнется стрельба.

Когда Язон достиг борта «Дредноута», он увидел, что неуклюжий колесный пароход Троззеллингов выходит через морские ворота крепости и направляется к ним. Язон слышал леденящие кровь рассказы об этом мощном оружии уничтожения, но успокоился, как только понял, что это всего лишь ветхий и небронированный корабль, как он, впрочем, и ожидал.

— Полный, вперед! — крикнул он в переговорную трубу и сам взял руль.

Корабли быстро сближались носами друг к другу, и стрелы джетило — большого самострела — ударялись о плиты обшивки «Дредноута», отскакивали в воду. Они не причинили никакого вреда, и оба парохода по-прежнему шли встречными курсами.

Вид низкого, изрыгающего дым «Дредноута», очевидно, поколебал решимость вражеского капитана. Он понял, что столкновение на такой скорости не сулит ничего хорошего, и свернул в сторону.

Язон повернул руль и направил нос своего корабля в борт противника.

— Держитесь, мы идем на таран! — крикнул он, когда мимо мелькнул украшенный головой

дракона высокий нос вражеского корабля. На его борту были видны испуганные лица. Бронированный нос «Дредноута» ударил в середину борта вражеского корабля около колеса и, дробя перегородки, вошел внутрь. Последовал резкий удар, люди попадали с ног, «Дредноут» остановился.

— Задний ход! — приказал Язон и резко повернул руль.

Солдат, толчком сбитый с вражеского судна на палубу «Дредноута», не удержался на ногах и упал. С воинственным криком Хертуг напал на ошеломленного противника, ударил мечом и столкнул тело в воду. С парохода Троззеллингов доносились крики, глухие удары и шипение пара. Хертуг отпрыгнул под защиту высокого борта, как только первая стрела упала рядом.

Гребной винт завертелся в обратную сторону, но «Дредноут» только дрожал и не двигался.

— Застрял, — пробормотал Язон и повернул руль в обратном направлении. Корабль вздрогнул и освободился. Вода хлынула в пробоину парохода. Он как решился и стал погружаться.

— Видел, как я уничтожил эту свинью, что осмелилась напасть на меня? — самодовольно спросил Хертуг.

— Твой меч окровавлен, — ответил Язон. — А ты видел, как я пробил дыру во вражеском корабле? А?! Вот и котел взорвался, — добавил он, услышав глухой удар, сопровождаемый облаком пара и дыма. Пароход раскололся на две части и быстро затонул.

Морские ворота крепости закрылись.

— Топи тех, что выплыли, — приказал Хертуг, но Язон не обратил на него внимания.

— В трюме вода, — крикнул человек, высунувшийся из люка.

— От толчка раскрылись щели, — ответил Язон. — Чего же ты ждешь? На борту есть

насосы и десять лишних рабов. Пусть выкачивают.

— Это день победы, — радостно молвил Хертуг, глядя на свой окровавленный меч. — Как эти свиньи платят за нападение на нашу крепость?

— Они заплатят еще больше, — ответил Язон. — Мы вступаем в следующую фазу боя. Ты уверен, что твои люди знают, что нужно делать?

— Я сам говорил им много раз и раздал всем листочки с напечатанными приказами, которые ты приготовил. Все ждут сигнала. Когда я должен его дать?

— Скоро. Стой тут и держи руку на свистке, а я сделаю еще несколько выстрелов.

Язон перебрался на баржу и послал еще десяток зажигательных снарядов, чтобы поддержать пожар в крепости. Затем он стрелял банками с горючим: падая в огонь, они взрывались и уничтожали вражеских солдат, которые осмелились выбраться наружу. Наконец он направил катапульту на морские ворота. Потребовалось всего четыре выстрела, чтобы разбить в щепки тяжелые бревна. Путь был открыт. Язон взмахнул рукой и прыгнул в лодку. Трижды прозвучал свисток, и ожидавшие корабли Перссонов пошли в атаку.

Никто не мог его заменить. Язон был главнокомандующим, артиллеристом, капитаном корабля и всем остальным. Ноги его устали от беготни. Взбираться на борт «Дредноута» было трудно. Теперь, когда нападающие были в крепости, можно было немного отдохнуть, предоставив им самим завершить дело в своей обычной кровожадной манере. Он свое дело сделал: ослабил сопротивление защитников, прежде чем противники сошлись в рукопашной.

Меньшие корабли под парусами и веслами были уже на полпути к зубчатым стенам, и только тогда пришел в движение «Дредноут» и тут же

догнал их. Атакующие расступились, и броненосец занял свое место в строю как раз напротив морских ворот, или, вернее, того, что от них осталось.

Удар бронированным носом сорвал створки ворот с шарниров и отбросил их в бассейн. Хотя тут же был дан задний ход, корабль по инерции пересек бассейн и ударился в пристань. Сзади слышался рев Перссонов, и началась схватка. Гвардия Хертуга была в первой линии нападения, защищая самого Хертуга, бросившегося вперед.

Язон извлек фляжку с бренди своего изготовления и сделал глоток. Потом налил бренди в чашку, не торопясь, выпил и стал следить за битвой.

С первого же момента исход схватки не вызывал сомнений. Защитники были изранены и обожжены, ряды их поредели, а главное, был подорван их моральный дух. Они могли лишь отступать перед вливающимися через разрушенные стены и главные ворота Перссонами. Двор вскоре был очищен, и сражение переместилось в глубины крепости... Настало время действовать и Язону. Он допил бренди, взял в левую руку маленький щит, а в правую — «утреннюю звезду».

Анджейл была где-то здесь, необходимо отыскать ее прежде, чем с ней случится какое-нибудь несчастье. Он чувствовал ответственность за девушку из пустыни — она все еще бродила бы по берегу с другими рабами, если бы не появился он. Она оказалась тут из-за него, и он должен был позаботиться о ней. Язон поспешил на берег.

Огонь на влажных тростниковых крышах гас, каменные здания не горели, но было дымно, и стены были покрыты толстым слоем копоти. В первом зале была только смерть, тела, кровь, несколько раненых...

Язон распахнул дверь и углубился в крепость. Последняя схватка шла в главном из обеденных

Последняя схватка шла в главном из обеденных залов, но Язон обошел сражающихся и пробрался на кухню. Здесь были только рабы, укрывавшиеся под столами, и главный повар, который напал на Язона с большим кухонным ножом. Язон обезоружил его ударом «утренней звезды» и пригрозил мучительной смертью, если он не скажет, где находится Анджейл.

Повар охотно заговорил, потрясая окровавленными руками, но он не знал ничего. Рабы тряслись от страха и добиться от них нельзя было ничего. Язон вышел.

Громкие крики и звон оружия привели его к месту главной схватки в центральном зале крепости, освещенном высокими окнами и увешанном флагами и вымпелами. Сражающиеся волнообразно двигались взад и вперед, скользя в крови и спотыкаясь о тела раненых и мертвых. Шквал стрел из дальнего конца зала заставил сражавшихся разделить, атакующие подняли щиты.

Троззеллинги защищали дальний конец зала. За ними была видна небольшая группа людей, роскошно одетых и увешанных драгоценностями — несомненно, это были главные Троззеллинги. Они стояли на обеденном помосте, теперь лишенном мебели, и смотрели поверх голов сражавшихся. Один из них заметил Язона, как только тот вошел, и указал на него своим мечом, быстро говоря что-то остальным. Все они повернулись к нему и расступились.

Он увидел Анджейл, закованную и связанную, один из Троззеллингов держал у ее груди меч. Они привлекали его внимание к этой сцене и недвусмысленно сигнализировали: «Не нападай, иначе она умрет». Они не знали, что она значит для него, и вообще, значит ли что-нибудь, но ожидали от него ответных действий.

В ответ Язон с гневным криком бросился впе-

ред. Он сразу понял, что сейчас никакие переговоры невозможны, остановить же Хертуга и его солдат не в его силах, а это означало смерть для Анджейл. Он должен добраться до нее!

Солдаты Троззеллинггов разлетелись в стороны; мимо, не задев его, пролетела стрела, и он оказался за спинами противника. Внезапность его нападения сделала свое дело, а «утренняя звезда» проделала щель в линии щитов. Он отразил удар, и в свою очередь напал. Его противник рухнул от удара по шлему.

Язон, не останавливаясь, бежал дальше, а вражеская линия сомкнулась, чтобы отразить Персонов, собиравшихся поддержать самоубийственную атаку Язона.

В группе, стоявшей на помосте, был человек, которого Язон вначале не заметил. Теперь он увидел его. Майках, предатель, был здесь!

Он стоял рядом с Анджейл, обреченной на смерть, так как Язон не успевал добраться до нее. Меч уже опускался, чтобы убить ее.

Язон лишь на мгновение остановил взгляд на Майкахе, затем прыгнул и успел ударить человека, державшего меч, по плечу и бросить его на пол. Вслед за этим на Язона со всех сторон обрушились противники, и ему пришлось сражаться за свою жизнь.

Силы были слишком неравны: пятеро или шестеро бросились на одного. Но Язону не нужно было побеждать, он должен был лишь продержаться несколько секунд, пока не придут свои. Они уже почти рядом, он слышал их победоносные крики, линия защитников отступала. Язон отбил щитом меч, отбросил второго нападающего, ударил третьего «утренней звездой».

Их было слишком много. Они все были против него. Он отбросил еще двоих и повернулся, чтобы отбить нападение сзади. Вот оно. Старик, вождь

этих людей, с гневом в глазах. Длинный меч в его руке... Удар...

— Умри, демон! Умри, разрушитель! — крикнул Троззеллинг и сделал выпад.

Длинное холодное лезвие коснулось тела Язона, вызвав резкую боль, и вышло у него из спины.

Глава шестнадцатая

Была боль. И нестерпимым было сознание своей смерти. Старик убил его. Все кончено. Без злого чувства Язон поднял щит и отбросил ударом старика. Меч, стройная сверкающая смерть, осталась в его теле.

— Оставь его, — хрипло сказал Язон Анджейл, которая с ужасом в глазах протянула скованные руки, чтобы выдернуть меч.

Битва кончилась, и сквозь туманную голову Язон увидел перед собой Хертуга. На нем тоже была написана уверенность в его смерти.

— Ткань, — сказал Язон внятно, как только мог, — приложите кусок ткани к ранам, как только выдернут меч.

Сильные руки солдат держали его, ткань была наготове. Хертуг встал перед Язоном, который кивнул и закрыл глаза. Боль стала невыносимой, и он упал. Он лежал на ковре в изодранной одежде, кровь из ран хлынула на подготовленные повязки. Теряя сознание, с благодарностью Язон подумал, зачем он еще хлопочет, зачем продлевает боль? Ему теперь остается лишь умереть в световых годах от антисептики и антибиотиков с разрушительным механизмом в собственных кишках. Он может только умереть.

Придя в сознание, Язон увидел Анджейл, склонившуюся над ним с иглой и ниткой. Она сшивала края раны на его животе. Свет вновь

в своей собственной постели. Через разбитые окна ему в глаза светило солнце, что-то заслонило свет, и вначале на его лоб, щеки, а затем и на губы легли влажность и прохлада. Это заставило его понять, насколько сухо у него в горле, и как сильна боль.

— Воды... — прохрипел он, и был удивлен слабостью своего голоса.

— Мне сказали, ты не должен пить из-за этой раны, — сказала Анджейл, указывая на его тело.

— Не думаю, чтобы это имело значение... так или иначе... — сказал он ей, и сознание неминуемой смерти причинило большую боль, чем сама рана.

Рядом с Анджейл появился Хертуг, и его обеспокоенное лицо было отражением лица Анджейл. Он протянул Язону небольшой ящичек.

— Это принесли скулоджи. Здесь корни беде, они смягчают боль. Пожуй их, но не очень много. Жевать много очень опасно.

— Не для меня, — подумал Язон, заставляя свои челюсти разжевывать сухие и пыльные корни. — Убийца боли, то есть наркотик, который становится необходимостью.

«... но у меня слишком мало времени, чтобы стать наркоманом».

Чем бы он ни был, этот наркотик, действовал он хорошо, и Язон был благодарен ему. Его боль ускользала, так же, как и жажда, и, хотя слегка кружилась голова, он больше не чувствовал смертельной опасности и усталости.

— Как идет сражение? — спросил он Хертуга, который, нахмурившись и скрестив руки на груди, стоял у его постели.

— Мы победили. Выжившие Троззеллинги теперь наши рабы, их клан перестал существовать. Лишь несколько солдат сумели убежать. Их кре-

пость захвачена, в том числе и секретные помещения, где они строили машины...

Понимание того, что Язон не сможет увидеть эти машины, что он вообще мало что увидит теперь, заставило Хертуга еще больше нахмуриться.

— Подбодрись, — сказал ему Язон. — Ты победил один клан, победил их всех. Остальные не так сильны, и не смогут сопротивляться. Действуй, прежде чем они начнут объединяться. Выбери сначала самых недружелюбных. Постарайтесь захватить их техников, кто-то должен будет объяснить тебе их секреты после победы. Действуй решительно — и ты овладеешь всей Аппсалией.

— Твои похороны будут самыми пышными в Аппсале, — сказал Хертуг.

— Я уверен в этом, ты не пожалеешь денег.

— Будут церковные празднества и молитвы, и твои останки превратятся в пепел в электрической печи во славу бога Электро.

— Ничто не сделало бы меня счастливее.

— А потом мы отвезем пепел в море во главе огромной похоронной процессии. Корабль за кораблем, все забиты солдатами. Возвращаясь, мы нападём на неожиданных этого нападения Мастрегулов.

— Вот это уже похоже на тебя, Хертуг. А то я подумал, что ты стал вдруг слишком сентиментальным.

Скрип двери привлек внимание Язона. Он медленно повернул голову и увидел рабов, тащивших в комнату тяжелые изолированные кабели. Потом принесли ящики с оборудованием, затем появился размахивающий хлыстом надзиратель, толкая перед собой закованного в цепи Майкаха. Его толкнули в угол, там он упал на пол.

— Я хотел убить предателя, — сказал Хертуг, — но потом подумал, что тебе приятно будет

самому замучить его до смерти. Тебе это доставит радость. Электрическая дуга действует не быстро, и ты можешь поджаривать его по частям. Пошли его впереди, перед собой, как жертву богу Электро, пусть он смягчит твой путь.

— Я очень благодарен тебе, — сказал ему Язон, рассматривая избитого Майкаха. — Прикуйте его к стене и оставьте нас, я должен обдумать, какие самые жестокие и изысканные пытки испытать на нем.

— Я сделаю так, как ты говоришь. Не забудь меня позвать: меня очень интересуют подобные пытки...

— Обязательно, Хертуг.

Все ушли, и Язон увидел, как Анджейл замахнулась на Майкаха кухонным ножом.

— Не нужно, — сказал Язон. — Это плохо, это очень плохо.

Она послушно опустила нож, взяла губку и начала обтирать ему лоб и лицо. Майках поднял голову и взглянул на Язона. Один глаз его был подбит и заплыл.

— Не скажете ли, какого дьявола вы добивались, — спросил у него Язон, — предавая нас и стараясь, чтобы меня захватили Троззеллинги?

— Хоть вы и будете меня пытать, мои губы навсегда останутся сомкнутыми.

— Не будьте большим идиотом, чем всегда. Никто не будет вас пытать. Я только не могу понять, что вы имели в виду на этот раз, что заставило вас выкинуть этот трюк.

— Я действовал так, как считал нужным, — ответил Майках.

— Вы всегда действуете так, как считаете нужным, однако от этого бывает лишь хуже. Вам не нравилось, как я обращаюсь с вами?

— В том, что я делал, не было ничего

личного. Я поступал так, желая добра страждущему человечеству.

— Я думал, что вы поступили так из мести.

— Никогда! Вы должны знать... — я хотел предупредить войну...

— Что вы этим хотите сказать?

Майках выпрямился, глядя осуждающе, несмотря на свой подбитый глаз. Звеня цепями, он направил указательный палец на Язона.

— Однажды напившись, вы посвятили меня в свой преступный план развязывания смертоносной войны среди этих невинных людей. Вы хотели устроить им бойню и посадить им на шею жестокого деспота. Я знал, что мне нужно делать. Вас следовало остановить. Я заставил себя молчать, чтобы не выдать свои мысли, потому что я знал выход. Со мной разговаривал человек, нанятый Троззеллингами — кланом честных рабочих и техников, как он уверил меня. Он хотел за хорошую цену переманить вас от кровожадных Перссонов. Тогда я не ответил ему, ибо любой план нашего освобождения мог быть связан с человеческими смертями, а я не считал это разумной платой за освобождение.

Теперь, когда я узнал ваши кровожадные планы, я спросил у своей совести, что мне нужно делать. Мы все должны были перейти к Троззеллингам, которые обещали не причинять вам вреда, хотя они и держали бы вас как пленника. Тогда война была бы предотвращена.

— Вы просто дурак, — сказал Язон бесстрастно.

Майках вспыхнул.

— Меня не заботит ваше мнение обо мне. Я поступил бы точно так же, если бы опять представилась возможность.

— Даже зная, что эта шайка, которую вы привели за мной, не лучше остальных? Разве вы

остановили их во время битвы, когда они хотели убить Анджейл?

— Это было сделано в состоянии аффекта, во время схватки, я не могу осуждать их за это...

— Не важно, чем это было вызвано. Война окончена, они побеждены, и мои планы промышленной революции осуществляются теперь беспрепятственно, даже без моего личного участия. Единственное, чего вы добились, это убили меня — и этого я не могу вам простить.

— Что за безумие?

— Безумец — вы, ограниченный человек. — Язон приподнялся на локте и опять упал, пронзенный стрелой боли сквозь завесу наркотика. — Вы думаете, что я лежу здесь, потому что устал? Ваши интриги, похищение Анджейл заставили ввязаться в сражение и напороться на длинный, острый и необеззараженный меч. Меня прокололи, как свинью.

— Я не понимаю, что вы говорите.

— Вы стали очень бестолковы. Меня проткнули мечом, и острие вышло наружу. У меня не слишком хорошее знание анатомии, но, вероятно, ни один из жизненно важных органов не затронут. Если бы были пробиты легкие или крупные кровеносные сосуды, я сейчас не разговаривал бы с вами. Но я не вижу способа пробить дыру в животе и не занести туда компанию голодных бактерий. Когда-нибудь почитайте книгу об оказании первой помощи. Там сказано о такой инфекции, как перитонит. Учитывая медицинские достижения на этой планете, она в ста процентах случаев ведет к смерти.

Эти слова поразили Майкаха, но Язон не видел этого. Его глаза закрылись от слабости. Когда он вновь открыл их, было уже темно. Так с перерывами он дремал до рассвета. Утром он смог позвать Анджейл и попросил принести ящичек с

корнями беде. Она вытерла его лоб, и он заметил выражение ее лица.

— Здесь не стало жарче, — сказал он. — Это у меня температура.

— Ты ранен из-за меня, — воскликнула Анджейл и заплакала.

— Ерунда, — сказал ей Язон. — Я давно уже решил, что единственный для меня способ умереть — самоубийство. На планете, где я родился, не было ничего, кроме солнечных дней, бесконечного мира и долгой, долгой жизни. Я решил покинуть ее, предпочитая короткую насыщенную жизнь долгой, но пустой. Теперь дай мне корней: я хочу забыться.

Наркотик был сильнодействующим, а инфекция глубоко проникла в организм. Язон дремал, погрузившись в красноватый туман беде, приходил в себя и обнаруживал, что ничего не меняется. Анджейл ухаживает за ним, Майках звенит цепями в углу. Он подумал, что случится с Майкахом, когда он умрет, и эта мысль устрасала его.

И вдруг он услышал шум, растущий в воздухе рев, который постепенно замер в отдалении. Он приподнялся, в отдаленном шуме ему послышалось что-то знакомое. Не обращая внимания на боль, он закричал:

— Анджейл, где ты? Иди сюда...

Она вбежала из соседней комнаты, и тут он услышал крики и голоса, доносившиеся с улицы и со стороны канала. Он действительно слышит их? Или это болезненная галлюцинация? Анджейл пыталась уложить его, но он оттолкнул ее и позвал Майкаха.

— Вы слышали? Вы слышали его?

— Я спал... но, кажется, слышал...

— Что?

— Рев, который разбудил меня. Он похож... но это невозможно!...

— Невозможно? Почему невозможно? Это же были ракетные двигатели. Здесь, на этой примитивной планете.

— Но ведь здесь нет ракет...

— Теперь они есть, идиот. Как вы думаете, зачем я построил свой передатчик молитв?.. — он нахмурился от внезапной мысли и старался заставить свой ослабевший мозг работать. — Анджейл, — позвал он, роясь под подушкой, куда он спрятал кошелек. — Бери деньги — все — отправляйся в церковь Электро и отдай их жрецам. Пусть ничто не остановит тебя: это самое важное дело в твоей жизни. Вероятно, все перестали крутить колесо и выбежали посмотреть, что происходит. Ракета никогда не отыщет нас без наводящего радиолуча. А если она приземлится где-нибудь в другом месте, будет много хлопот. Пусть крутят ручку и не останавливаются ни на мгновение. Скажи им, что сюда приближается корабль богов и нужно непрерывно молиться.

Она выбежала, а Язон откинулся на подушку, тяжело дыша. Что за корабль поймал его сигнал SOS? Есть ли на борту врач или медицинская машина? Сумеют ли они побороть инфекцию? Должны суметь, на каждом корабле есть необходимое медицинское оборудование.

Впервые с момента своего ранения он позволил себе подумать, что может еще выжить, и черный груз безнадежности рухнул. Он даже улыбнулся Майкаху.

— У меня такое чувство, старина, что мы в последний раз ощущаем вкус креподжа. Перенесете ли вы эту тяжесть?

— Я должен предупредить вас, — серьезно ответил Майках. — Ваши преступления слишком серьезны, чтобы замалчивать о них. Я не могу поступить иначе. Я обязан буду сообщить капитану и вызвать полицию.

— Как может такой человек, как вы, прожить так долго? — холодно спросил Язон. — Что останавливает меня? — ведь я могу вас убить, чтобы вы замолчали навсегда...

— Не думаю, чтобы вы сделали это, у вас есть определенное чувство чести.

— Определенное чувство?.. Что за слово вы произносите? Может ли быть, что в вашем ограниченном мозге, покрытом непромываемой коркой разума, появились крохотные щели?

Прежде чем Майках смог ответить, рев ракеты послышался вновь. Какая-то тень закрыла солнце.

— Химическая ракета, — перекрикивал шум Язон. — Это посадочная шлюпка с космического корабля, она идет на мой радиосигнал, и тут не может быть случайного совпадения.

В этот момент в комнату вбежала Анджейл.

— Жрецы разбежались, все попрятались. Большой огненный зверь спускается, чтобы уничтожить нас всех!

Голос ее перешел в крик, когда рев со двора вдруг замолк.

— Благополучная посадка! — выдохнул Язон и указал на свой стол. — Дай мне карандаш и бумагу, Анджейл. Я напишу записку, ты отнесешь ее к приземлившемуся кораблю. — Она отпрянула, дрожа. — Не бойся, это всего лишь корабль, как и те, что ты видела, но он может летать по воздуху. В нем люди, они не причинят тебе вреда. Иди покажи им записку и приведи их сюда.

— Я боюсь...

— Не бойся. Люди в корабле помогут мне. Благодаря им, я выздоровлю.

— Тогда я иду, — просто сказала она, поднялась и, все еще дрожа от страха, направилась к двери.

Язон смотрел, как она уходит.

— Иногда, Майках, — сказал он, — когда я не смотрю на вас, я горжусь человечеством.

Ползли минуты. Язон беспокойно перебирал пальцами одеяло, думая, что может происходить во дворе. Послышался звон металла, и вслед за этим серия выстрелов. Неужели эти глупцы напали на корабль? Он попытался встать и проклял собственную слабость. Все, что он мог делать — это лежать и ждать. Его жизнь была в чужих руках.

Послышалось еще несколько выстрелов, на этот раз в самом здании, так же, как и крики, и громкий стон. Звук шагов в коридоре, вбежала Анджейл, а за ней, со все еще дымящимся пистолетом в руке, Мета.

— Долог путь от Пирра, — сказал Язон, любуясь ее прекрасным лицом, знакомым телом в жестком металлическом костюме.

— Ты ранен! — она быстро подбежала к постели и наклонилась, не упуская из виду раскрытую дверь. Когда она взяла его за руку, глаза ее стали шире: она почувствовала сухой жар его кожи, но ничего не сказала, только отстегнула от пояса свою аптечку. Она прижала ее к коже на его предплечье, последовал укол анализатора, что-то глухо зажужжало внутри. Одно подкожное впрыскивание, затем какие-то еще три. Аптечка еще немного пожужжала, очевидно, проверяя результат, затем добавила еще укол и зажгла сигнал «угроза миновала».

Лицо Меты было рядом, она наклонилась и поцеловала его в сжатые губы, локон золотистых волос упал ему на щеку. Она была женщиной, но женщиной-пиррянкой, и целуя его, не сводила глаз с дверей. Ее выстрел ударил в косяк и отбросил в коридор появившегося солдата.

— Не стреляй в них, — сказал Язон, когда

она неохотно оторвалась от него, — они могут быть друзьями.

— Не моими. Как только я приземлилась, они начали стрелять по мне какими-то примитивными метательными снарядами, но я позаботилась об этом... Они стреляли даже в девушку, которая принесла мне твою записку, пока я не согнала их со стены. Тебе лучше?

— Не лучше и не хуже, только голова кружится. Но нам лучше уйти на корабль. Посмотрим, смогу ли я идти...

Язон опустил ноги на пол, приподнялся и упал лицом вниз. Мета втащила его обратно на кровать и натянула на него одеяло.

— Ты должен оставаться здесь, пока тебе не станет лучше. Ты слишком болен, чтобы двигаться сейчас.

— Будет гораздо хуже, если я останусь. Как только Хертуг — он тут главный — поймет, что я могу уйти, он сделает все, чтобы задержать меня, не заботясь о том, сколько людей он потеряет. Мы должны двинуться раньше, чем его маленький злобный мозг придет к такому выводу.

Мета осмотрелась. Взгляд ее скользнул в сторону Анджейл, — та съежилась на полу, глядя на нее, — как по предмету мебели, и остановился на Майкахе.

— Этот прикованный человек опасен?

— Временами бывает так, что с него нельзя спускать глаз. Этот человек похитил меня с Пирра.

Мета протянула Язону пистолет.

— Вот оружие, убей его сам.

— Видите, Майках, — сказал Язон, чувствуя незнакомую тяжесть оружия в руке. — Все хотят, чтобы я убил вас. Что-то в вас есть, из-за чего все чувствуют к вам отвращение.

— Я не боюсь смерти, — ответил Майках,

поднимая голову и распрямляя плечи, но со своей отросшей бородой и цепями он выглядел не очень впечатляюще.

— Вы должны бояться, — Язон опустил пистолет. — Удивительно, что человек с вашей способностью причинять неприятности может продержаться так долго. — Он повернулся к Мете. — Я устал от убийств, эта планета погрязла в них. И, кроме того, он поможет мне добраться до корабля, лучшего носильщика-санитара мы здесь не найдем.

Мета повернулась к Майкаxu, пистолет из ее кобуры прыгнул в руку и выстрелил. Майках отшатнулся, защищаясь протянутыми руками, и был удивлен, обнаружив, что он еще жив. Мета освободила его, отстрелив цепь. Она скользнула к нему с грацией крадущейся тигрицы и подняла все еще дымящийся ствол своего пистолета.

— Язон не хочет, чтобы я убила тебя, — сказала она и еще ближе поднесла к нему пистолет, — но я не всегда поступаю так, как он говорит. Если хочешь жить, делай то, что я говорю. Сними крышку со стола. Нам нужны носилки. Поможешь отнести Язона к ракете. При малейшем неповиновении ты умрешь. Понял?

Майках открыл рот для протеста или, может быть, для одной из своих речей, но холодная жестокость в голосе женщины остановила его. Он только кивнул и повернулся к столу.

Анджейл теперь съежилась у постели Язона, крепко схватившись за его руку. Она не поняла ни слова из их разговора.

— Что происходит, Язон? — взмолилась она жалобно. — Что это за сверкающая штука укусила тебя в руку? Эта женщина поцеловала тебя, она, должно быть, твоя жена, но ты сильный человек, и у тебя могут быть две женщины. Не оставляй меня...

— Кто эта девушка? — спросила Мета ледяным голосом. Ее кобура задрожала, и оттуда высунулся ствол пистолета.

— Это местная девушка, рабыня: она помогала мне, — сказал Язон с наигранной небрежностью. — Если мы оставим ее здесь, ее убьют. Она отправится с нами...

— Не думаю, что это разумно, — Мета сузила глаза, пистолет дрожал от желания прыгнуть ей в руку. Пиррянская женщина в любви остается женщиной — тоже пиррянской, а это чрезвычайно опасное соединение. К счастью, ее внимание отвлек скрип двери, и она дважды выстрелила в том направлении, прежде чем Язон остановил ее.

— Подожди, это Хертуг; я узнал его шаги, когда он убегал от двери.

Из зала донесся испуганный голос.

— Мы не знали, что это твой друг, Язон. Несколько солдат начали стрелять. Я накажу их. Мы друзья, Язон. Скажи этому человеку, чтобы он перестал стрелять; я хочу поговорить с тобой.

— Я не понимаю слов, — сказала Мета, — но его голос мне не нравится.

— Твои чувства совершенно правильны, дорогая, — сказал Язон. — Он не мог бы быть более двуличным, даже имея глаза, нос и рот на затылке...

Язон засмеялся и понял, что голова у него ясная, сознание больше не затуманено. Необходимость думать по-прежнему требовала усилий, но эти усилия были ему вполне доступны. Они все еще не выбрались из этого беспокойного места: каким бы хорошим стрелком ни была Мета, она не могла выстоять против целой армии.

— Входи, Хертуг, тебе не причинят вреда. Случилось недоразумение, — позвал он и повернулся к Мете. — Не стреляй, но будь наготове.

Я попробую уговорить его, но ничего не могу гарантировать.

Хертуг быстро заглянул в дверь и спрятался. Потребовалось некоторое время, чтобы он справился со своими нервами и нерешительно вошел в комнату.

— Какое отличное маленькое оружие у твоего друга, Язон. Скажи ему... — Тут он взглянул еще раз на Мету, — я имел ввиду, что я дам несколько рабов за это оружие. Пять рабов... Это будет хорошая сделка...

— Скажи: семь...

— Согласен, по рукам.

— Но не это, это оружие принадлежит ее семье многие годы и стало частью ее. Но на корабле есть другое, мы пойдем туда, и она даст тебе его.

Майках кончил разбирать стол и положил его крышку у постели Язона, затем он и Мета осторожно положили Язона на крышку, а Хертуг рукой вытер нос и следил за ними своими красными глазками.

— На корабле тебя приведут в порядок, — сказал он, проявляя больше сообразительности, чем ожидал от него Язон. — Ты не умрешь и улетишь на небесном корабле?

— Я умираю, Хертуг! — застонал Язон и вытянулся на досках, изображая агонию. — Они унесут мой прах на корабле, это особая похоронная космическая барка, и развеют его среди звезд...

Хертуг двинулся к двери, но прежде чем он сделал шаг, Мета была рядом. Она так сжала его руку, что он вскрикнул, и приставила пистолет к его груди.

— Каковы твои планы, Язон? — спокойно спросила она.

— Пусть Майках несет носилки впереди, а

Хертуг и Анджейл — сзади. Держи этого парня под прицелом, и, может быть, нам удастся сберечь свои шкуры.

Они вышли медленно и осторожно. Лишившиеся руководства Перссоны не могли понять, что происходит; крик боли, который издал Хертуг, только смутил их. Процессия достигла ракеты без затруднений.

— Теперь самое трудное, — сказал Язон, схватившись за шею Анджейл и перенося большую часть своего веса на плечо Майкаха. Он не мог идти, но они втащили его в корабль. — Стой у двери, Мета, и следи за этим старым грибом. Будь готова ко всему, на этой планете не существует верности, и если они смогут добраться до нас ценой жизни Хертуга, они не будут колебаться ни минуты.

— Это логично, — согласилась Мета. — И, в конце концов, на то и война.

— Да, я так и думал, что пиррянин согласится с таким взглядом. Будь наготове. Я проверю механизмы и, когда все будет готово, дам сирену. Тогда оттолкни Хертуга, закрывай люк и как можно быстрее отправляйся к приборам — я не думаю, что смогу управлять взлетом. Поняла?

— Да. Иди, ты теряешь время.

Язон взобрался в кресло помощника пилота и проделал весь предполетный цикл. Он уже потянулся к кнопке сирены, когда раздался глухой удар, и корабль вздрогнул.

Прежде, чем Язон успел нажать кнопку, Мета оказалась в кресле пилота, и маленькая ракета устремилась к небу.

— У них не такой уж примитивный мир, как я сначала подумала, — сказала Мета. — В одном из зданий была большая неуклюжая машина, она вдруг задымилась и бросила в нас камень, два

стабилизатора отлетели. Я подняла корабль, но человек, которого ты назвал Хертугом, сбежал.

— В некотором отношении это даже и лучше, — согласился Язон, чувствуя себя слишком слабым, чтобы признаться, что под конец их чуть не погубило его собственное изобретение.

Глава семнадцатая

Благодаря искусству Меты они легко скользнули в люк пиррянского крейсера, который вращался по орбите на границе атмосферы. Свободное падение и состояние невесомости настолько облегчили боль Язона, что он сумел надежно закрепить перепуганную Анджейл в противоперегрузочном кресле, только после этого удобно устроившись в таком же. Маньяки-рабовладельцы казались далеко позади.

Когда он пришел в себя, боль и неудобства прошли, так же, как и слабость, и он смог самостоятельно добраться до штурманской каюты. Мета рассчитывала курс на компьютере.

— Еды! — проговорил Язон, хватаясь за горло. — Ткани моего организма истощены. Я умираю от голода.

Мета, не говоря ни слова, протянула ему обеденный набор из космического рациона. Ее вид, хорошо знакомый ему, говорил о том, что она чем-то рассержена. Поднося тюбик ко рту, он увидел Анджейл, съежившуюся в углу — она, наконец, смирилась с отсутствием веса.

— Отлично, — сказал Язон с фальшивым весельем в голосе. — Ты в корабле одна, Мета?

— Конечно, одна. — она ответила таким тоном, что это прозвучало как «ты глуп». — Мне позволили взять корабль, но никто не смог отправиться со мной.

— Как ты разыскала меня? — спросил он, стараясь выяснить причину ее недовольства.

— Очень просто. Оператор в нашем космическом порту заметил герб, когда корабль с тобой улетал, и по его описанию Керк узнал герб Кассилии. Я отправилась на Кассилию на разведку. Корабль они опознали, но никаких сведений о его возвращении не было.

Я вернулась на Пирр и выяснила, какие планеты лежат поблизости от курса, и где могли бы зарегистрировать корабль, если он вышел из джамп-режима. Таких планет оказалось три. На двух из них есть современные космопорты и летный контроль, они знали бы, если бы ваш корабль приземлился, или даже если бы потерпел крушение. Но они не знали.

Оставалась одна планета. Как только корабль вошел в атмосферу, я услышала сигнал и приземлилась как можно быстрее.

— Как ты поступишь с этой женщиной дальше?

— последние слова были еще холоднее, чем обычный ее тон.

— Я еще не думал об этом, однако...

— В твоей жизни есть место только для одной женщины, Язон. Для меня. И я убью всякого, кто думает иначе.

Она, несомненно, так и сделает, и если Язон хочет, чтобы Анджейл жила как можно дольше, ее следует немедленно удалить от смертельной угрозы, которую представляет ревнивая пиррянка. Язон напряженно думал.

— Мы приземлимся на ближайшей цивилизованной планете и оставим ее. У меня достаточно денег. Я оставлю на ее имя счет в банке, ей хватит этого на долгие годы. И я поставлю условие, что деньги ей будут выплачивать лишь по частям. Поэтому, сколько бы она не истратила, ей хватит на будущее. Я не беспокоюсь о ней;

если она могла выжить на этой планете, она выживет везде.

Он услышал жалобы Анджейл, когда сообщил ей эту новость, но ведь это было для ее же блага.

— Я позабочусь о ней и поведу ее путем правды, — раздался от входа знакомый голос. Там стоял Майках, прижимаясь к косяку.

— Отличная идея, — с энтузиазмом согласился Язон. Он обернулся к Анджейл и заговорил на ее языке. — Ты слышала? Майках возьмет тебя с собой и присмотрит за тобой. Я оставлю тебе достаточно денег на все твои нужды, а он тебе все объяснит о деньгах.

Я хочу, чтобы ты внимательно его слушала, а потом поступала наоборот. Ты должна пообещать мне это и никогда не нарушать своего слова. Таким путем ты сделаешь какое-то количество ошибок, но все, в общем, пройдет хорошо.

— Я не могу оставить тебя! Возьми меня с собой — я всегда буду твоей рабыней! — заплакала она.

— Что она сказала? — спросила Мета.

— Вы зло, Язон, — заявил Майках. — Она будет повиноваться вам, как бы я о ней ни заботился. Она будет выполнять ваш приказ.

— Надеюсь на это, — горячо ответил ему Язон. — Только тот, кто рожден с вашим умом, способен жить алогично. Остальные, обычно, намного счастливее вас. Они наслаждаются физическими радостями жизни.

— Я сказал «зло», и оно не должно оставаться безнаказанным. — Его рука отделилась от косяка, и в ней оказался пистолет, который Майках нашел внизу. — Я захватываю командование этим кораблем. Мы высадим этих двух женщин, затем отправимся на Кассилию для суда и наказания.

Мета сидела спиной к Майкаxu в кресле пилота

в пяти метрах от него. Руки ее были заняты расчетом курса. Она медленно подняла голову и взглянула на Язона. На ее лице появилась улыбка.

— Ты говорил, что не хочешь убивать.

— Я все еще не хочу этого, но я не хочу и отправляться на Кассилию.

Он повторил ее улыбку, отвернулся и вздохнул. За его спиной послышался внезапный шум. Выстрелов не было, лишь хриплый стон, глухой стук и резкий скребущийся звук.

Майках проиграл последний спор.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая		3
Глава вторая		11
Глава третья		21
Глава четвертая		26
Глава пятая		46
Глава шестая		52
Глава седьмая		62
Глава восьмая		79
Глава девятая		94
Глава десятая		112
Глава одиннадцатая		121
Глава двенадцатая		135
Глава тринадцатая		147
Глава четырнадцатая		151
Глава пятнадцатая		162
Глава шестнадцатая		173
Глава семнадцатая		188

Сдано в набор 02.03.91. Подписано в печать 01.04.91. Формат 60 x 88 1/16. Бумага писчая. Гарнитура Универс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Усл. кр.-отт. 13.4. Тираж 50 000 экз. Зак. 6293. Цена 8 р.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО "Первая Образцовая типография" Государственного комитета по печати 113054, г. Москва, Валовая, 28.

8 руб.

ГАРРИ

ГАРРИСОН